

Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (45) 2020

Вниз по Амуру

Георгий Гусак. Нанайская «бригантина». 1930-е (?) –1964. Холст, масло. ДВХМ (Хабаровск)

Георгий Гусак. Семья охотника. (Отдых). 1930-е (?) –1964. Холст, масло. ДВХМ (Хабаровск)

Словесница Искусств

№ 1 (45)
2020

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг – 2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор – 2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

Издано при содействии
Регионального отделения
Общероссийской общественно-
государственной организации
«Российский фонд культуры»
в Хабаровском крае

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор Елена Викторовна ГЛЕБОВА

Художественный редактор Галина Ивановна ПЕРШИНА

Выпускающий редактор Наталия Васильевна РОДИНА

Интернет-версия Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ГЛЕБОВА Елена Викторовна

главный редактор журнала «Словесница Искусств»

ЯРОШЕНКО Антон Сергеевич

генеральный директор КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»

ЧЕРЕПАНОВА Светлана Юрьевна

председатель Хабаровского краевого благотворительного

общественного фонда культуры, член Регионального

отделения ООГО «Российский фонд культуры»

в Хабаровском крае

ПЕРШИНА Галина Ивановна

член Регионального отделения ООГО «Российский фонд культуры» в Хабаровском крае

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
П/И № ТУ27-00252 от 7 декабря 2011 г.

Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный
фонд культуры
(680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)
(680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 69а).

Издатель: Краевое государственное автономное учреждение культуры
«Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»
(КГАУК «КНОТОК»)

Адрес издателя и редакции:

680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а

Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, <http://словесницаискусств.рф>
www.fkhv.ru

Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография»

680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31

Тираж 1000 экз.

Выход в свет 15 сентября 2020 г.

Цена свободная

12+

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки:

Георгий Гусак. Девушка с Усури. 1934. Холст, масло. ДВХМ, Хабаровск

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

2 Елена ГЛЕБОВА. *Течение большой реки*

ГЛАВНАЯ ТЕМА: Вниз по Амуру

4 Елена ГЛЕБОВА. *Судьба связана с Амуром*

8 Дмитрий БАЛЬБУРОВ. *Владимир Санги.*

Равный среди первых

10 Лина КОЛЮН. *Родной язык – нивхский*

15 Анна МОРОЗОВА. *От легенды до квеста*

Обращение к истокам ульчской культуры

18 Ольга АПОЛЛОНОВА. *Чешуя дракона Мангбо*

22 Понгса КИЛЕ. *«Я чту память старины».*

Страницы детства

26 Марина БАЛАШОВА. *Дорога в Тугур*

КОРНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЗЕМЛИ

32 Людмила КАУТИНА. *Есть такой народ – нивхи*

34 *Из глубины старинных преданий:*

Галина МОМИ. *Род Самаров под защитой Дракона*

35 Лина ПАЙЗИНА. *Земля предков*

37 Ирина ПАССАР. *Настоящие мэргэны*

38 Ирина ОНЕНКО. *Откуда у тигренка полоски*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ВЫСТАВКИ

40 Людмила КОЗЛОВА. *Время. Тропы. Родники*

ПЕРСОНА

47 Ольга АПОЛЛОНОВА. *Сила камня*

50 Виктория ШИШКИНА. *На контрасте*

ДАТА

56 Марина ДУБИНИНА. *Музыка нас связала*

К 85-летию Хабаровского колледжа искусств

ПАМЯТЬ

62 Светлана ФУРЦОВА. *Смысл только в сотворчестве*

Памяти театрального художника Андрея Непомнящего

СЮЖЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

67 Татьяна ТРИШКИНА. *На ступенях Вечности*

Буддийское искусство в Индонезии

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

75 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

76 Нина ДУБИНИНА. *«Мы из Ленинграда...»*

79 Мария ВОЛЬГУШЕВА. *Война. Дорога на восток*

ИССЛЕДОВАНИЕ

87 Анна БЕЛЫХ. *Защита и опора дальневосточных рубежей*

Духовная культура казачества юга Дальнего Востока.
XIX – начало XX в.

91 *Сохраняя память о казачестве*

КНИГИ

94 Дмитрий БАЛЬБУРОВ. *Там вдали, за рекой Черного дракона*

ВСПОМНИМ ИМЯ

102 Валерий МАЛИНОВСКИЙ. *Частичка Отечества*

ИМЕНА НА КАРТЕ

106 Дмитрий БАЛЬБУРОВ. *Не скажут ни камень, ни крест*

ЛИТЕРАТУРА

ШТРИХИ

112 Валерий ЧЕРКЕСОВ. *«Что людям отдано – твое...»*

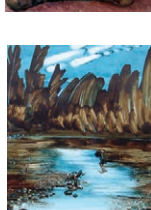
СТРОКИ

116 Валерий ЧЕРКЕСОВ. *Из дальневосточных родников*

118 Александр ГЕРАСИМОВ. *Медовые края*

120 Виктор КВАШИН. *Танец для прабабушки*

124 АВТОРЫ

Течение большой реки

Мангу, Мангму, Мангбо – так звучит на языках коренных жителей Приамурья название Амура. В переводе на русский – мощная, могучая река. В низовьях очень давно, возможно, со времен неолита, живут палеоазиаты нивхи – автохтоны этих мест. Вверх по течению и на притоках уже много столетий – тунгусо-маньчжурь: нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы, удэгейцы. Каждый из этих народов связан с могучей рекой генетически через многие, многие поколения, а значит, прочно и навсегда.

Несколько лет назад в ульчском селе Булава, которое считается неформальной столицей Ульчского района, я записала легенду. Два крылатых дракона-гиганта столкнулись в небе, и один, не выдержав схватки, рухнул на землю. В том месте, где он упал, образовалось русло Амура, такое же извилистое, как тело мифического существа. Считается, что устье реки – голова дракона, а верхняя часть – хвост. Удар был таким сильным, что от места падения разошлись многочисленные трещины, образовавшие со временем широкую и разветвленную сеть притоков – это грива дракона. Отсюда и еще одно имя Амура – Мангго, то есть «водяной дракон», называемый местными народами Пуймуром. Под его охраной столетиями живут люди, для которых могучая река всегда была главным источником и смыслом жизни.

Мы посвящаем издательский проект «Корни дальневосточной земли» коренным народам Хабаровского края – жителям реки и тайги, в чьей истории и культуре отразилась философия мифа и реальности, особая красота природы, зашифрованная в завитках амурского орнамента.

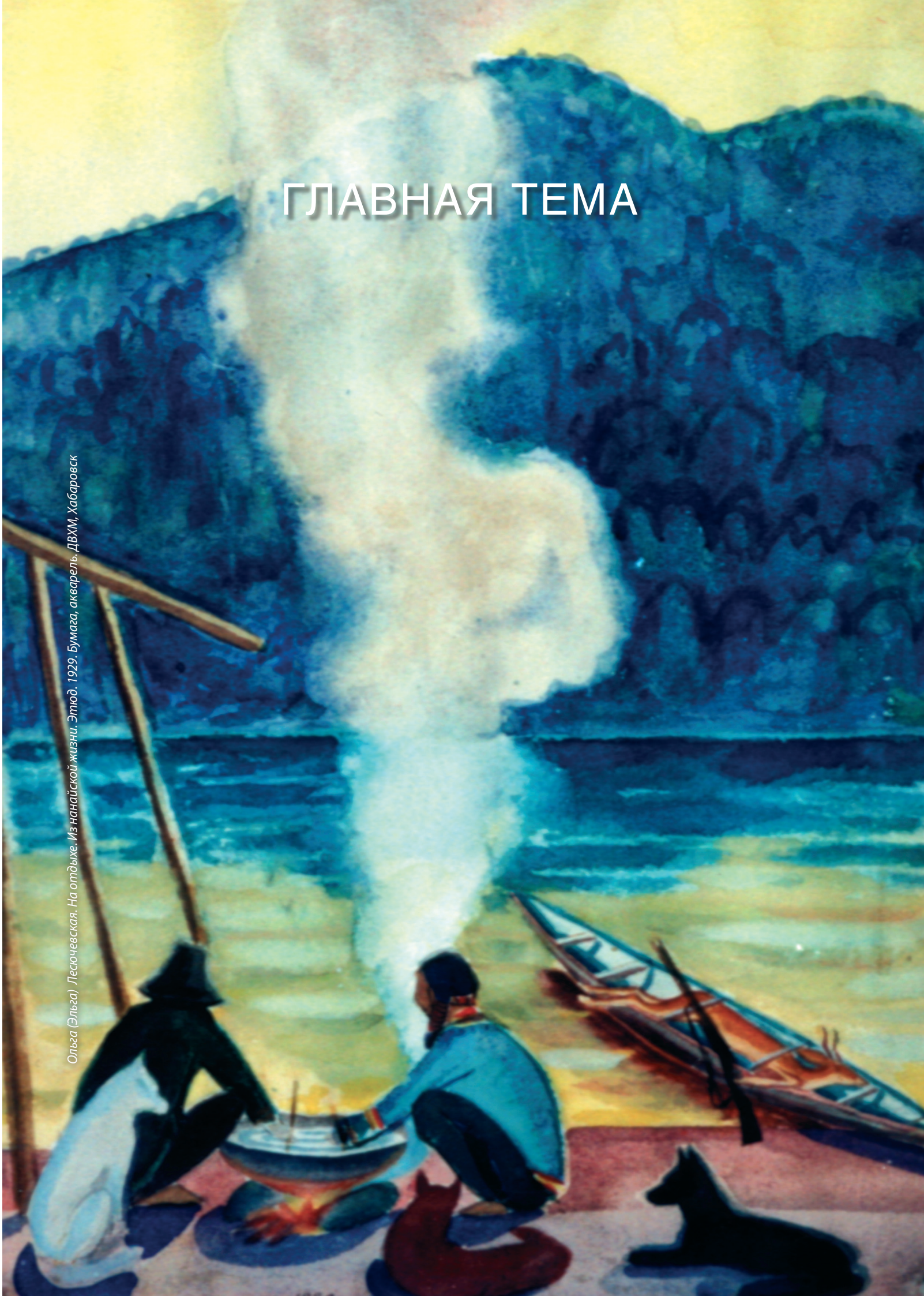
По точному замечанию выдающегося этнографа И.А. Лопатина, изучавшего коренные народы Амура в начале прошлого века, их мифология не что иное как «творимая легенда», сложная и «причудливо-запутанная». Несмотря на глобальные изменения в мире, эта легенда жива, она складывается сегодняшними потомками нанайцев, ульчей, нивхов, негидальцев... Вот, например, как выглядит мифологическая картина мира с точки зрения известного исследователя и хранителя истории и традиций своего народа Екатерины Дмитриевны Самар: «Потусторонний мир, бесконечное космическое пространство соединяется корнями-змеями Родового Древа Жизни с земным миром. Земной мир, то есть Ладья-Древо, плывет в космическом пространстве. Из создаваемой космической почвы всасывается вода в виде ее молекул-лягушек, которые, поднимаясь по стволу Родового Древа Жизни, заполняют ствол и ветки его. В шаманской песне поется про Мировое Древо Жизни, что его корни – змеи, кора его – лягушки».

Есть и другие, не менее интересные мифологические и сказочные сюжеты, авторами которых выступают жители Хабаровского края – взрослые и совсем юные. Сегодня мы публикуем на страницах нашего журнала эту новую, творимую легенду.

Елена ГЛЕБОВА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Ольга (Эльга) Лесючевская. На отдыхе. Из нанайской жизни. Этюд. 1929. Бумага, акварель. ДВХМ, Хабаровск

Судьба связана с Амуром

К 100-летию **Анны Васильевны Смоляк (1920–2003)**

Елена ГЛЕБОВА

Впервые Анна Васильевна Смоляк побывала на Нижнем Амуре в 1947 году в составе комплексной антрополого-этнографической экспедиции Института этнографии. К этому моменту она уже защитила дипломную работу и поступила в аспирантуру Московского института этнографии. Полгода работы в поле, во время которой молодой исследовательнице удалось собрать обширные материалы по этнографии ульчей, повлияли на ее окончательный выбор научного направления. В 1957 году Смоляк успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Материальная культура ульчей и проблема их этногенеза», а затем, с конца 1950-х и до середины 1980-х годов, в ее жизни начался большой и плодотворный период, который можно сравнить с одной большой этнографической экспедицией.

Крупнейший российский этнограф доктор исторических наук А.В. Смоляк практически всю свою жизнь посвятила изучению коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. За 45 лет работы в отделе Севера Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) она опубликовала четыре фундаментальные монографии, два фотоальбома, более 150 статей, в которых обобщены обширные материалы полевых исследований. Научные труды Смоляк, получившие мировую известность, в ряду фундаментальных. Они не потеряли актуальности, к ним обращаются отечественные и зарубежные исследователи, но самое важное – книги А.В. Смоляк хранятся как большая ценность в домашних библиотеках самих ульчей, нанайцев, нивхов, что говорит о несомненном доверии к автору. Во время собственных экспедиций в национальные селения Амура я не раз убеждалась, что добрая память об Анне Васильевне Смоляк жива.

На Нижний Амур ученая приезжала практически каждый год, и

каждое ее «поле» длилось от трех до пяти месяцев. В 1957 году она провела пять месяцев среди нивхов и ульчей и столько же в 1958-м среди ульчей и нанайцев. В общей сложности А.В. Смоляк проработала более 20 полевых сезонов, побывав не единожды почти во всех национальных селениях Нижнего Амура и Сахалина, получая подробные сведения от ороков, орочей, негидальцев, нанайцев, нивхов, удэгейцев, ульчей, эвенков, делая зарисовки, аудиозаписи, фотофиксацию. Успешная работа этнографа во многом базировалась на человеческом факторе. С самого начала у Анны Смоляк сложились доброжелательные и доверительные отношения с местными жителями, которые открывали ей сокровенные знания о своей культуре, помогали в описании старых жилищ, одежды, музыкальных инструментов, шаманских ритуалов, рыболовных обрядов. До конца жизни Анна Васильевна считала своим главным учителем и проводником в мир нижнеамурской культуры жителя села Монгол Ульчского района Хабаровского края Павла Васильевича Салдангу, который описывал ста-

ринные жилища, одежду, обувь, музыкальные инструменты и давал их точные названия на ульчском, делал зарисовки, рассказывал о шаманах, камланиях, происхождении духов. Их общение началось во время самой первой поездки Смоляк на Амур и длилось более пятнадцати лет.

Не зная языков коренных народов, ученая записывала большое количество терминов, связанных с различными областями традиционного хозяйства и культуры народов Амуро-Сахалинского региона, а затем проверяла и перепроверяла собранные материалы, чтобы в дальнейшем представить их с предельной точностью и достоверностью. Коллеги Анны Васильевны всегда ценили в ней тщательность, скрупулезность в сборе полевых материалов, в работе с архивными источниками, бережное отношение к трудам предшественников и особо подчеркивали, что по обширности базы этнографических источников работы Смоляк являются образцом для всех последующих поколений исследователей. Эти главные принципы научной работы Анна Васильевна получила еще в студенчестве от своих

учителей – выдающихся российских историков и этнографов Марка Осиповича Косвена, Сергея Александровича Токарева, Максима Григорьевича Левина.

Анна Смоляк (до замужества Стренина) родилась в Москве, в семье рабочего красильной фабрики Василия Васильевича Стренина и швеи Татьяны Зиновьевны Блудовой. По словам самой Анны Васильевны, отец был «выдающимся человеком – интеллигентным рабочим», который прекрасно знал русскую литературу, детей воспитывал в любви к чтению и ко всему живому. «Все три комнаты нашей квартиры были заставлены аквариумами – банками, где плавали рыбки, – вспоминала Анна Васильевна. – По вечерам, после ужина, мы рассаживались в большой комнате за дубовым столом, над которым висела керосиновая лампа, и отец читал нам про таинственный остров, про Робинзона Крузо, про путешествия Гулливера. Мы готовы были сидеть целые ночи напролет. Не хотелось идти спать, а хотелось все слушать, слушать и слушать...»

В 1935 году в семью пришла беда. Василия Васильевича арестовали и приговорили к 10 годам заключения по 58-й статье и отправили в Караганду на угольные копи. Спустя четыре года отца отпустили, но он потерял право жить в Москве. Василий Стренин вынужден был уехать к родственникам в Ржев, где и погиб в 1942 году во время бомбежки.

В 1939 году Анна Стренина поступила на исторический факультет Московского института философии, литературы и истории (ИНФЛИ), считавшегося в те годы одним из лучших гуманитарных вузов в стране, но учебу прервала Великая Отечественная война. Институт был эвакуирован в Ашхабад, но Анна Васильевна, несмотря на серьезную военную угрозу, осталась в Москве. Работала на швейной фабрике, где шила телогрейки и шинели для бойцов, дежурила по ночам в госпитале, сдавала кровь. Спустя годы А.В. Смоляк наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Анна Васильевна Смоляк за работой

В 1943 году многие вузы вернулись из эвакуации в Москву, однако ИНФЛИ к тому времени прекратил существование и вошел в состав Московского государственного университета. Так Анна Смоляк стала студенткой исторического факультета МГУ, выбрав кафедру этнографии, потому что ей очень хотелось «посмотреть мир». Ей посчастливилось слушать лекции крупных советских ученых, а руководителем дипломной работы стал видный этнограф и антрополог, один из организаторов преподавания этнографической науки в МГУ Николай Николаевич Чебоксаров.

Студенты-этнографы много работали в музеях, по специальным программам изучали азы антропологии (в 1945-м А. В. Смоляк под руководством М.Г. Левина и Г.Ф. Дебеца собирала массовый антропологический материал по различным локальным группам японцев в лагере военнопленных в Тайшете), выезжали в подмосковные селения, где на практике изучали основные методы полевой работы – описание устройства домов и хозяйственных построек, фиксацию отдельных элементов материальной культуры, используя замеры, чертежи, зарисовки. Все эти важные навыки пригодились исследователю в дальневосточных экспедициях, во время которых она собирала объемный полевой матери-

ал, становившийся основой будущих научных трудов. В 1945-м Анна Смоляк закончила МГУ, успешно защитив диплом на тему «Женская национальная одежда дунган», а затем ее направили в аспирантуру Института этнографии, открытого в Москве в 1943 году. В этот период Смоляк в составе Киргизской экспедиции под руководством Е.И. Маховой, а в 1947-м полевая работа привела ее на Нижний Амур. Итогом поездки стала объемная статья «Этнографическое изучение ульчей в 1947 г.», в которую вошли новые сведения о традиционной культуре этого народа, в том числе подробное описание охоты на нерп.

В 1950 году в жизни исследователя произошел крутой поворот. В Президиум АН СССР пришло письмо из Порт-Артура, где в то время находились части Советской армии, с просьбой прислать специалиста по этнографии народов Дальнего Востока для работы в Музее восточных культур. Так Анне Смоляк, а в то время еще Стрениной, на два года пришлось покинуть столицу. В Порт-Артуре она проводила экскурсии для военнослужащих, исследовала, изучая музейные коллекции, жилища, одежду и обряды коренного населения Квантунского полуострова. И делала открытия. «Была ранняя осень, – вспоминала много лет спустя Анна Васильевна. – Я сфотографировала старика китайца. На нем

была распахнутая куртка и на голой груди был маленький тканевый нагрудник, точно такой же формы, как у наших амурских народов, ульчей и нивхов. Но у наших народов в прошлом это были погребальные нагрудники. В литературе такое сходство нигде не описано».

В Порт-Артуре Анна Васильевна встретила своего мужа – полковника И.К. Смоляка, но семейное счастье оказалось коротким. В 1952 году мужа перевели служить в Ворошилов-Уссурийский, где он скоропостижно умер. Анна Смоляк вернулась в Москву, а через несколько месяцев переехала в Ленинград, куда ее пригласили поработать в сектор Сибири Ленинградского отделения Института этнографии вместо арестованной в то время Г.М. Василевич. Здесь в соавторстве с Б.А. Васильевым она занималась завершением раздела по Нижнему Амуру в справочнике «Народы Сибири», начатого еще до войны. Анна Смоляк уже имела за плечами неплохой этнографический багаж и, по воспоминаниям Е.А. Алексеенко, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела Сибири МАЭ РАН, «по духу была выросшая во все это». Спустя два года ее включили в состав комиссии по обследованию условий жизни коренного населения на Чукотке. Экспедиция в Чукотский район Чукотского национального округа заняла несколько месяцев, и помимо специального отчета для Совета Министров РСФСР научным результатом стали две статьи Смоляк «Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района», «Об одном древнем типе жилища на Северо-Востоке Азии», а также рецензия на книгу Ю. Рытхэу «Чукотская сага», опубликованные в 1957 году.

Когда в московском отделении Института этнографии был создан сектор по изучению социалистического строительства у малочисленных народов Крайнего Севера, Анна Смоляк вернулась в Москву, и с августа 1956 года это стало ее главным местом работы. Здесь, по словам Е.П. Батяновой, кандидата исторических наук старшего на-

учного сотрудника отдела Севера и Сибири ИЭА РАН, в полную силу раскрылся исследовательский талант А.В. Смоляк, она приобрела международную известность как один из крупнейших специалистов по этнографии народов Амуро-Сахалинского региона, ее статьи и доклады публиковались в Канаде, США, Германии, Франции, Венгрии.

Первой монографией Смоляк стала книга «Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем», опубликованная в 1966 году в издательстве «Наука». Автор одной из первых в российской историографии дала максимально полную этнографическую характеристику этого амурского народа, в новом ракурсе рассмотрела проблему происхождения ульчских родов. В этом исследовании впервые всесторонне показан послереволюционный период в жизни ульчей, рассмотрены трансформации в их традиционном хозяйственном укладе, социальных отношениях, сфере духовной культуры. Книга А.В. Смоляк получила высокие оценки в научном мире, рецензенты отмечали весомый вклад автора в развитие дальневосточной этнографии.

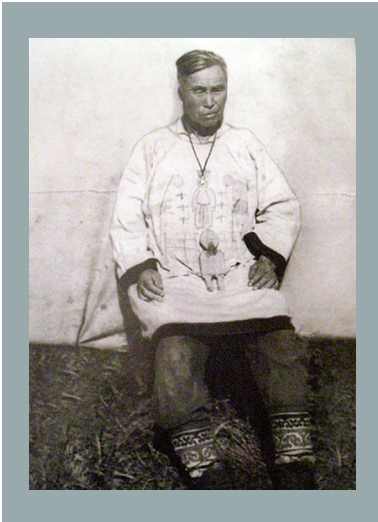
Одной из центральных проблем, разрабатываемых А.В. Смоляк на протяжении многих лет, оставалась проблема этногенеза. Поставив перед собой задачу выяснить происхождение практически каждого рода, закрепившегося в Амуро-Сахалинском регионе к середине XIX века, этнограф подробно исследовала этнический и родовой состав населения, рассмотрела динамику его численности и определила этнические границы в этой части Дальнего Востока. Этому посвящена вторая монография Смоляк «Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в.», вышедшая в свет в 1975 году и основанная на обширных архивных и полевых материалах. Следующая монография «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект» вышла в издательстве «Наука» в 1985 году, и в ней А.В. Смоляк впервые показала процесс формирования и

развития на этих территориях особой рыболовной культуры, оказавшей влияние на все сферы жизни коренных народов. Смоляк выявила межэтнические и внутриэтнические связи на Нижнем Амуре и Сахалине, представила подробное описание рыболовных орудий и технологий их изготовления, способов лова у нанайцев, нивхов, ульчей, орочей, удэгейцев, Автор сделала важный вывод о том, что рыболовные орудия на Нижнем Амуре составляют единый комплекс, а его высокая эффективность способствовала возникновению специфической рыболовной культуры, служившей населению не только источником пищи, но и материалов для одежды, обуви и других нужд.

В 1990 году по совокупности трудов по проблемам этногенеза и этнической истории А.В. Смоляк защитила докторскую диссертацию в форме научного доклада, а через год увидела свет монография «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура)», которую ученые называют ее главной книгой. В 1998 году этот труд переведен на немецкий и издан в Германии, позднее рецензия на него вышла в Венгрии. Имя Смоляк оказалось в ряду ведущих специалистов по религиям сибирских народов. Появлению этого во многом уникального научного труда предшествовали более 40 лет этнографических исследований на Нижнем Амуре, во время которых собирался обширный материал по религиозным верованиям нанайцев и ульчей.

Полевые исследования А.В. Смоляк проводила среди представителей среднего и старшего поколений: в 1950-е годы это были в основном лица, родившиеся в конце XIX века. «Мои информаторы, шаманы и не шаманы, большая часть жизни которых прошла в советское время, были вполне современными людьми, активными членами общества, не отвергавшими нового в разных сферах жизни, – пишет А.В. Смоляк. – Все они были прекрасными знатоками нанайской и ульчской религий; и те и другие сообщали сведения как по шаманизму, так и по верованиям вообще».

Портрет шамана М.Т. Онинка*, Хабаровский край, Нанайский район, село Джари, 1970

Портрет шамана М.Т. Онинка с бубном

Головной убор нанайских и ульчских шаманов из ритуальных стружек гисамса; фрагмент дерева шамана Онинка – часть, предназначенная для жертвоприношений

Мио – шаманская икона Г.К. Гейкер

Привлекая материалы по шаманизму у других народов Сибири и Дальнего Востока, этнограф анализирует представления нанайцев и ульчей о мире, дает развернутую картину мира духов, приводит важные сведения о таком понятии, как «душа человека». Впервые в науке подробно описаны обряды посвящения шаманов, зафиксированы и проанализированы типы и образцы камланий, приведена подробная

шаманская терминология, классифицированы одежда, снаряжение и атрибуты шамана. В этой монографии с особой яркостью раскрылся талант Анны Васильевны Смоляк не только как этнографа-полевика, но и прекрасного рассказчика, благодаря чему на ее страницах оживают судьбы и характеры конкретных носителей традиционной культуры – шаманов, их родственников и помощников. Не случайно в опу-

бликованной в журнале «Этнографическое обозрение» рецензии М.Д. Каракетова и Я.В. Чеснова сказано, что благодаря доскональности подхода работа А.В. Смоляк заняла почетное место среди новых исследований проблемы шаманизма.

В 1999 году в Японии был издан альбом экспедиционных фотографий А.В. Смоляк, тогда же в Москве в издательстве «Наука» вышел фотоальбом «Народы Нижнего Амура и Сахалина». Автор включила в него 769 фотографий, снятых в экспедициях в течение почти трех десятилетий – в 1940–70-х годах в нижнеамурских селах Дуди, Ухта, Кондон, Булава, Калиновка, на северо-западе Сахалина в селе Рыбном. Это уникальное издание стало последней книгой Анны Васильевны Смоляк. Так она подвела итог многолетней научной деятельности, которая более 60 лет являлась главным смыслом ее жизни. А великая река Амур и его народы стали частью судьбы.

ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев Е.А. «...И можно сказать, что счастлив»: интервью с Евгенией Алексеевной Алексеевны / беседа, запись, редакция и комментарии АА. Сириной // Сибирский сборник-2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеевны / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2010. 320 с.
2. Батьянова Е.П. Шаманский дар: К 80-летию Анны Васильевны Смоляк. Москва, 2000. С. 17–29.
3. Батьянова Е. П. Анна Васильевна Смоляк (28 декабря 1920 г. – 4 июня 2003 г.) // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 165–169.
4. Огрызко В. Смоляк (до замужества Стренина) Анна Васильевна // Отечественные исследователи коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока : биобиблиограф. словарь. Москва, 2013. С. 545–548.
5. Смоляк А.В. Этнографическое изучение ульчей в 1947 г. // Краткие сообщения Института этнографии. 1949. Вып. V. С. 40–53.
6. Смоляк А.В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. Москва: Наука, 1966. 290 с.
7. Смоляк А.В. Этнические процессы народов Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX в. Москва: Наука, 1975. 232 с.
8. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. Москва: Наука, 1984. 246 с.
9. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. М: Наука, 1991. 276 с.
10. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: фотоальбом. М.: Наука, 2001, – 318 с., ил.

* История нанайских шаманов М.Т. Онинка и Г.К. Гейкер (урожденной Огигка) известна благодаря исследованиям этнографа А.В. Смоляк. Фото с выставки «Эти особенные люди. Портреты сибирских шаманов». 2015–2016 гг. Музей истории религии. <https://world-jewellery.livejournal.com/45469.html>.

Владимир Санги. Равный среди первых

Дмитрий БАЛЬБУРОВ

Фото Валерия Токарского

В 2020 году основоположнику и классику нивхской литературы и письменности Владимиру Михайловичу Санги исполнилось 85 лет.

Несмотря на почтенный возраст, вождь рода Кевонгун и патриарх всего нивхского народа продолжает активную общественную деятельность и занимается литературным творчеством. Немногие из малочисленных народов Севера могут гордиться таким земляком, сколь знаменитым, столь и преданным своей земле. В рамках «ленинской национальной политики» часто происходило по-другому: талантливый в той или иной сфере выходец из коренных народов добивался успехов на региональном и всесоюзном уровнях, вознаграждался почестями и благами, но уезжал в столицы и превращался в важного гостя для сородичей, чужака по сути.

Владимир Санги уезжать из родного Ногликского района на севере Сахалина не хотел. В 1959 году, окончив ленинградский пединститут имени Герцена, без сомнений вернулся домой, чтобы учительствовать в сельской школе, а в 1963-м стал руководителем общественной организации под названием Нивхский народный университет культуры. К тому времени, после выхода первой книги «Нивхские легенды», его талант оценили в Москве, и первый секретарь Союза писателей СССР Константин Федин одобрительно отозвался: «Появился новый нивхский писатель, которому предстоит открыть другим народам душу и сердце своего». Всесильный Федин ценил молодого коллегу за многообразие языковых средств и глубину образов.

Санги укрепил свою репутацию сборниками рассказов «Голубые горы» и стихов «Соленые брызги», за что его приняли в Союз писателей СССР в 1962 году.

Переехать в Москву ему пришлось в 1974 году, когда его вызвали напрямую в ЦК КПСС и настоятельно посоветовали стать консультантом, а затем и секретарем правления Союза писателей РСФСР. Но в 1990-е годы он вернулся на родину, в поселок Ноглики.

Творческий метод первого нивхского писателя значительно отличался от догмы, принятой в социалистическом реализме в разделе «национальная литература». Во-первых, огромное значение он придавал фольклору, не только собирая и обрабатывая сказки и предания, но и умело вставляя его в канву вполне реалистической прозы. Это не его прием, так писал ранее Вячеслав Шишков: первая книга «Угрюм-реки» пронизана эвенкийской мифологией. Но, во-вторых, если присмотреться, Санги совсем не советский писатель.

Ведь какими должны быть эпические саги о жизни коренных северян? Метод заложил Александр Фадеев

в «Последнем из удэге», им были вынуждены пользоваться многие крупные мастера, в том числе Григорий Ходжер. В романах должен происходить прыжок сквозь века, то есть от первобытно-общинного строя до развитого социализма, где главные герои – чистые душой туземцы – на пути духовных исканий переживают множество соблазнов, совершают ошибки, борются с реакционными силами типа шаманов, пока, наконец, их не озаряет свет ленинской истины. Только в таких декорациях писатель с национальных окраин мог показать широкую картину жизни своего народа.

Владимир Санги «великий перелом» не воспевал. Более того, в его произведениях (самые значительные – повести «Изгин» и «Тынграй», романы «Ложный гон», «Женитьба Кевонгов», «Время добыч») фигурирует другая антитеза: в традиционную жизнь маленького мирного народа извне вторгается что-то чуждое, страшное, которое нельзя оценить иначе, чем злой дух.

В романе «Ложный гон» (1965) этот злой дух персонафицируется в медведе-людоеде, который преследует нивхский род Такквонгун. Медведя нельзя убить, от пули он становится более лютым и жадным, требует себе больше подношений мяса и рыбы. Девушка из несчастного стойбища молит молодого нивха Пларгуна помочь, а он вспоминает: «Род Такквонгун покинул урочище последним. Уже давно ходила пугающая весть: роды собирают вместе и из них организуют какие-то артели. Знающие люди утверждали: артель, колхоз – это новый укрупненный вид рода».

Для организации колхоза прибыл нивх с западного побережья Сахалина Нехан. «До него колхозники занимались охотой и рыбной ловлей. Новый председатель начал с невероятных новшеств – потомственных охотников и рыболовов превратил в земледельцев... Говорят, Нехан руководил колхозом лет десять, пока не довел хозяйство до разорения... Нехан ушел в селение Вечного Покоя, а дух его остался. И преследует род Такквонгун».

В другом ярком романе Санги – «Женитьба Кевонгов» (1975) – трагедия древнего, но угасающего рода происходит из-за вражды с другим нивхским родом Авонгами, которые решили уже засватанную дочь отдать другому жениху, нарушив святой обычай. В круговерти зла, обмана и подлости старейший из Кевонгов Касказик проиграл и, растрепанный и жалкий, сидит на снегу, восклицая бессильно: «Что же произошло, люди! Что случилось в этом мире? Что случилось, лю-ю-ю-ди?» Отметим, что и в этом романе не соблюдаются правила соцреализма: например, роды главных персонажей вымирают отнюдь не из-за первобытнообщинного образа жизни, а по стечению обстоятельств.

Список заслуг Владимира Санги перед всеми народами Севера и России огромен, вот лишь некоторые: нивхские алфавит, учебник, букварь, книга для чтения, проект «Библиотека нивхского школьника». Он лауреат Госпремии РФ, член Международной лиги защиты прав и свобод человека при экономическом и социальном совете ООН, почетный президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, член Высшего творческого совета Союза писателей России.

Встреча с Юрием Гагариным, слева Владимир Санги, справа писатель Константин Федин, Всесоюзный съезд молодых писателей. Москва, 1963

Писатели В.М. Санги, А.С. Ткаченко, Г. Горышин. Оха

Владимир Михайлович Санги

Фото Сергея Краснорукова. <https://www.amur.info/column/yaroshenko/7155>

Родной язык – нивхский

Лиана КОЛЫЮН

Прошедший 2019 год неслучайно был объявлен Генеральной ассамблеей ООН Международным годом языков коренных народов. Ведь сегодня в мире насчитывается около 7 тысяч языков, каждые две недели один из них исчезает. 96% лингвистического разнообразия – это языки коренных народов, на которых говорит всего четыре процента населения планеты. В соответствии с «Атласом языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», составленным ЮНЕСКО, 90% всех языков находится в опасности.

В нашей стране еще в XIX веке насчитывалось 156 языков разных народов, но с тех пор, по данным Федеральной службы статистики, семь из них уже вымерли, еще нескольким грозит та же участь. Преподавание родных языков на федеральном уровне исчезает, в школах оно вытесняется из учебной программы и переходит в разряд факультативов, финансирование сокращается. Все это неизбежно ведет к утрате культурного наследия.

В Николаевском районе Хабаровского края проблема исчезновения нивхского языка стоит наиболее остро в связи с тем, что стремительно сокращается число людей, владеющих им. Из общего числа коренных малочисленных народов Севера, проживающих в районе, а это около 2 000 человек, лишь единицы являются носителями нивхского языка. Сегодня из шестнадцати школ города и района только в двух преподают нивхский: в селе Иннокентьевка – предметно, в Пуире – факультативно. Еще родной язык изучают в Николаевском-на-Амуре промышленно-гуманитарном техникуме.

Такое положение дел не может оставить равнодушным Николаевское районное отделение региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края». Чтобы создать благоприятные условия для сохранения и развития языка и культуры нивхов, Николаевское районное отделение АКМНС приняло участие в муниципальном конкурсе, представив проект «Родной язык – богатое наследие». Его главные задачи – приобщение к нивхской культуре, совершенствование условий для

Часть экспозиции мини-музея

организации эффективной деятельности по изучению родного языка в образовательных учреждениях города и района, обеспечение преемственности.

В рамках проекта для студентов промышленно-гуманитарного техникума организовали экскурсию в мини-музей детского сада № 15 «Аленка» под руководством воспитателя Елены Анатольевны Кибиревой. Молодежь была настолько впечатлена колоссальной работой педагогов и детей, что одна из студенток дошкольного отделения сказала: «Я теперь не жалею, что пошла на воспитателя учиться!» Для педагога это наивысшая оценка! В результате мы договорились, что такие экскурсии станут ежегодными.

Наталья Алексеевна Бережук, методист Центра культуры малочисленных народов Севера, провела мастер-класс по теме «Национальная одежда» (аппликация) для оформления стенда с наглядной информацией в кабинете родного языка в Николаевском-на-Амуре промышленно-гуманитарном техникуме. Студенты узнали названия одежды на нивхском языке, из чего ее шили и в какое время года носили, а созданный стенд будет

Экскурсия и мастер-класс «Изготовление эскизов национальной одежды» в мини-музее детского сада «Аленка»

теперь служить наглядным материалом для изучения этой важной и интересной темы. Кроме того, в кабинете родного языка оформили плакаты и по другим направлениям в помощь изучающим нивхский, которые разработаны и напечатаны на средства гранта. Эти наглядные пособия будут распространяться также по школам района, а один плакат на тему «Семья» подарен в музей детского сада «Аленка».

Другим немаловажным аспектом при изучении нивхской культуры является национальная кухня. Некоторым участникам национальные блюда были уже знакомы, например картошка тала. Однако почти для всех участников стало открытием, что блюдо из картофеля может стать десертом, стоит добавить в него сахар и ягоду, как, например, при приготовлении *вызг алс*. Рецепт очень прост: нужно лишь отварить картофель без соли, затем добавить ягоду (по-нивхски «алс») – бруснику или клюкву, сахар, немного масла и размять. Получается сладкое и полезное блюдо.

Для участников проекта организовали творческую встречу, на которой они узнали о нивхах-ученых, внес-

ших значительный вклад в изучение нивхского языка, в том числе о Ч.М. Таксами, М.Н. Пухте, Г.А. Отаиной, В.М. Санги, Л.Б. Гашиловой и А.М. Вингун.

Чунер Михайлович Таксами – первый доктор наук из числа коренных малочисленных народов Севера в системе Российской академии наук. Он внес большой вклад в изучение традиционной культуры своего родного народа – нивхов, посвятив ему ряд фундаментальных исследований: «Нивхи», «Основные проблемы этнографии и истории нивхов» и другие. Занимался ученый и вопросами усовершенствования нивхского письма, написал букварь и несколько учебников для начальных школ Хабаровского края и Сахалина. Кроме того, Ч.М. Таксами является первым составителем словарей по нивхскому языку на амурском диалекте.

Чунер Михайлович Таксами

Многие годы Таксами читал лекции на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета и в Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, в Институте народов Севера несколько лет возглавлял кафедру палеоазиатских языков.

Значителен его вклад в подготовку этнографов-сибиреведов из коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и особенно педагогических кадров из родного нивхского народа. Его ученики – выпускники Герценовского университета Николай Вайзгун, Николай Зыскин, Леонид Тывус, Светлана Полетьева, Александра Няван, Людмила Гашилова, Евдокия Вадун и другие. Они успешно работают в разных регионах страны, в школах, а некоторые связали свою судьбу с наукой. Под его руководством защищено 12 кандидатских диссертаций. Ценность трудов Ч.М. Таксами заключается не только в глубоком научном анализе, но и в том, что в основу его этнографических и лингвистических исследований положены оригинальные материалы, лично собранные во время многочисленных экспедиций к коренным народам Сахалина, Камчатки, Чукотки, Ямала, Обского Севера, Якутии, Хабаровского и Красноярского краев, Мурманской и Амурской областей.

Ч.М. Таксами – один из ветеранов общественного движения. Он был председателем оргкомитета по подготовке и проведению Первого съезда малочисленных народов Севера, где выступил с докладом «О политическом и экономическом положении малочисленных народов Севера и путях их развития», указав пути развития северных народов и проблемы, которые необходимо решать. Надо сказать, что многие аспекты, названные в его докладе, сохраняют актуальность и по сей день. Так, Чунер Михайлович отметил: «Сегодня остро стоит проблема подготовки кадров из числа народов Севера. Нам нужны компетентные, высококвалифицированные специалисты со знанием Севера, его людей, культуры». Многие годы Чунер Михайлович был вице-президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Весьма значителен вклад Ч.М. Таксами в решение важных проблем Севера. По его инициативе на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена была проведена научно-практическая конференция «Творческий потенциал народов Севера в XXI веке», обозначившая актуальную тему роли научных и творческих кадров в решении сложнейших вопросов судьбы коренных народов в XXI веке. На страницах журналов и газет ученый поднимает острые социально-экономические и сложные историко-культурные проблемы, выступая в защиту интересов малочисленных народов Севера.

Еще одной областью деятельности Ч.М. Таксами является музейная работа. Под его руководством Музей

Мария Николаевна Пухта

антропологии и этнографии организовал несколько масштабных российских выставок – «Шаман и Вселенная», «Императорские коллекции Кунсткамеры», а также зарубежных – «Прекрасный мир Арктики», «Охотники Сибири», «Шаманы Сибири», «Арктическая цивилизация» и другие. Имя и работы этого ученого хорошо известны как в России, так и за ее пределами. Он опубликовал более 300 работ – монографий, статей, учебных пособий; его труды изданы во Франции, Германии, Чехословакии, Японии, США, Канаде, Индии. В начале XXI века на основе тщательного анализа языковой ситуации Ч.М. Таксами выдвинул задачу сохранения родных языков Севера, имеющих тенденцию к

умиранию и исчезновению. Поэтому сейчас перед малочисленными народами Севера стоит важнейшая задача выжить, выстоять, сохраниться как этносы со своей неповторимой культурой.

Мария Николаевна Пухта – педагог, ученый-лингвист. В конце 1960-х – начале 70-х годов она обратилась к проблемам нивхской письменности, создавала учебные пособия, пробные программы для старших групп детского сада и подготовительных классов. Тогда же она ввела первые занятия по обучению детей нивхскому языку в родной школе, несмотря на то, что некоторые преподаватели были против.

В 1977 году Мария Николаевна оставила школу, чтобы вплотную заняться наукой. Перешла на работу в Московский научно-исследовательский институт национальных проблем, где была младшим, а затем старшим научным сотрудником. За период работы с 1978 года М.Н. Пухта в соавторстве с Ч.М. Таксами и А.М. Вингун выпустила первый учебник «Нивхгу букварь» (издательство «Просвещение», Ленинград, 1982). В 1991 году в соавторстве с Г.А. Отаиной составила учебник и книгу для чтения на амурском диалекте для 2-го класса (издательство «Просвещение», Ленинград). В 2001 году вышел ее «Русско-нивхский разговорник» для воспитателей детских садов и учителей начальных классов, а в 2002 году «Русско-нивхский разговорник и тематический словарь» для не владеющих нивхским языком под

редакцией Г.Д. Локк и И.Т. Канеко (Япония, Осака).

Мария Николаевна принимала активное участие во внедрении преподавания родного языка как на Амуре, так и на Сахалине. Живя в Николаевске-на-Амуре, она вела большую общественную работу: состояла в городском совете ветеранов, готовила радиопередачу «Родимая земля» на нивхском языке, постоянно оказывала помощь всем, кто обращался к ней. Эта удивительная

Галина Александровна Отаина

женщина пользовалась большим уважением не только земляков-нивхов, но и всех, кто с ней близко общался.

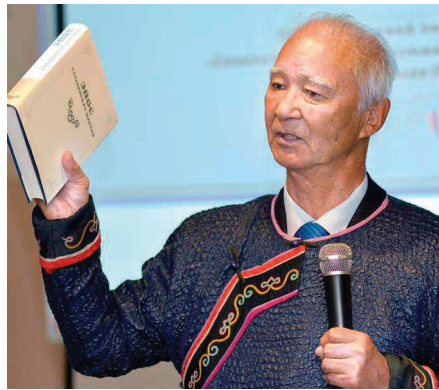
Мария Пухта внесла свой вклад и в нивхскую литературу. Ее книжка «Чотик» («Рыбка») с детскими стихами на нивхском языке издана на Сахалине в 1993 году. Последняя ее работа – учебник для чтения в 3-м классе «Юру битгы» (амурский диалект) вышла в 2004 году в филиале издательства «Просвещение» в Санкт-Петербурге.

Галина Александровна Отаина – ученый-лингвист, этнограф. Занимаясь в аспирантуре Ленинградского отделения института языкознания АН СССР, она сдала на «отлично» кандидатский минимум, провела ряд научных экспедиций, собрала материал по теме диссертации «Качественный глагол в нивхском языке», которую впоследствии успешно защитила.

Продолжая углубленно исследовать язык родной народности, Галина Александровна занялась изучением народной медицины, фольклора, антропониимики нивхов и сопредельных народностей Севера. Ею записано более 120 произведений нивхского эпоса: сказок, легенд, преданий, отражающих мудрость народа, его характер, психологию. В 1979 году на XIV Международном Тихоокеанском научном конгрессе в Хабаровске Г.А. Отаина выступила с докладом «Современность и изменения в сознании нивхов». О результатах своей научной деятельности докладывала на Всесоюзной научной конференции по проблемам северных народностей в 1980 году в Анадыре, на многих других научных форумах. Темы ее выступлений были разнообразны: «О народной медицине нивхов», «О нивхских топонимах», «Личные имена у нивхов», «Нивхский фольклор» и другие.

Особая заслуга Галины Александровны – участие в методических семинарах учителей-словесников, на которых она помогала молодым коллегам овладевать предметом, учила их методике преподавания нивхского языка. Вместе с коллегами Отаина подготовила несколько учебных пособий по родному языку для нивхской начальной школы, которые были выпущены издательством «Просвещение» в 1980–90-х годах. Многогранная деятельность Галины Александровны Отаиной нашла признание в кругах научного сообщества. В апреле 1994 года общероссийское объединение ученых – Российская академия естественных наук – избрало ее своим членом-корреспондентом по секции «Российская энциклопедия».

Владимир Михайлович Санги – первый нивхский писатель. После окончания института им. А.И. Герцена Владимир Михайлович вернулся на Сахалин, преподавал в

Владимир Михайлович Санги

нивхской школе, затем был назначен инспектором по делам малых народов Ногликского райисполкома. По роду своей деятельности он посещал отдаленные стойбища, встречался с нивхами и ороками, эвенками и нанайцами, записывал нивхские легенды и предания, которые вошли в его первую книгу «Нивхские легенды», принесшую писателю всесоюзную известность.

Осенью 1962 года В.М. Санги был принят в члены Союза советских писателей, и уже в 1960–70-е

годы появились его новые крупные произведения – повести «Изгин», «Тыграй», романы «Ложный гон» и «Время добыч». Одно из лучших произведений Владимира Санги – «Женитьба Кевонгов». В нем ярко проявилось увлечение писателя историей своего народа. На материалах нивхского фольклора построен сборник «Легенды Ых-мифа».

Людмила Борисовна Гашилова – педагог, ученый-лингвист. Занимаясь исследованием родного нивхского языка, фольклора и литературы, она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Выражение пространственной ориентации в нивхском языке». По сей день работает в Российской государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. В 1988 году ей присвоено ученое звание доцента по кафедре языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера.

Сначала Л.Б. Гашилова руководила кафедрой палеоазиатских языков, фольклора и литературы, где читала курс лекций и вела практические занятия по нивхскому языку и по методике его преподавания, по фольклору и

литературе нивхов, затем около десяти лет руководила Институтом народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, занималась проблемами методического обеспечения учебного процесса, разработкой новых образовательных программ и учебно-методических комплексов по специальным дисциплинам этнофилологического и этнокультурологического направлений. Людмила Борисовна постоянно поддерживала связь с северными школами, оказывала научно-методическую помощь специалистам образовательных учреждений по проблемам преподавания и изучения родного языка.

Приоритетной заслугой Л.Б. Гашиловой как руководителя уникально-

го научно-образовательного центра отечественного североведения является, прежде всего, подготовка высококвалифицированных педагогических кадров для регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Благодаря активной деятельности Л.Б. Гашиловой Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена в 2011 году стал членом международного Университета Арктики.

Людмила Борисовна Гашилова

Людмилой Борисовной опубликовано более 100 научных и методических работ, в том числе учебники и учебно-методические пособия для школ, педагогических колледжей и вузов. Она представляет интересы коренных малочисленных народов Севера на государственном и международном уровнях, входит в состав комиссии по вопросам образования и исторического просвещения Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, является членом президиума и ученого совета РГПУ им. А.И. Герцена, Арктической академии наук, национального организационного комитета по подготовке и проведению Второго Международного десятилетия коренных народов мира и др. Настойчивость, целеустремленность, профессионализм, умение воплощать свои идеи в жизнь, многолетний опыт – все это присуще Л.Б. Гашиловой.

Все люди, о которых говорилось выше, внесли огромный вклад в сохранение и развитие родного нивхского языка. Однако разработанные ранее учебные пособия сегодня нуждаются в переиздании по новым образовательным стандартам, и такая работа в отношении учебных пособий для начальных классов ведется.

Педагог Альбина Акимовна Юшкина, работая в школе, среди прочих предметов преподавала своим ученикам и нивхский язык. В данный момент находится на заслуженном отдыхе, но продолжает трудиться: уже закончила пособие для 1-го класса «Нивхгу букварь», изданное в 2019 году, работает над учебным пособием для 2-го класса.

Марина Григорьевна Тэмина – кандидат исторических наук, в прошлом преподаватель нивхского языка Николаевского-на-Амуре промышленно-гуманитарного техникума, в настоящее время доцент кафедры теории и методики обучения Хабаровского краевого института развития образования – разработала учебное пособие по нивхскому языку (амурский диалект) для 4-го класса, вышедшее в свет в 2019 году. Сейчас работает над составлением пособия для 3-го класса.

Еще во время работы в техникуме М.Г. Тэмина занималась проблемами методического обеспечения учебного процесса: ею подготовлены рабочие программы по дополнительной подготовке в области родного языка, программа по нивхскому языку для студентов, «Практикум по нивхской грамматике», «Игровые задания на уроках родного языка», программа интегрированного курса «ДПИ и музыкально-национальный фольклор». И сегодня Марина Григорьевна поддерживает связь с учителями родного языка школ Николаевского района и преподавателями техникума, оказывает им научную и методическую помощь. С ее помощью проводятся курсы повышения квалификации для учителей родного языка.

Александра Михайловна Вингун

Александра Михайловна Вингун – учитель родного (нивхского) языка, отличник народного просвещения, мастер декоративно-прикладного искусства по работе с берестой – любимого природного материала всех северных народов, почти всю свою жизнь посвятила научно-исследовательской работе. Она автор программы «Обучение нивхскому языку», а также пособия «Национальная культура нивхов», которые используются другими педагогами Николаевского района как учебное пособие для изучения родного языка и приобщения к истории и культуре нивхов.

А.М. Вингун стала соавтором Ч.М. Таксами и М.Н. Пухты при подготовке нивхского букваря («Нивхгу букварь»), первое издание которого вышло в 1982 году в издательстве «Просвещение» (Ленинград). Ею составлено учебное пособие для образовательных учреждений «Картинный словарь нивхского языка (амурский диалект)» (издательство «Просвещение, Санкт-Петербург, 2009). В 2013 году издательский дом «Приамурские ведомости» при содействии министерства природных ресурсов Хабаровского края выпустил красочные учебные пособия для начальной школы «Азбука в картинках» и «Азбука в стихах», автором которых также является Александра Михайловна Вингун. Она передает свои знания и опыт младшему поколению – детям, подросткам, молодежи, рассказывает об истории предков, обычаях, традициях, древних обрядах нивхов, тем самым прививая любовь к малой родине и своему народу. В 2018 году А.М. Вингун праздновала свой 80-летний юбилей, сегодня находится на заслуженном отдыхе.

У нивхского народа богатое наследие, есть чем гордиться, с кого брать пример. Но проблема сохранения родного языка (не только нивхов, а практически всех народов Севера, проживающих в Хабаровском крае) актуальна и с каждым годом лишь обостряется. На мой взгляд, это происходит по причине малочисленности нивхского народа. К примеру, в школах Николаевска-на-Амуре в каждом классе обучается в среднем один-два человека из числа народов Севера. Если и вводить изучение нивхского языка, то, скорее всего, в виде факультатива и лишь по желанию самих учащихся.

Но сегодня очень остро стоит вопрос подготовки кадров. Получить высшее образование по специальности «Родной язык» можно только в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге, где есть возможность учиться на бюджетной основе. К сожалению, за последние семь лет мы не направили туда ни одного человека, хотя желающие были: из-за высокой цены на проезд им пришлось отказаться. Чтобы решить эту проблему, необходима поддержка российского правительства. И если этот вопрос решится положительно, тогда, думаю, нам не придется констатировать, что нивхский язык исчез с лица земли.

От легенды до квеста

Обращение к истокам ульчской культуры

Анна МОРОЗОВА

Участники конкурса «Живая классика» на ульчском языке

Село Булава считается неофициальной столицей Ульчского района – земли Ульчии, как говорят местные жители. С ним связано немало значимых для культуры коренных народов Амура имен – это мастера Зоя Александровна Пластина, Очу Лукьяновна Росугбу, Нина Константиновна Ходжер, хореограф и основатель танцевального коллектива «Диро» Петр Леонтьевич Дечули, хранитель памяти ульчского народа, автор идеи создания в Булаве музея под открытым небом Дмитрий Иванович Ангин, современные известные художники, мастера и педагоги Юрий Никитович Куйсали, Иван Павлович Росугбу, Людмила Борисовна Хатхил и многие другие. Меняются поколения, иной становится жизнь, но в Булаве по-прежнему сохраняют любовь и уважение к традициям ульчей, их творческому наследию.

«Живая классика». Солистка ансамбля «Гива» исполняет песню «Гатау»

Участница фольклорного ансамбля «Диро»

Память о Шаман-горе

21 февраля отмечают Международный день родного языка. В Булавинской средней школе в этом году впервые провели конкурс «Живая классика». Ребята 6–11-х классов рассказывали на ульчском языке легенды, читали отрывки прозы, стихи, удивляли мастерством скороговорок. Их выступления оценивало жюри, куда вошли носи-

Наталья Алексеевна Кучекта – заведующая ИБЦ, Клавдия Павловна Росугбу – солистка ансамбля «Гива», Оксана Викторовна Артеменко – учитель русского языка и литературы, Александр Геннадьевич Кучекта – старейшина села Булава

Станция «Кладезь мудрости». Разгадываем ребусы народов Приамурья

Станция «Декоративно-прикладное искусство». Моделируем ульчскую игрушку хакуа

тели ульчского языка – заместитель директора по учебной работе Ю.И. Чижик, старейшина села Булава А.Г. Кучекта, солистка ансамбля «Гива» К.П. Росугбу. Автором музыкального оформления проекта стал Максим Актанко.

Тексты легенд на ульчском языке написал А.Г. Кучекта, литературный перевод на русский сделала учитель литературы О.В. Артеменко, а участники конкурса постарались показать глубины этого уникального материала. Лучшей в этой номинации стала одиннадцатиклассница Надежда Кучекта («Легенда о Шаман-горе»), второе место у десятиклассника Максима Актанко («Легенда о смелом охотнике»), третье у десятиклассника Даниила Чететкина («Легенда о девяти шаманах»), а также у девятиклассницы Ксении Серковой, выступившей с отрывком из книги ульчского классика А. Вальдю «Месяц первых цветов».

Школьники хорошо знают стихи своих земляков, и в этом творческом блоке тоже определили лучших. Семиклассница Диана Урангина прочитала стихотворение А.Н. Дятала «Там, где вешний Амур золотится» и заняла первое место, девятиклассница Ксения Серкова исполнила «Песню о Булаве» Л.П. Дечули, второе место заняла семиклассница Джессика Герасенко («Я хороший ребенок» Л.П. Дечули), и девятиклассница Ольга Непокорова (скороговорка «Бую») – третье место.

Конкурс «Живая классика» в Булавинской школе стал праздником для всех. Здесь выступила солистка ансамбля «Гива» К.П. Росугбу, исполнив песни «Бе-маманэ» и «Гатау», участники фольклорного ансамбля «Диро» под руководством Л.А. Урангиной станцевали «Хэдумбуву», показали мастерское владение искусством ульчских скороговорок. Организаторы подготовили выставку декоративно-прикладных работ А.А. Кучекта и книжную экспозицию к Международному дню родного языка.

Со всеми остановками

Квест «Культурная палитра народов Приамурья» для булавинских школьников тоже посвятили Международному дню родного языка. Он был задуман как воображаемое путешествие с обязательными остановками в самых важных точках культурной памяти ульчей. Ребя-

Участники школьного квеста «Культурная палитра народов Приамурья»

та сходили на определенной станции и погружались в творческое пространство мифа, танца, старинной песни или традиционного ремесла, сами становились участниками действия. Маршрут квеста, умело выстроенный педагогами, взял начало от станции «Литературная», где участники познакомились с глубинами ульчского фольклора и сыграли в театральной постановке «Как собака друга искала». Следующая остановка – «Прикладное искусство» и возможность узнать о самобытных этнических традициях

ульчей, отразившихся в предметах быта, элементах жилища, детских игрушках, национальных халатах. А для закрепления пройденного – небольшой мастер-класс по изготовлению бумажной модели ульчского костюма, вырезанию орнамента.

На станциях «Танцевальная», «Музыкальная», «Кладезь мудрости» вспоминали своего замечательного земляка Петра Леонтьевича Дечули – выдающегося хореографа, создателя философии ульчского танца, где живой мир воплощен во взмахе крыла чайки,

быстрых движениях рыбы, нерпы. И вместе с ребятами из ансамбля «Диро» постигали это непростое искусство. Слушали удивительно напевные колыбельные, разучивали песню «По ягоды» на родном языке. Отгадывали загадки, учились пословицам и поговоркам, постигали мудрость своего народа.

Зрелищные, наполненные важной информацией станции – «Национальные игры народов Приамурья» и «Зоркий глаз». Здесь было все самое важное о том, как в старину воспитывали будущих рыбаков и охотников, делая их не только выносливыми и меткими, но и понимающими природу. Умение ориентироваться в тайге, метко стрелять пригодилось ульчам во время Великой Отечественной войны. Коренные жители Амура шли добровольцами на фронт, становились снайперами, разведчиками, громили врага, приближали Великую Победу.

Квест – всего лишь игра, но часто именно в легкой дружеской атмосфере происходит осмысление важных вещей. Благодаря педагогам ребята ульчского села Булава попытались расшифровать код культурной памяти своего народа. Они это сумели.

Станция «Музыкальная». Разучиваем песни на ульчском языке

Чешуя дракона Мангбо

Ольга АПОЛЛОНОВА
Фото автора

В Нанайский муниципальный район Хабаровского края включено четырнадцать сельских поселений. В большинстве из них проживает коренной народ, издревле населяющий берега Амура и его притоки, – нанайцы, то есть люди земли. Так растолковывает это слово известный дальневосточный писатель Григорий Ходжер.

Орнамент на халате из рыбьей кожи

В селе Джари уже много лет существует межпоселенческий Центр нанайской культуры, где юные музыканты разучивают мелодии своего народа на национальных инструментах, танцоры – движения обрядовых танцев, а *пакси пата-лакан* – умелые рукодельницы – создают традиционные для нани предметы быта, обереги, одежду, передавая свое мастерство подрастающему поколению. Самая почитаемая из мастеров – известная на весь район и далеко за его пределами руководитель кружка по обработке рыбьей кожи Валентина Владимировна Бельды. Старинным ремеслом она стала заниматься случайно в 2007 году и вот уже больше десяти лет радуется земляков и гостей Нанайского района своим творчеством. В 2016 году Валентину Бельды приняли в Союз художников России.

Уникальные изделия из рыбьей кожи, созданные мастером с большой любовью, украшают ярмарки и фестивали, вызывают интерес у иностранцев, их приобретают в музейные коллекции.

Древнее ремесло

Валентина Бельды размышляет о сохранении национальной культуры, делится секретами мастерства.

– Родилась я на Джари. Я коренная. Здесь и живу. Выросла с дедушкой и бабушкой – нанайцами. Если бы я с ними не жила, не знала бы родного языка. Ведь мама моя только порусски разговаривала, хоть и была нанайка. Отец был русский. Так вот, бабушка и дедушка меня везде возили, в том числе и на Эворон, где сами раньше жили. Это очень далеко от Джари – на левом берегу Амура. Я видела их старые дома, удивлялась: как они раньше жили без света и тепла? Они говорили со мной по-нанайски, рассказывали о старинных обычаях, поэтому я и разговариваю на родном языке, все понимаю и чту все традиции своего народа. Видела еще, как бабушка с дедушкой носили одежду из рыбьей кожи, но никогда не думала, что стану мастером по рыбьей коже.

Вообще это сугубо национальное ремесло – выделка кожи рыбы и изготовление из нее халатов, фартуков, шапок, обуви, но оно чуть было не кануло в Лету. Нанайцы, получив блага цивилизации от русских: электричество, водопровод, школы, продукты питания, одежду из ткани, начали забывать свой прежний быт и навыки, как говорится, впитанные с молоком матери.

К концу XX века дошло до того, что только в глубинках, затерявшихся в тайге да за сопками, в совсем отдаленных поселениях Хабаровского края, можно было отыскать народных умельцев, которые сберегли традиционное искусство. И вот в 2002 году, чтобы возродить повсеместно среди коренного народа Амура былые ремесла, по инициативе министерства природных ресурсов Хабаровского края организовали школу прикладного искусства. Возникла идея возродить у нанайцев древние ремесла, в том числе умение работать с рыбьей кожей, поэтому из каждого района края в эту школу приехали учиться два-три человека.

Сначала мы знакомились с обработкой бересты, лозы и камыша. Я делала туеса, плела корзинки. Затем меня позвали учиться обрабатывать рыбью кожу. В итоге из Нанайского района удалось освоить это дело только мне одной. Остальные не смогли, потому что выделывать рыбью кожу очень тяжело. А меня затянуло. И чем тяжелее, тем для меня интересней стало: что из нее получится, если долго мять?

Моя наставница известный мастер, член Союза художников России Юлия Дмитриевна Самар однажды сказала: «Ты превзошла меня. Я так никогда не мяла кожу, как ты. Для халата ведь этого долго делать не нужно, а у тебя кожа идеально гладкая выходит». Это очень дорогие слова.

Валентина Владимировна БЕЛЬДЫ – мастер декоративно-прикладного искусства, член Союза художников России.

Родилась в 1964 г. в с. Джари Нанайского района Хабаровского края. В 2008 г. окончила школу прикладного искусства, овладев технологией обработки и выделки рыбьей кожи. В 2009 г. награждена дипломом IV Международной выставки «Северная цивилизация» (Москва), в этом же году приняла участие в международном конкурсе моды монголоязычных народов России и мира «Торон, Сайн, Зам» (Улан-Удэ, Бурятия) и получила диплом за коллекцию одежды из рыбьей кожи. В 2010 г. получила диплом победителя и звание «Лучший мастер народного художественного промысла и декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края» в номинации «Современное декоративно-прикладное искусство» хабаровского краевого конкурса «Ремесла земли Дерсу». В 2011 г. удостоена первого места и золотой медали в номинации «Лучшее произведение» на международной выставке «Сокровища Севера» (Москва), в 2012 г. – диплома за участие в выставке «Метаморфозы рыбьей кожи» (Олммавидж / Манндален, Норвегия).

Рыбьи позвонки – украшение на фартуке

Мужской костюм

Спинка халата
из рыбьей кожи
с белыми
«чешуйками»

Чтобы собрать материал на один халат, надо почистить штук пятьдесят рыбин! Сначала кожу следует хорошо очистить от жира, затем постирать шкурки много раз. Еще замочить их в растворе – соль, сода, и немного уксуса, чтобы ушел запах рыбы. Потом шкурки следует хорошо прополоскать, высушить (только не на солнце, чтобы шкура не обвялилась и не обгорела) и только тогда приступать к разминанию...

Все цвета рыбьей кожи

– Некоторые мастера мнут рыбью кожу до состояния вафельного полотенца, то есть когда она получается кубиками. Но так оставлять нельзя. Нужно, чтобы кожа была ровная. Выделка должна быть очень мягкой, красивой, – подчеркивает Валентина Бельды. – Сперва я делала небольшие изделия, сувениры. У молодежи очень популярными были чехлы для сотовых телефонов. Потом что-то стало жалко резать кожу, и я подумала: дай-ка попробую сшить халат, благо старая мастерица мне дала выкройку еще того, древнего. Я ведь все собирала, что предлагала она, а другие не брали, вот мне и пригодилось. В итоге именно за халаты из рыбьей кожи меня приняли в члены Союза художников России. Этот, например, я три года шила – с момента выделки до момента сборки. Прежде всего нужно тщательно подобрать кусочки уже готовой кожи по цвету, чтобы получилась чешуйчатая мозаика. Это как чешуя Мангбо – дракона Амура. Халат сделан из пяти видов рыб – кеты, ленка, щуки, сома, тайменя. Цвет каждого лоскутка натуральный. Ничего крашеного нет. Правда, при выделке цвет шкуры всегда разный получается, не угадаешь – одна серая, другая коричневая, где-то зеленоватая. Как у каждого человека свой характер, так и у рыбы всегда разный цвет. Но чтобы оттенки были одинаковыми, мастеру надо сперва кожу очень долго мять, и процесс этот очень трудоемкий.

Рыбью кожу я мну на таком станочке – называется *гыди*. Беру кожу, сворачиваю ее в трубочку, а если она сильно пересушенная, чуть-чуть сбрызгиваю водой.левой рукой поворачиваю, правой мну, пока кожа не размягчится, но делаю это именно у основания станка, потому что там трение больше. Потом мну уже руками, разбивая «кубики» на шкурке, пока она не станет совсем мягкой, как ткань.

По сухому

В далекие времена халаты из кожи рыбы служили нанайцам рабочей и повседневной одеждой. Шили мастерицы и особые халаты – свадебные. Они были белыми, для них кожа выделывалась иначе, и этот способ назывался «по сухому». Кожу кеты сушили вместе с чешуей, и только потом удаляли ее с помощью ножа. Потому она получалась белой. Если же снять чешую со свежей рыбы, кожа после сушки потемнеет.

Главным украшением свадебного халата служил орнамент, символизирующий древо жизни, а еще металлические бляшки, вы-

менянные у китайцев. Но их было очень мало, поэтому мастерицы чаще использовали рыбы позвонки, косточки сазана, похожие по форме на рыб. К слову, в старину рыбы кости служили нанайским детям игрушками.

Валентина Бельды говорит, что ей нравится придумывать свои орнаменты и украшения. К примеру, она делает подвески из чешуи сома. Она их тщательно чистит, затем сушит, сворачивает конусом, а края склеивает.

Рыбий клей *далпо* из перламутровой части пузыря калуги мастерица делает сама по старинному рецепту нанайцев. Сейчас мало кто это умеет. Клея получается немного, но зато он натуральный и очень прочный. Размачивая *далпо* во рту (клей не имеет ни вкуса, ни запаха) Валентина Бельды соединяет детали халата перед сшиванием, чтобы строчки были ровными, таким же способом прикрепляет аппликации.

– Я свое делаю, не повторяю чужие узоры. Сочетаю один орнамент с другим так, как вижу. Хотя, конечно, за основу беру изображения, придуманные предками. Но в одной и той же личине кто-то может увидеть медведя, кто-то тигра. Еще делаю традиционную нанайскую обувь с помощью выкроек, переданных мне Юлией Дмитриевной Самар. Раньше нанайцы ее тоже из рыбьей кожи шили. Внутри вставляли чулок, а вместо подошвы – между чулком и кожей клали слой сена, чтобы мягче ходилось. Делали своего рода подушку из длинной мягкой травы, растущей только на кочках. Мне, конечно, не довелось такие сапоги поносить, но мама их застала и рассказывала, что за зиму снашивала две пары. Раньше сапоги обрабатывали сверху рыбьим жиром, чтобы меньше промокали, и вместе с ним мяли кожу. Сейчас я жиром не пользуюсь, потому что он имеет сильный запах, да и обувь мы такую постоянно не носим. Кстати, рыбьим жиром смазывалась вся одежда, даже рукавицы. Говорят, они тогда не продувались ветром.

Оберегать рыбака от брызг воды во время промысла, а хозяйку во время разделывания рыбы от всевозможных загрязнений помогал передник. Он был цельным, то есть состоял из шкуры одной рыбы, к примеру сома, и не украшался. Это сейчас мастерицы придумывают для выставочных работ всяческие изыски.

Валентина Бельды не раз становилась лауреатом международных конкурсов. Особенно восторженно ее работы оценили в Норвегии. Это ремесло в диковинку для иностранцев. Мастерица надеется, что в скором времени воспитает достойную смену. По крайней мере, один ученик уже начал делать успехи. Участвовал в краевом конкурсе «Ремесла земли Дерсу» и стал лауреатом в одной из номинаций.

Разминание рыбьей кожи

Обувь из рыбьей кожи

Украшение из чешуи сома

«Я чту память старины»

Страницы детства *

Понгса КИЛЕ

Понгса Константинович Киле – нанайский поэт, сказитель, музыкант. Сохраняя память о своем народе, создавал для Амурского краеведческого музея коллекции национальных музыкальных инструментов и традиционной игрушки, занимался этнопедагогикой, делал описания национальных игр. Обращаясь к молодому поколению нанайцев, Понгса Киле писал: «Вы с одним крылом хотите лететь в жизнь. Берите второе крыло, оно рядом с вами. Это крыло – язык, обычаи, история наша. Летите с двумя крыльями, опираясь на русскую культуру и нашу, и сложите историю новой нанайской культуры».

В его богатой биографии строительство Комсомольска-на-Амуре в конце 1930-х, Великая Отечественная война, которую он прошел от начала и до самой победы, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». С 1958 года и до выхода на пенсию работал в Амурске механизатором.

В разные годы стихи Понгсы Киле печатались в журналах «Дальний Восток» и «Северные просторы», выходили в сборниках «Песни сердца» (Хабаровск, 1993), «Словами предков я пою» (1988), «Прекрасная родина моя» (1999), «Избранное» (2007) «Загляни в душу мне» (2014) и других. В 1970-е годы писал песни для творческого коллектива села Верхний Нерген Нанайского района, позднее для ансамблей «Гивана» Комсомольского района и «Сиун» Амурского района.

Январь. Свирепствовал буран, словно выло бесчисленное стадо волков. Прибрежные тальники и дубы в дубняках о своем стонали и яростно скрипели, дрожали и гнулись, скручивались то налево, то направо, чуть не до земли прижимались с придушенным шумом и гудением.

Ветер яркой злостью наваливался вихрящимся снежным телом на загородку. Она на каждый яростный порыв ветра отвечала лихорадочным вздрагиванием и свистела всеми щелями каким-то душераздирающим жалобным воем-зовом.

Метель, переваливаясь через загородку, носилась вихрем по двору в дикой дьявольской пляске, билась с разгона в стену фанзы, торопилась ворваться в дом. И, не находя щели в стенах, с дикой злостью, с воем и напором кидалась на шалаш, который, прижавшись к стене, укрывал двух женщин. Парусина хлопающим оторванным углом словно отбивалась от наседающей метели, то пузырем вздувалась, то, прижатая ветром к стене ребрами-опорами, дрожала и глухо роптала. Шалаш

словно понимал, что если ветер разнесет его или сломает ребра-опоры, то он раздавит людей, нанесет неправимую беду семье, и держался изо всех сил. Хлопал, ухал, словно человеческим голосом, скрипел воткнутыми в снег опорами, держался неодолимой силой, спасая жизнь и судьбу женщин.

В доме трое. Старшая грела пеленки и одеяльце у жаркого пылающего очага, младшие – мальчик и девочка – почему-то рано проснулись и шептались, укрывшись одеялом.

По времени – начало рассвета. Дом освещала тускловатым светом лампа, стоящая у окна на специальной полочке, где раньше находилась коптилка. На дворе уже который день неумолимо гремела и выла метель. Казалось, весь дом дрожит от разнузданной силы ветра.

* Впервые опубликовано в сборнике Киле Понгса. Творческое наследие. Комсомольск-на-Амуре: Музей изобразительных искусств, 1993

Георгий Ли Гирсу. Чудесный день. 1971
Холст, масло. ДВХМ, Хабаровск

Дверь почти настежь открывается, и бабушка, проклиная погоду, спешно заходит, окутанная паром морозного воздуха. Обеими руками она что-то прижимает к груди. Скинув обувь, полезла на кан. При этом весело шутила, и ее морщинистое лицо счастливо улыбалось: «Хорошо, когда тяжело и горько начинается, сладко кончается. Это очень хорошо, ничего. Твоя жизнь будет такой же, как эта погода – будешь упрямым и силен, волей закален».

Чуть позже не спеша зашла мать и на ходу бросила в угол парусину. Взяла у дочери теплые пеленки и одеяльце, села рядом с бабушкой. На руках у той во весь голос кричал ребенок. Он извещал весь свет и своего отца, который сейчас находился далеко в тайге на охоте, что в дом пришел будущий хозяин и кормилец семьи.

Так, криком разрывая утреннюю зарю, под свист и вой метели в январе 1918 года в семье родился пятый сын.

С первых минут своего появления на свет я был объят буйной, но не злой родной природой. Меня, как и моих предков, родная природа-стихия закаляла с первых дней.

Недолго мне пришлось чувствовать тепло души и ласку матери. В четыре года я осиротел, остался без матери. И с этого времени отец стал брать меня на охоту. Летом лежал в оморочке, зимой на нартах в медвежьей спальном мешке. Летом до поздней осени бороздили мы воды горных рек Анюй, Пихца, Хар. Я засыпал в

оморочке за спиной отца под колыбельные песни кукушек и шум перекатов. Вековые кедры стеной стояли по берегам, подпирали вершинами небо, качаясь, и тоже пели свои колыбельные песни.

Казалось, что и улыбающаяся луна пела по вечерам над накомарником.

Рано утром меня будили птицы, изюбры где-то трубили, звали меня, и утренняя прохлада, обнимая, бодрила. По вечерам весело плясало пламя костра. Опустив свое весло в воду или прикусив зубами край борта оморочки, я часами слушал музыку камушков, которая доносилась со дна реки. Камушки катились по течению и пели разными звенящими голосами.

Летом жаркое солнце нежно обнимало лучами маленькое тельце мое и баловался со мной дождик. Я носился по воде с луком и деревянной пикой, воображая себя богатырем-мэргэном, о котором отец рассказывал по вечерам смешные, печальные и волшебные сказки.

О делах он разговаривал со мной, как со взрослым, советовался. Направлял, объяснял причину моих ошибок в суждениях. При этом лицо его становилось серьезным. Видимо, так отцу со мной легче было перенести горе, нанесенное эпидемией, которая унесла четверых членов нашей семьи. Вдвоем мы скитались по горным рекам, отвлекая себя от печали.

На дневном отдыхе он играл со мной. Бросал кочку вверх, а я из лука стрелял в нее. Или на меня катом бро-

Понгса Киле. 1944

сал большую кочку, а я ее колот своей пикой. За неверный удар или приемы не ругал, а показывал, объяснял.

Во время непогоды в палатке он рассказывал много интересных историй, поучал в познании жизни, особенно внушал привычку к уважительному отношению к старшим. Говорил, что перед опасной дорогой надо поклониться стойбищу, могилам предков на восходящее солнце. Говорил, что если ты щедр, бескорыстен, приветлив, то предки наши придут к тебе во сне и помогут найти путь.

Старших, даже брата, грех звать по имени, надо говорить: брат, сестра, тетя, дядя, дед. У каждого человека только отец один и мать одна...

Отец учил, как и по каким признакам определить прибытие и убытие воды на реке и даже наводнение на Амуре на будущий год. Учил читать следы, знать повадки зверей и их характеры. Особенно твердил он мне, что ничего не надо бояться и развивать в характере силу воли. Он не боялся оставлять меня одного на берегу на весь день или ночь в плохую погоду. Ранее вполне к этому подготовленный, не боялся я ни одиночества, ни темноты. Резвился по кустам, по косе, ловил хариусов, руками ловил бычков-подкамешников, и, поиграв, отпускал их в речку обратно. И знал: черти пристают только к трусам. Если на него нападать с пикой, он превратится в пень или кочку.

Я не по годам взрослел. Когда я стал кое-что понимать, отец мне говорил: «Пусть тебе грозит даже смерть,

беда, но никогда не говори: «валяха» – беда. Это слово не для настоящих мужчин. Мужчина, даже когда садится по нужде, обязательно поворачивается назад, откуда шел». Однажды дядя мой обсмеял меня за это. Отец не раз говорил мне: «Если тебе придется идти в долгий опасный путь, то поклонись восходящему солнцу, стойбищу и могилам предков. Пусть они заросли травой, сугробами снега завалены – духи их живы. Они с нами. Поэтому придут к тебе во сне и подскажут верный путь и отдадут свое неистраченное счастье. Если ты добрый, не корыстный, не жадный, они обязательно отведут беду от твоего пути. Если ты делаешь добро людям, они рядом встанут с тобой, когда тебе будет тяжело».

Отец знал, что я сейчас не все понимаю. Но придет время, когда столкнусь я с большой жизнью, и тогда мне многое станет ясным. Так день за днем, год за годом отец учил меня всему, что знал и испытал в этой тяжелой жизни сам. Он был мне матерью, отцом и другом. И чем старше я становился, тем яснее становилось в моем разуме все, что говорил отец. Почитая память отца, я чту память старины с ее историей развития, память о предках. Где бы я ни жил, куда бы я ни шел, и даже на войне всегда и всюду чувствовал их за своей спиной, слышал и сейчас слышу их дыхание, голоса. Иначе не могло и не может быть, ибо воспитан был по науке старины своей.

На десятом году мой дядя торжественно у зимовья вручил мне подарки – ружье 32-го калибра с укороченной ложей, чтобы я достал до курка пальцем, и лыжи из черной акации с камусом, гибкие, легкие на ходу. Это радость неопишуемая и необъяснимая. Все вокруг меня пело, кричало в восторге и радости: горы, реки, зимовье, все-все. Первые три дня я ходил в тайгу в сопровождении сурового, упрямого, доброго и милого учителя – старшего брата, а потом самостоятельно. И раньше я ходил в тайгу сам, но у меня были только кленовый лук, стрелы с наконечниками и маленькая пика. И тогда, когда медведя выкуривали из дупла, меня не допускали к нему ближе десяти метров. Я только наблюдал. Главное, что меня всегда брали с собой в таких случаях.

Так рос я, не по годам взрослея, под наблюдением отца, его младшего брата – моего дяди и опекуна, а также моего брата – сурового воспитателя. Брат меня за ошибки и промахи не ругал и не давал подзатыльники, а терпеливо объяснял и показывал. Он терпеть не мог, когда я произносил: «я не знаю», «потом». Он по обычаю целиком и полностью отвечал за меня. Учил навыкам, начиная с иголки с ниткой, котла и до стрельбы из лука и ловушки. Таков был закон.

В 1930 году я пошел в школу, мне было двенадцать лет. В 1937 году поехал в г. Комсомольск. Учился и работал в стройтресте № 36. Одиннадцать лет работал электромонтажником. В 1938 году окончил восемь классов вечерней школы. В 1939 году после тяжелой операции уехал домой в деревню (с. Дада) на излечение. Работал завклубом. В октябре 1940 года был призван в армию. Закончил в Хабаровске училище артиллерийской разведки. С сентября 1941 года на фронте. В 1946 году демобилизовался. Работал от стройтреста № 6 в леспромохозе Пихцинском до 1957 года, затем перевелся в г. Ком-

Георгий Ли Гирсу. Амурские горы. 1984. Холст, масло. ДВХМ, Хабаровск

сомольск на лесозавод треста № 6. С 1958 года живу в Амурске. В 1977 году ушел на заслуженный отдых, на пенсию. А после трехкратной операции вынужден был совсем оставить работу. С 1979 года решил заняться творческим делом – изучать и пропагандировать нашу национальную культуру. Делаю все, что могу, что знаю и как умею. В данное время участвую по силе и возможностям в деятельности ансамбля «Сиун» села Ачан.

Последние дни апреля. Жарко. Над Амуром неповторимым зрелищем играет мираж. Лед посередине Амура протянулся широким темно-синим ковром. По краям этого ковра рекой текли проталины, где отдыхали утки, гуси, другая дичь. Здесь стоял шум. Кружились коршуны и чайки, а под синим куполом неба парили орланы. Они парами, одна за одной, ныряли в облако и выскальзывали где-то над его поверхностью.

Кое-где на теневой стороне еще сохранились сугробы, напоминающие о буйных ветрах зимы.

Лед сильно поднялся под напором бурлящего течения. Иголоподобные льдинки, рассыпаясь с хрустальным звоном, волнами всплывали на поверхность. Они легко, нежно, мелодично звенели.

На южный берег многокилометрового острова Хэри-сяни уже второй день подъезжают лодки в собачьих упряжках. В каждой лодке – три-четыре человека взрослых, очень много детей от трех лет и старше. Все нарядные, особенно женщины и девушки. Мужчины одеты скромнее, но тоже по-праздничному. У всех, от мала до велика, было приподнятое настроение.

Дети 10–12 лет, держась за борта лодок, бежали свободно рядом с ними, но все были привязаны веревками к лодке для безопасности. Лодка скользила без

особого труда на подрезях, прибитых на дне лодки к брускам-полозьям.

Три-четыре дня над Амуром у берега острова стоял грохот лодок, лай собак, громкие возгласы приветствий, веселый смех и шутки. Особенно весело было, когда парни, мужчины и девушки устраивали гонки на лодках. Собаки бежали галопом, и лодки, громыхая за собаками, неслись по бугоркам. Груза в каждой лодке было немного, только самое необходимое на несколько дней.

Из дальних стойбищ подъезжали к исходу дня. Их встречали пожилые мужчины с внуками – нет ли здесь старых друзей и знакомых. Если не было таких, то знакомились, внуков подводили к старикам на поклон. Молодые парни и мужчины выходили из лодок вслед за стариками, с ходу вытаскивали лодки на сухой берег вместе с сидящими там людьми. С гостями обменивались приветствиями, пожеланиями, шутками, и дорожная усталость сразу проходила – ведь приехавших встречали человеческим душевным теплом и чистосердечным уважением. Дети сразу находили общий язык, помогали взрослым носить вещи. Мужчины ставили балаган.

У постороннего человека возник бы вопрос: неужели здесь собрались родственники, ведь так непринужденно, открыто встречаются люди?

Да, по судьбе, по укладу жизни, обычаям все были действительно родственниками. Ели-пили из одной реки. Старики так говорили: «У нас два общих амбара: первый – матушка-тайга, второй – батюшка-Амур».

Так незнакомые становились товарищами и друзьями, друзья – родственниками. На таких встречах договаривались и о сватовстве.

1988

Дорога в Тугур

Село Тугур

Марина БАЛАШОВА
Фото Ольги КОСАРЬКОВОЙ

Тугуро-Чумиканский район один из наиболее труднодоступных в Хабаровском крае. В этом мы убедились, совершив путешествие из Хабаровска до села Тугур. Мы – это сотрудники Дальневосточной государственной научной библиотеки Марина Леонидовна Балашова, Оксана Геннадьевна Серкина и Ольга Дмитриевна Косарькова. А поводом послужил проект «Под стук копыт оленей» Фонда президентских грантов по развитию гражданского общества и при информационной поддержке АНО «Дети и взрослые», участником которого в 2019 году стала наша библиотека.

Организатор фестиваля Екатерина Константиновна Шмонина

В рамках проекта национальная община «Неут» провела в селе Тугур Тугуро-Чумиканского района традиционный фестиваль эвенкийской культуры «Бакалдын», уже третий по счету. Он-то и стал целью нашей поездки.

Путь до Тугура оказался непростым и занял два дня. Сначала 12 часов автобусом по маршруту Хабаровск – село имени Полины Осипенко, потом более 150 километров по зимней дороге на машине. Для поездки в Тугур собралась приличная компания: журналист компании ГТРК «Дальневосточная» Кирилл Ро-

Готовимся выезжать. Село им. Полины Осипенко. На кунге – водитель Николай Петкевич

Начало праздника

гачев и оператор Николай Фарафонов, руководитель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края Любовь Александровна Одзял, участники фестиваля «Бакалдын» – солистки женского вокального ансамбля «Геркие» из села имени Полины Осипенко, уроженцы села Тугур, родственники и друзья тугурчан.

Утром 1 марта возле сельской гостиницы нас ждал КамАЗ, на котором был установлен кунг (кузов унифицированный герметизированный) на шестнадцать посадочных мест. Впереди зимник – дорога, проложенная по снегу и достаточно хорошо укатанная лесовозами. В кунге установили мягкие кресла, в окна можно было наблюдать за видами северной природы. У нас оказался замечательный водитель Николай Петкевич, который сделал все, чтобы поездка была комфортной и неуютительной. Самым сложным оказался участок дороги перед Тугуром, когда пришлось ехать через торосы, образовавшиеся из-за перемещения льда в морском заливе. В итоге дорога заняла 12 часов, и в село мы приехали поздним вечером.

Жители во главе с главным организатором праздника Екатериной Константиновной Шмониной уже ждали нас с горячим ужином.

Было просто и вкусно по-домашнему. Суп из оленины, жареная навага, ароматнейший брусничный морс. На время фестиваля небольшой культурно-досуговый центр превратился не просто в столовую для всех участников, но и в уютную кают-компанию с всегда протопленной русской печкой, вкусными блюдами, горячим чаем в большом электрическом самоваре. Наш по-

вар Галина Сергеевна Сафронова сделала все, чтобы нам было комфортно, баловала домашним рябиновым вареньем.

Всех гостей расселили по жилым домам тугурчан. Мы оказались в доме Егора Дичковского. Удивились, что двери здесь не закрываются ни в какое время суток на ключ, а громадная собака не лает на чужаков, видимо, сразу признав

Обряд «кормления» огня

Участники фестиваля

за своих. Все было непривычно после городской жизни.

Знакомимся с Тугуром. Его история начинается с основания Тугурского острога в 1653 году. Село небольшое, по статистике, в нем проживает чуть больше 350 человек. Стоит село на пригорке, возле каждого дома огороды, хозяйственные постройки, лиственничные дрова, во дворах снегоходы и лодки. Наблюдая за бытом местного населения, понимаем, что это жизненно необходимые транспортные средст-

ва. Вокруг села много снега и льда. С одной стороны замерзшая река Кутын, с другой замерзший Тугурский залив. Когда выходишь к таким берегам, покрытым снегом и льдом, тебя окутывает белое безмолвие...

Идем в библиотеку. Все дома в селе деревянные, и библиотека не исключение. Заведующая Тамара Геннадьевна Подлесная в Тугуре живет 40 лет, приехала после Биробиджанского культпросветучилища. Библиотека не совсем уж маленькая, занимает три комнаты, фонд

более 10,5 тысячи книг. Книги не старые, есть и дальневосточные новинки, последние номера журнала «Дальний Восток». Сельская библиотека получает краевую газету «Тихоокеанская звезда». Есть компьютер с выходом в интернет, значит, связь со всем миром.

В субботу в библиотеке выходной, но для нас делают исключение и затапливают печку. Мы распаковываем новые книги и журналы для тугурской библиотеки. Оформляем информационный уголок «Правовая культура для всех!». Региональное отделение «КонсультантПлюс» в Хабаровске оказало помощь в комплектовании уголка информационными материалами – дисками, газетами «Верное решение», бюллетенями с полным описанием банков этой справочной правовой системы. Вместе с нами в библиотеку пришла руководитель Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края Любовь Александровна Одзял. Она привезла в дар издания, посвященные современным проблемам коренных малочисленных народов России. Потом большую посылку из 200 новых книг и журналов, которую мы привезли, Тамара Геннадьевна будет отправлять вертолетом в Центральную районную библио-

Обряд «кормления» огня

теку села Чумикан для остальных библиотек Тугуро-Чумиканского района.

Заходим в школу: она небольшая, девятилетка, учатся в ней 45 человек. Самый большой класс 10 человек. Посещаем крохотную школьную библиотеку, оставляем в ней издания ДВГНБ.

В клубе начинается информационная встреча жителей села с Л.А. Одзял, и мы узнаем о насущных проблемах Тугура. Здесь ни амбулатории, ни больницы, ни аптеки, вертолет прилетает два раза в месяц. Нет детского сада, а после 9-го класса ребят отправляют либо в интернат в Чумикан за 200 километров, либо в училища и техникумы Николаевска-на-Амуре, Комсомольска-на-Амуре или Хабаровска. Остро стоят экологические проблемы, связанные с рыболовством и лесозаготовками.

Мы и сами столкнулись с трудностями и поняли, что Тугур, по сути, отрезан от цивилизации. Единственная дорога – зимник, так она только на зиму, а в другое время вертолет – и все? Но он не летает сюда ежедневно. Единственный оператор связи – «МегаФон». Мы этого не знали, и потому наши телефоны, настроенные на МТС и «Билайн», оказались бесполезными.

Нам предложили ознакомительную прогулку на снегоходе. Водитель Дмитрий стал по совместительству и нашим гидом. Он повез нас к горе Лумукан по замерзшему Тугурскому заливу. Отсюда выход в открытое Охотское море и морская дорога на Шантарские острова. Гора Лумукан – местная достопримечательность, в ней много пещер. Лумукан в переводе с эвенкийского – «гора любви». По легенде, которую нам рассказали местные жители, название произошло от двух имен: Кан – имя юноши, Луму – имя девушки, которая не дождалась своего возлюбленного и бросилась с горы. Мы объезжаем Лумукан, гид обращает наше внимание на входы в пещеры со стороны залива. Говорит, что в летнее время, пройдя вдоль берега, можно зайти в них. Дмитрий немногословен, но видя наши восторги, рассказывает, как в августе и сентябре в залив прони-

Ансамбль «Гиркие»

Жители села

В библиотеке

В стойбище

кают белухи и плавают рядом с лодками местных рыбаков. Однажды сюда заплыл кит.

Праздник Бакалдын проводили в воскресенье. С утра начались приготовления к празднику: репетиции, доработки сценария, настройка аппаратуры. Солистки вокальной группы «Гиркие», с которыми мы приехали, развешивают свои кумаланы – удивительной красоты эвенкийские ковры в технике меховой мозаики. Их можно рассматривать до бесконечности и вос-

хищаться. Так мы узнали, что наши попутчицы не только артистки, но и настоящие мастерицы.

На эвенкийский праздник собираются практически все жители села. Бакалдын означает и символизирует встречу короткого лета после долгой зимы. Начало лета у эвенков – начало нового года. Именно тогда родовые общины, охотники и оленеводы собираются вместе, чтобы с размахом отметить это событие, обменяться накопившимися за зиму новостями, обговорить совместные дела. Но поскольку добраться до Тугура сложно, то Бакалдын уже в третий раз проводится здесь в начале марта, пока действует зимняя дорога как единственный доступный способ передвижения.

Праздник этот обрядовый. По представлению эвенков, каждый участник должен пройти ритуал очищения, чтобы предстать с чистой душой, без болезней и без злых мыслей. Поэтому Бакалдын традиционно начался с обрядов очищения, причащения к родовому огню, кормления огня. Подождли ветки багульника: считается, что его дым очищает душу и тело.

Для гостей организовали показательные состязания в национальных видах спорта – прыжки через чурки, выбрасывание тяжелой гири, прыжки в длину, а еще гонку на охотничьих лыжах со стрельбой из спортивной винтовки. Лучшей всех отстрелялась синеглазая красавица Наташа. Ей 17 лет, она учится на отделении МЧС в строительном техникуме в Хабаровске.

В программе выступление женского вокального ансамбля «Гиркие» из села Полины Осипенко. Творчество этой самобытной группы известно по всему Хабаровскому краю. «Гиркие» переводится с эвенкийского как «подружки» (которые объединились под руководством Альбины Большаковой). К «Гиркие» присоединяется местный ансамбль «Юксэн», в котором национальные песни и танцы исполняют учителя и ученики местной школы. По традиции Бакалдын завершается общим хороводом дружбы – хэдьё, а потом для всех сельчан и гостей устраивается обед. На столах оленина, рыба, брусника...

Два дня пролетели незаметно. Утром покидаем Тугур на КамАЗе. На этот раз путь по торосам не так

страшен. Но по пути нас ждет сюрприз: мы заезжаем в стойбище оленеводов, расположенное глубоко в лесу. Нас там ждут. Мы видим вдоль дороги специальную отметку: к дереву прикреплена большая картонка, на которой печатными буквами написано: «пастухи здесь».

Идем по снежной дороге, укатанной снегоходами. И вот зима, олены, собаки. Совсем другой мир! И где она, настоящая жизнь? Может здесь, среди природы? Наши попутчицы вспоминают детство, которое они проводили с родителями на оленьих пастбищах. Оленеводы готовят нам угощение: варят оленину, разливают горячий густой бульон и чай. А еще нарезают очень необычный хлеб, который выпекается в виде большой лепешки из соды, воды и муки. Хлеб вкусный, со своим каким-то лесным или травяным ароматом. Подкрепились и вернулись к машине.

Заканчивается наше путешествие. За час до села Полины Осипенко наконец-то появляется связь, оживают мобильные телефоны. Уже затемно мы подъезжаем к селу Полины Осипенко, прощаемся с попутчиками, с Екатериной Константиновной Шмониной. Утром нас ждет дорога в Хабаровск. Благодаря путешествию в Тугур мы узнали, какую огромную территорию занимает наш край, как много в нем уголков, до которых очень сложно добраться, увидели обычную жизнь людей этих мест. И очень хочется надеяться, что когда-нибудь сюда проложат дорожное полотно, чтобы жители отдаленных сел не чувствовали себя оторванными от мира.

Тугур

Есть такой народ – нивхи

Людмила КАУТИНА

Я и не думала, что буду размышлять по этому поводу, но мне все чаще вспоминаются картинки моего детства, яркие и радостные! Я, представитель древних людей – нивх, и от этого еще больше вопросов, чем ответов. Ну, например, говорят, что мой национальный язык очень схож с французским. Когда-то прабабушка и бабушка рассказывали, что к ним приезжал какой-то ученый из Франции с целью изучить особенности этнографии языка нивхов. Но мои бабушки, ничего ему не рассказали, потому что чужой. А жаль, просто уже не у кого спросить подробности.

Людмила Каутина

Теперь же для меня все очень важно. Этот рисунок в нашей семье вырезали из бумаги, бересты и разноцветных тканей. Я же восхищалась ловкостью рук моих бабушек, а сама, к моему стыду, и повторить не смогу. Оказывается, я являюсь потомком шаманского рода со стороны обоих родителей. Но хочу вас успокоить, что сама ничем не обладаю. Знаю, что моя прапрабабушка по папиной линии маленьким ребенком видела, как приплыл большой корабль, к нам в Николаевск-на-Амуре. И когда Геннадий Иванович Невельской, и его команда вышли на берег, то они, дети, впервые увидев белых людей, прятались от страха в камышах!

Моя прапрабабушка была удивительным человеком. Она прожила сто десять лет, была невероятно высокого роста для нивхов, два метра. Физически сильная и крепкая, она была человеком честным и принципиальным. Читала законы нивхов и природы, умела управлять погодой. Могла, когда очень долго шел дождь, его останавливать каким-то своим способом. Светило солнце, и это был настоящий праздник для всего стойбища! Моя прапрабабушка была немногословна, людей видела насквозь, от нее невозможно было

скрыть какую-нибудь тайну. Когда она, одетая в национальный халат из рыбьей кожи, с бусами и серьгами из камней и с неизменной трубкой во рту проходила по стойбищу, то взрослые уважительно кланялись, а ребята боялись и прятались. Ну а если кто-то что-то натворил, то ей было достаточно просто взять ребенка на руки, и ему от этого уже было страшно. Вот такие были пугливые маленькие нивхские дети!

Семья у прапрабабушки была большая. Она родила двенадцать дочерей, что тоже большая редкость для нивхов: одни девочки. Когда они подросли, их продали в Казахстан и в Китай. У двенадцатой дочери очень интересная судьба. В 15 лет ее выдали замуж за богатого старого нанайца, который дал семье большой калым. Повез он ее с Нижнего Амура в сторону села Троицкого. Имя у нее было наше, нивхское, что в переводе на русский могло означать «надежда». Вскоро, муж умер, и его родня вернула ее в Николаевск. А так как нивхи были безграмотными, советская власть села Троицкого, выдала ей паспорт на имя Анастасии Ивановны Хебуковой, а вся родня называла Фенька. Я ее называю прабабушкой. Детей у нее не было, замуж она больше не

выходила и поэтому жила с мамой моего отца, моей бабой Лизой.

Баба Лиза рано овдовела. По доносу был арестован и пропал в тюрьмах ее муж Итзан Хибак, тоже из рода шаманов, он очень хорошо лечил людей и животных, к нему специально приезжали красноармейцы лечиться. Баба Лиза одна растила моего папу Сергея Петровича Каутина, который родился в селе Куля Николаевского района.

С детских лет научен был всему: рыбачить, охотиться, управлять оморочкой. Учился в интернате с. Нижние Пронги, всю жизнь был хорошим водителем, служил в Советской армии, на погранзаставе Хабаровского края и Еврейской автономной области. Я была старшая из троих детей, отец очень любил меня, всегда поддерживал и помогал. Отец рассказывал, что у нивхов были договорные браки. И если бы не советский строй, то, когда пришло бы время, меня выдали бы замуж за мальчика, который был даже на пару лет младше меня, чему я очень удивлялась и говорила: «А как же любовь?»

Бабушки часто ездили по всему побережью Нижнего Амура. Почти все села Николаевского района имеют нивхские названия, так как это были нивхские стойбища: Чныррах, Озерпах, Тнейвах, Чарбах и многие другие. К нам в город тоже часто приезжали из сел какие-то родственники. Они очень хорошо готовили национальные блюда. Я, тоже немного умею готовить, правда, делаю это очень редко. Но вкус моего детства – это студень мос, строганина, лысбас, тала – да всего и не перечешишь. Отец говорил, что на нашем языке нет приветствия, как, например, в русском языке «здравствуйте!» или «привет!». Вместо этого у нас обращение «Ты пришел. Проходи, садись!». Когда были живы мои бабушки, они постоянно говорили на нашем языке, и я могла поддерживать разговор. А сейчас, думаю, не получится. Но как только слышу что-то свое, о чем идет речь, понимаю.

Однажды, когда я была маленькой, отец принес газету Николаевского района «Амурский лиман» (в то время она называлась «Ленинское знамя»), в ней был опубликован список репрессированных, сре-

Во втором ряду, слева направо вторая девочка мне неизвестна, но, кажется, похожа на меня. Снимок 1950-х (1960-х) гг.

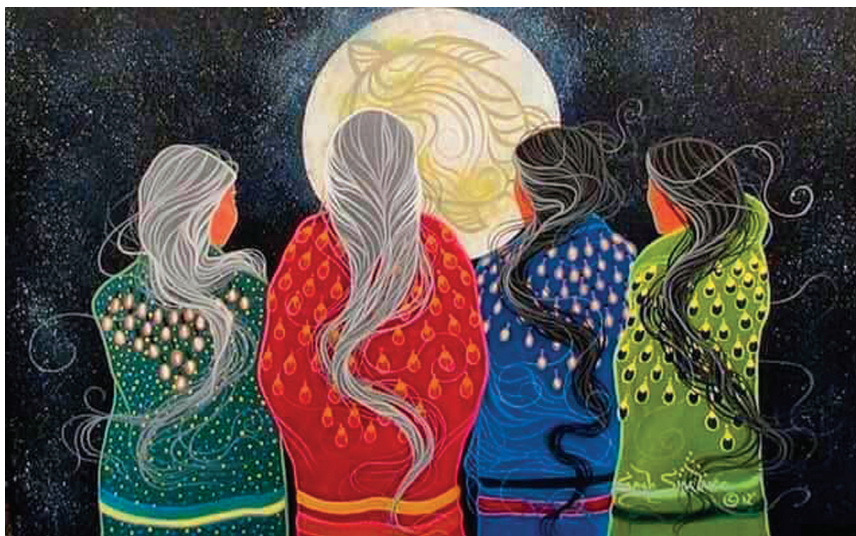
ди них Итзан Хибак, и указан год, когда расстреляли. Так тайное для нашей семьи стало явным.

Очень жаль, что из-за переездов не сохранилось фото, которое я видела в детстве. На нем: моя прапрабабушка сидит выше всех с трубкой в национальном халате, рядом маленькая баба Лиза и мальчик четырех лет – это мой отец. На обратной стороне снимка дата – 1959 год. За день до своей кончины она всем сообщила, что завтра умрет, и наказала похоронить по традиции нивхов. Хоронили ее по старинному обычаю, сожгли на костре, бросая в огонь вещи, которыми она пользовалась. Со всего Амура приезжали нивхи попрощаться.

Я считаю, что нивхи – это народ природы с душой ребенка, любя-

щие весь мир и людей всего Хабаровского края. Сегодня нивхи современные, стильные и образованные люди, могут себе позволить побывать в соседнем Китае и Японии, погулять по улицам Сеула, покупаться в Черном море и наслаждаться Крымом! Так что мне есть что рассказать крохотному племяннику и будущим внукам. А дело нивхских шаманов – помогать и лечить людей, я продолжила, работаю медицинской сестрой, имею многолетний стаж.

*Записали О.Н. Кушнарева
и Арина Богданова,
МБОУ ДОД ЦДТ, студия юных корреспондентов «Сюжет», г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край*

Из глубин старинных преданий*

Иллюстрации Ильи ЛИХАНОВА

Род Самаров под защитой Дракона

Галина МОМИ

Родилась в 1949 г. в с. Новая Ферма Ульчского района Хабаровского края.

Живет в с. Кондон Солнечного района

В одном стойбище жил шаман по имени Мудур. Хороший был шаман, заботился о здоровье и благополучии людей, отгонял от стойбища болезни и злых духов. Камлал на удачную охоту и хороший улов рыбы. Благодаря ему хорошо жил род Самаров.

Оберегая людей, не уберег он свою любимую жену Мадо, умерла она, оставив ему малых детей. Долго горевал Мудур, но понял, что детям нужна мать. Осенью поехал сватать девятую дочь старейшины сосед-

него стойбища красавицу Хуюн, да и сгинул. Многие люди искали его, но возвращались ни с чем. Плохие времена настали для рода Самаров. От жары засохли все речки, тайга. Не стало рыбы, исчезли звери. Люди умирали от голода и болезней. На сходе старейшина сказал: «Злые духи не дадут нам здесь жить, надо уходить отсюда, искать новый дом, чтобы сохранить род Самаров». И отправил охотников на четыре стороны света.

* Материалы сборника «Здесь мой край любимый», посвященного 95-летию со дня рождения Акима Самара. Село Кондон, Хабаровский край, 2011.

С ними пошел Мэргэн, преодолевал высокие горы, глубокие реки, непроходимые болота. Всю одежду и обувь истрепал в клочья. Обессилев от голода, подошел он к высокой горе, очертаниями похожей на дракона. Но не было у него сил ни обойти, ни взобраться на нее. «Отец, помоги мне!» – в отчаянии воскликнул он и упал без чувств у подножия. Очнулся он на вершине горы от неясного шума. Встал, оглянулся, а вокруг такая красо-

та! Ярко светит солнце, внизу течет красавица речка – Девятка, а в ней плещется рыба. Кубарем скатился вниз Мэргэн, острой поймал самую большую рыбку, наелся вкусной талы. Отдохнул, набрался сил, наловил рыбы и быстрее ветра помчался в родное стойбище с радостной вестью.

С тех пор и поныне живет у берегов кормилицы – речки Девятки под защитой горы Дракон род Самаров.

Земля предков

Лина ПАЙЗИНА,

библиотекарь с. Кондон Солнечного района

Одиночество терзало его рваную душу. Сэчэн, молодой и крепкий парень, но не повезло ему в этом сезоне на охоте. Как будто все звери, сговорившись, ушли с его угодий! К концу зимы ему нужно было добыть семь полных нарт пушнины, чтобы заплатить калым за невесту, но добычи хватит на две, да и то с трудом. Сэчэн решил сделать привал, чтобы дать отдохнуть собакам и привести мысли в порядок. Но кроме красавицы Гэнгиэ ничего в голову не шло.

Гэнгиэ, самая красивая девушка во всем стойбище, оправдывает свое имя – «светлая, прозрачная». Вся

словно соткана из тумана, кожа белее снега, губы как малина – алые и сладкие, а косы, точно черные змеи, обвивают тонкий стан девушки. Начнет говорить – словно ручеек весенний журчит! Нет краше девушки на целом свете!

Нельзя, чтобы такая девушка досталась другому! В сердцах топнул ногой Сэчэн, сердясь на свое бессилие и беспомощность. Так как же ему поступить?! И вдруг его озарило: нужно попросить помощи у предков, пусть посоветуют, помогут. Развел большой костер, достал из походной сумки все необходимое для тукуру (по-

минального ритуала), дал духам кой-какую снедь, разложил у костра. Нарвал охапку багульника и бросил в огонь. Так начался ритуал, передаваемый из поколения в поколение.

Разгорелся огонь, распространяя аромат жженой травы, зазывая духов. Сэчэн побрызгал тукуру на четыре стороны света, бросил в костер еду. На пламени нагрел свой бубен, чтобы он своим звучанием быстрее созвал предков. Еда быстро сгорела. Это хороший знак, значит, они уже здесь. Теперь осталось только поговорить с ними. Бросив в огонь еще одну охапку багульника, Сэчэн сел рядом, чтобы вдыхать дым. Понемногу, раскачиваясь, он стал впадать в забытьё...

...Перед глазами ничего не значащие для него лица. Но сознание само поймет, кто ему нужен. Все поколения Самагиров промелькнули перед ним, остановившись на предке предков, основателе рода. Лицо его было знакомым, где-то Сэчэн уже видел его. Но где и когда, вспомнить не мог.

Пора! Взяв в руки бубен, мэргэн призывно застучал. Набирая ритм, Сэчэн начал петь о постигших его неудачах, о красавице Гэнгиэ. Стал просить о помощи, о совете. Все это сопровождалось пляской у костра. Заходящее солнце добавило красок в магическое действие, а языки пламени танцевали в ритме бубна. Быстрее! Быстрее! Быстрее!

В изнеможении Сэчэн рухнул навзничь в снег. Костры, кругом костры... Где-то заунывно поют женщины, плачут младенцы, слышен разговор людей, но он их не видит, только слышит: они где-то рядом. Уже ночь. Вот он подходит к главному чуму. Неведомая сила привела его. Открывает полог и видит: у очага сидит согбенный старец и курит трубку. Сэчэн сел на колени и почтительно поклонился ему. Потом подошел и сел рядом, не смея заговорить первым. Долго ли длилось молчание, никто не знает. Наконец старец заговорил:

– Правильно сделал, что позвал нас, самому бы тебе не решить эту задачу. Это Хото мешает тебе, сильный шаман, до только черный. Позавидовал старик твоей молодости, твоей силе, да и тому, что красавица сердце свое тебе отдала. Придешь пустой, думает Хото, не отдадут тебе красавицу ее родственники, а он их так напугает, что даром отдадут ему. Закрой глаза и смотри, а дальше решишь сам. Заодно и проверишь Гэнгиэ, достойна ли она тебя, отважна ли.

И видит мэргэн, будто он на дороге, долго едет и быстро. Нарты его тяжелы, собаки быстро устают. Перевал

за перевалом преодолевает его упряжка, сколько дней промелькнуло перед глазами – сам не знает, со счету сбился. И тут, будто в небо взмыл он коршуном, высоко над землей парит и видит: дракон огромный спит, а у его подножия серебряной лентой река блестит, в водах ее столько рыбы, что места ей мало, сама на берег выпрыгивает. В лесу пушнины столько, что ногу ставить негде, дичи – как звезд на небе.

– Все запомнил? Эти места, что ты сейчас видишь, заповедные! Там тебя шаман не достанет. Бессильны его амбанасал перед духами тех мест, перед драконом.

Вдруг заметил Сэчэн, что лицо у старика помолодело. Где же он видел его?

Очнулся он в таком же положении, как и уснул, только голова кружится. На покачивающихся ногах пошел к роднику. Ополоснул лицо, полегче стало. Но сон не ушел, перед глазами стоит. Сел у воды, обдумывает. Случайно в воду посмотрел и подскочил как ужаленный. Выходит, он просил совета сам у себя, только умудренного годами! Легко стало на душе Сэчэну, радостно, недаром народ говорит: «Утро вечера мудренее».

Накормив собак, с легким сердцем он отправился в родное стойбище, распевая по дороге веселые песни. Вернулся мэргэн домой глубокой ночью, нани уже спать легли. Осторожно пробравшись к чуму своей красавицы, тихим свистом стал вызывать Гэнгиэ.

Недолго парню пришлось ждать девушку: дымкой выскользнула она из дому, и, вне себя от счастья, прижалась к нему.

– Согласна ли ты сбежать со мной, птичка моя? Согласна ли ты разделить со мной все радости и невзгоды, ненаглядная моя?

Недолго раздумывала Гэнгиэ:

– С тобой хоть на край земли! Ничего мне не страшно, когда ты рядом!

И вот мчатся они. Все, как в том сне, что видел Сэчэн, только еще страшнее! То пурга начнется лютая, то ветер воет, чтобы вернул красавицу домой, то день резко ночью сменяется. Все пережили мэргэн с подругой, сколько дней ехали, не знают, со счета сбились. Гэнгиэ ничего не говорит, не сомневается, верит ему.

Долго ли, коротко ли ехали Сэчэн с подругой, уже никто не скажет, да только приехали они на ту самую землю, которая пригрезилась во сне. Все было там! И спящий Дракон, и полная рыбы река, и богатый дичью лес...

– Это будет наша земля, земля нани, земля Самагиров! Пусть отныне и навеки живут тут наши внуки, правнуки, и пусть не оскудеет эта земля!

Настоящие мэргэны

Ирина ПАССАР,

ученица 8-го класса с. Найхин Нанайского района Хабаровского края

В одном стойбище жила старушка со своими сыновьями Кусэ и Иго. Однажды старушка-мать пошла в лес и не вернулась. Кусэ и Иго решили идти ее искать. Взяли они луки, стрелы, копья и ножи и отправились в путь. Долго они шли, из сил выбились, вдруг увидели старика.

– Кто ты, старичок? – спросил Иго.

– Я Сигу, – ответил он. – Знаю, что вы хотите. Рогатые люди унесли вашу маму и сделали ее рабыней, но она не стала служить им. За это ее превратили в старый котел.

– А как ее можно спасти и расколдовать?

– Этого я не знаю, но все равно дам совет: возьмите воды и родной земли.

Он дал им мешочки с землей и котелок с водой. Братья поблагодарили его и вновь отправились в путь.

Шли они по тайге, плыли по речкам и на берегу одной из речек увидели богатую фанзу. Кусэ и Иго хотели подойти поближе, но на них посыпались стрелы и копья. Это были рогатые люди, а в богатой фанзе жил их отец – старик-шаман. Но братья не испугались, взяли луки и стрелы, начали стрелять. Одни за другим падали рогатые люди, а когда упал последний, из фанзы вышел старик шаман.

– Зачем вы сюда пришли? – спросил он. – Уходите отсюда, а не то я превращу вас в зайцев.

– Не угрожай, мы тебя не боимся! – ответили братья.

Шаман кинул копье, оно прогудело над головами Кусэ и Иго и воткнулось глубоко в землю.

Братья привязали к копьям мешочки с родной землей и кинули из в шамана. Копья попали ему в сердце и в талисман колдовства. Он замертво упал.

Братья зашли в фанзу и увидели пустой котел, стоящий в уголке.

– Это котел – наша мать, и мы должны ее расколдовать, – догадались Кусэ и Иго. – Надо кинуть на котел земли и брызнуть водой.

Как сказали, так и сделали. Вдруг котел рассыпался, и появилась их мать-старушка.

– Спасибо, мои Кусэ и Иго, вы настоящие мэргэны, – сказала она.

Собрались они и двинулись в обратный путь. Скоро им встретился Сигу и пожелал счастья. Так храбрые мэргэны спасли свою мать.

Долго они жили в спокойствии и счастье. Помогали всем, кто нуждается в помощи. И люди платили им добром.

Откуда у тигренка полоски

Ирина ОНЕНКО,

ученица 2-го класса школы с. Найхин Нанайского района Хабаровского края

Жил в тайге маленький Тигренок. Был он один, без родных. Никто не хотел с ним дружить, потому что он совсем не был похож на тигров. Он был ярко-желтого цвета, без полосок, как у остальных зверей. Все его боялись и обходили стороной, а Тигренок очень хотел с кем-нибудь подружиться.

Однажды он увидел Бурундука, который сидел на дереве и грыз орехи. Подошел к нему и говорит:

– Здравствуй, Бурундучок, давай с тобой дружить!

– Я не буду твоим другом!

– А почему?

– Ты очень странный, я тебя боюсь. Ты не похож на своих. У тебя нет полосок. А у меня есть! – похвастался Бурундук. – И у Кабарги, у Енота, у поросят они есть!

– А где мне их взять? – спросил Тигренок.

– Мне Медведь их сделал. Иди к нему, попроси, чтобы тебе помог.

Пошел Тигренок к Медведю, но тому было некогда, да и неохота возиться с малышом, и он прогнал его.

Расстроился Тигренок. Идет по лесу и встречает Енота, который куда-то спешил.

– Енотик, подари мне свои полоски, пожалуйста!

– Мое, мое, никому не дам, – ответил Енот и убежал.

Еще больше расстроился Тигренок, идет и плачет. Навстречу ему Рысь, такая красивая, вся в пятнышках, кисточки на ушах. Увидела Тигренка и говорит ему:

– Малыш, что с тобой? Почему ты плачешь?

– Со мной никто не хочет дружить, потому что у меня нет полосок! А ты не знаешь, где их можно взять?

– Не знаю, но я могу подарить тебе свои пятнышки, если хочешь, конечно.

– Хочу, хочу! – обрадовался Тигренок.

Но как ни цеплял на себя Тигренок пятнышки, они никак не хотели крепиться на его шкурку. Заплакал Тигренок от обиды, но тут наступила ночь, и он решил лечь спать. Улегся под сгоревшее дерево и уснул. А когда утром открыл глаза, потянулся и стал умываться, то увидел на своей лапке маленькие полоски. Посмотрел на хвостик – и там были черные полоски, и на спинке, и на задних лапках! Как Тигренок обрадовался, стал бегать, прыгать! Увидели звери, как радуется Тигренок, подошли к нему и предложили свою дружбу. С тех пор Тигренок дружит со всеми зверями леса.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО
КУЛЬТУРЫ

Время. Тропы. Родники

Владимир Хрустов. Белые пути севера. Центральная часть триптиха. 110 x 130

Людмила КОЗЛОВА

В первую декаду последнего летнего месяца, а именно 9 августа, прогрессивное сообщество отмечает Международный день коренных народов мира. Новая выставка Дальневосточного художественного музея в определенном смысле имеет прямое отношение к этой важной дате. Она адресована в первую очередь тем, кто серьезно интересуется культурой региона и ценит его изобразительное искусство, черпающее во многом свои идеи и образы из глубинных источников традиционного искусства коренных народов Дальнего Востока.

Владимир Хрустов. Белые пути севера. Левая часть триптиха. 110 x 80

Речь идет об оригинальном музейном проекте – выставке «Время. Тропы. Родники», представляющей творчество наших известных земляков, заслуженных художников Российской Федерации – мастера декоративно-прикладного искусства Николая Сергеевича Акишкина и живописца Владимира Павловича Хрустова. Оба автора хорошо известны широкому кругу зрителей. Почерк каждого художника узнаваем в общей картине дальневосточного искусства. Организация музеем совместного выставочного проекта именно в эти дни дважды не случайна. Для каждого из его авторов 2019 год стал юбилейным: только что отметил свое 65-летие Владимир Хрустов, и в канун 70-летия Николая Акишкина в залах музея развернута экспозиция его работ в рамках совместного выставочного проекта.

Но на этот раз и художники, и куратор выставки отказались от традиционной для таких случаев ретроспективы в пользу «временного среза» и своеобразной панорамы творческого процесса во всем многообразии индивидуального авторского видения каждым художником общих проблем искусства сегодняшних дней. Идея в том, чтобы представить творческие работы художников в свободной форме, близкой по духу к реалиям современного мира, нежели подчеркнуть лишь историко-библиографическую составляющую творческого пути каждого из авторов.

Название выставки достаточно емкое. Оно отражает и перипетии человеческих судеб хабаровских художников, и многие годы, прожитые ими в лоне творчества, и те тропы, вполне реальные, по которым им довелось ходить в дальневосточных лесах, и символические пути-дороги, ведущие к обретению собственного я в искусстве. И, конечно, родники – те живительные источники, питающие дух и мироощущение каждого из них, коими являются радостное приятие жизни, поддержка друзей, близких, семьи, любовь к земле своих предков, на которой живут оба мастера.

Николай Акишкин – художник-прикладник. Для Владимира Хрустова живопись является той выразительной формой, которая наилучшим образом соответствует его темпераменту. Тем не менее, несмотря на всю несхожесть внешних качеств, характеров, способов выражения эмоций, направлений творчества авторов, в рамках выставки это своеобразный

Николай Акишкин.
Шаман. Камлание. 2013.
Кость, кожа рыбы, дерево,
шитье.
165 x 121 x 12 см.
ДВХМ

Николай Акишкин.
Атрибуты
шамана – 1. Камлание.
2013.
Череп медведя, кость,
кожа рыбы, дерево, шитье.
49,8 x 25,0 x 8 см.
ДВХМ

Николай Акишкин. Атрибуты шамана – 2. Камлание. 2013.
Череп медведя, кость, кожа рыбы, дерево, шитье.
46,8 x 38,0 x 5,5 см.
ДВХМ

Николай Акишкин.
Атрибуты шамана – 3.
Камлание. 2013.
Череп медведя, кость,
кожа рыбы, дерево,
шитье.
49,8 x 25,0 x 8 см.
ДВХМ

дуэт. Звучание в два голоса. И от этого выставка только обретает силу. Так как сплоченная пара талантливых людей – всегда дополнительная энергия. Это не противостояние двух видов искусств, не соревнование в креативе, а спокойный мудрый диалог двух художников, прошедших большую дорогу жизни, имеющих собственный опыт, взгляд и мироощущение.

Мотивы древнего искусства, особенности жизни коренных народов, связь «детей Амура» с природой воплощаются в многочисленных декоративных панно и композициях из природных материалов Николая Акишкина. В них ясно выражена актуальная тенденция тяготения современного прикладного искусства к станковизму. И если в этих станковых работах автор обращается к ремесленным традициям и мотивам этнического творчества, то в малой пластике ясно виден его интерес к религиозным верованиям древних жителей Приамурья, к основам их мировоззрения.

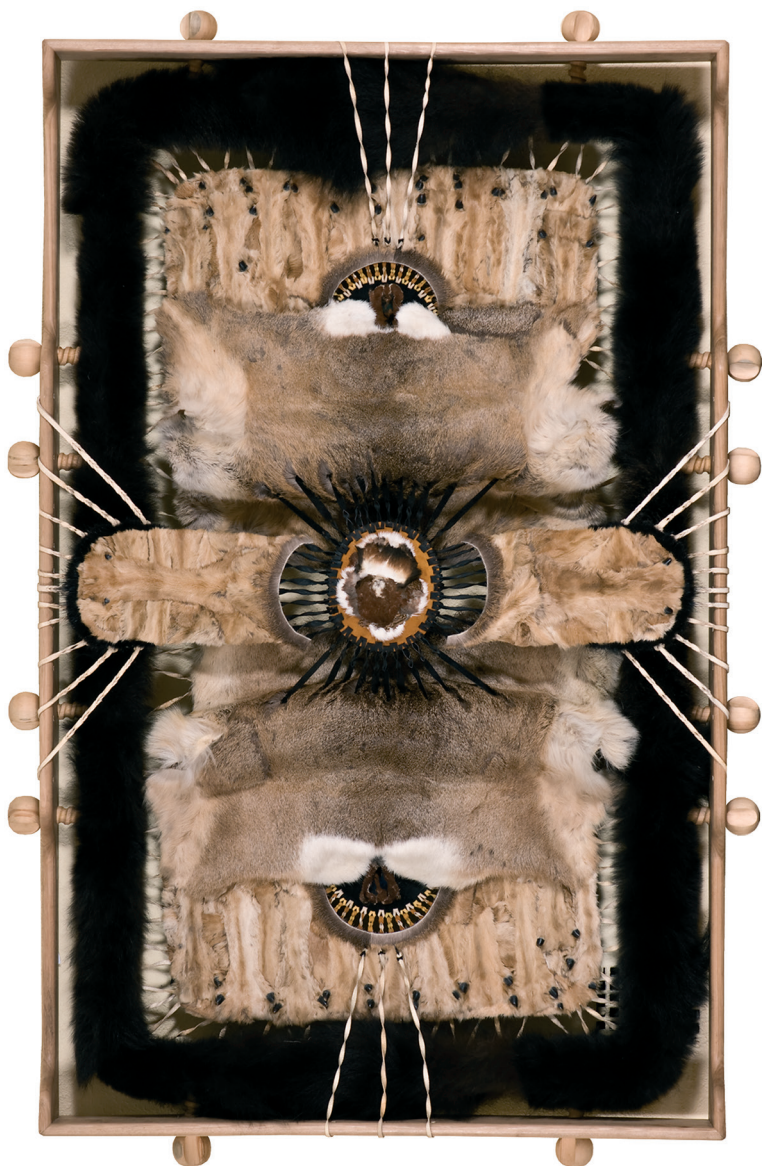
В экспозиции оба этих направления творчества представлены серией меховых панно и малой пластикой, как правило, интерпретацией сэвэнов – оберегов семейного очага и покровителей охотников. С большим уважением к народным традициям художник рассказывает своими работами о культе шамана, помогая зрителям увидеть и осмыслить высоко развитый политеизм шаманизма. В произведениях Николая Акишкина, выполненных в разные годы, хорошо виден непреходящий интерес художника к жизни коренных народов Приамурья, к их мифологии и обрядовой культуре.

С Владимиром Хрустовым дальневосточные зрители знакомы давно, всегда получая от встреч с его искусством заряд позитива – «витамин радости». Художник никогда не обманывает ожидания своих зрителей. Вне всякого сомнения, живописные холсты Хрустова – это смесь мастерского исполнения, безупречности и точности в описании увиденного. Использование цвета и света оживляет яркие образы персонажей, предметов, ландшафтов, запечатленных на его картинах. Звучные и насыщенные краски придают работам Хрустова особую выразительность и прелесть. Природа дальневосточных и забайкальских мест давно стала постоянной темой его живописи. Особое освещение, характерное для наших широт как летом, так и зимой, призы-

Владимир Хрустов.
Безал-олень.
Холст, масло.
110 x 130

Владимир Хрустов.
Бойза-зайчонок,
незаконнорожденное
дитя.
Холст, масло.
90 x 130

Николай Акишкин. Легенда о трех солнцах. Панно. 2008.
Мех, кожа. 200 x 125

Николай Акишкин. Меховой ковер «Тажный». Мех, кожа. 80 x 110

вает художника пробовать новые методы работы, в которых краски могут звучать свободно.

И все же на этой выставке зрители могут видеть много Владимира Хрустова – в его новой ипостаси художника-летописца. Впервые так широко и последовательно художник обращается к жанру картины в так называемой «тунгусской серии». В этом направлении художник работает относительно недавно – с 2017 года. Но свой интерес к жизни эвенков, одного из древнейших народов мира с самобытной культурой и промыслами, он выразил уже в 22 холстах.

История, традиции, повседневная жизнь и современные проблемы, которые приходится решать коренным народам Сибири и Дальнего Востока – стержневая ось серии Владимира Хрустова. Уроженец Забайкалья, он хорошо знает историю и жизненные проблемы этих мест. Глубокое знание особенностей национальной жизни и быта коренных народов помогает ему и сегодня продолжать работу над картинами-рассказами. Особый национальный окрас – и смысловой и цветовой – важное свойство всей серии работ, герои которой одеты в традиционные одежды, погружены в традиционные занятия. Бесстрашные в борьбе с природными стихиями, они беспомощны перед напором цивилизации. Несмотря на явную историчность повествования, обозначенную Хрустовым, его живописным полотнам одновременно присуща и притчевая нота, и многочисленные намеки на неразрывную связь прошлого и настоящего. «Тунгусская серия» пишется автором принципиально иным художественным языком, куда более условным и декоративным, чем прежде. Картины серии имеют совершенно иную эмоциональную насыщенность, подобную тому, что можно обнаружить для себя в классической живописи Восточной Азии, с ее бережным отношением к пустоте как к форме и стремлением к линейной выразительности; в той живописи, где мерой всех вещей является не человек, а природа, прекрасная и бесконечная. Монохромная колористическая гамма, композиционный строй с открытым белым пространством придают документальность и историзм «тунгусской серии» Владимира Хрустова.

В целом этой выставке свойственна особая эстетика. Вся экспозиция объединена теплой цветовой гаммой. Во всех ра-

Владимир
Хрустов. Далекий
поход маленького
народа.
Холст, масло. 90
x 130

Владимир Хрустов.
В гости к бабушке.
Холст, масло.
90 x 130

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Владимир Хрустов. Ритмы Севера. Холст, масло. 110 x 130

ботах, пронизанных национальным колоритом, живые намеки на связь с историей и культурой народов Приамурья. Каждый из авторов по-своему исследует предметный мир коренных жителей востока России. И в декоративных панно, и в живописных сюжетных композициях каждый художник своими способами фиксирует фактуру персонажей, природные артефакты, уникальные особенности материалов и красоту декора национальных предметов быта, обозначая их связь с историей дальневосточной земли.

Современное искусство – это искусство неравнодушных людей. В содержании выставки «Время. Тропы. Родники» высвечена актуальность проблемы отношения современного художника к окружающей среде, культурной преемственности, сохранения живых родников народного искусства.

Владимир Хрустов. Алхалалай. Холст, масло. 110 x 130

Сила камня

Ольга АПОЛЛОНОВА

Заслуженному художнику Хабаровского края, заслуженному ювелиру Мемориального фонда Карла Фаберже, лауреату премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства Николаю Новикову в этом году исполнилось 60 лет. Он родился не на Дальнем Востоке, но за два года службы в армии влюбился в этот край всей душой. Здесь впервые ощутил притягательность и красоту самоцветов.

Брошь «Дорога к храму». Серебро, агат, гранат, золочение

Настенное панно «Дерево жизни». Бронза, малахит, чароит, лазурит, бирюза, яшма

В поисках

В Хабаровске в галерее им. А.М. Федотова состоялась краевая выставка членов Хабаровского регионального отделения Союза художников России. Николай Новиков состоит в нем с 1997 года и каждый год удивляет ценителей ювелирного искусства своим умением раскрыть полную силу и красоту камня – обрести ему образ, да так, чтобы самоцвет не погас. По его словам, очень важно показать камень с выгодной стороны. Некоторые сами подсказывают свой образ, другие годами «молчат» и ждут воплощения.

Имея за плечами большой творческий опыт, Новиков между тем уверен: у него все еще впереди. Так же как и главное произведение всей жизни.

– Столько еще удивительного вокруг! Столько нераскрытых камней, и каждый – произведение сам по себе! – восклицает мастер. – Камней, как отпечатков пальцев человека, одинаковых не бывает, и повторить одно и то же изделие невозможно.

Из новых работ на выставке Новиков представил необычное кольцо для невесты, в котором нежные цветы из белого металла с вкрапленными жемчужинами обрамляют голубой халцедон.

– Мы привыкли, что украшения невесты должны быть воздушными, нежными, подчеркивающими чистоту и женственность, а тут вдруг большой голубой камень. Но он нисколько не отяжелит образ невесты, к нему только следует повнимательней присмотреться. Халцедон здесь полностью прозрачный, да еще и с переливом. На коже его цвет будет почти незаметен, – утверждает Новиков.

Серьги. Малахит, лазурит, серебро

Колье для невесты. Халцедон, жемчуг, серебро

Панагия с мощевиком. Серебро, аметисты, жемчуг, золочение

Непривычно смотрятся и асимметричные серьги. В одной лазурит размещен сверху, в другой – снизу. Что это – намеренное решение или случайность?

– Я изначально задумал такую асимметрию. Ведь уши у нас разные, почему бы и серьгам не отличаться друг от друга? – улыбается ювелир. – В целом же, если надеть их, серьги смотрятся вполне гармонично и дополняют друг друга. Малахит остается в центре, а лазуриты его обрамляют сверху и снизу.

Экспериментирует и удивляет своими находками хабаровский мастер металла и камня постоянно. Считает, что настоящий художник не должен стоять на месте. Поэтому Николай Александрович в постоянном поиске силы природной формы, фактуры, цвета. Вот и сейчас он осваивает новую для себя технику – настенные панно с применением бронзового литья в сочетании с камнями. Признается, что иногда образы изделий ему приходят во сне.

Будучи уже опытным ювелиром, Новиков занялся храмовым искусством. Любую работу для храма – нимбы, панагии, оклады – выполняет с особым трепетом и настроением, соблюдая каноны. Здесь каждое движение имеет смысл и не терпит суеты.

Главное – творчество

Впервые свои работы Николай Новиков представил на суд зрителя в 1981 году. С тех пор почти ежегодно участвует в городских, краевых, региональных, всероссийских и международных выставках. Однако было время, когда он забросил это. Когда не творил, а вырабатывал план.

– Восемь лет я занимался коммерцией, когда мы с другом организовали частную фирму. Но это дело мне не пришлось по душе, и я от него отказался, ведь подобная работа совсем не творческая. Творчество для меня, когда я свободен в выборе, когда есть время воплотить многочисленные идеи независимо от заказчиков, от плана. А тогда мне приходилось делать изделия партиями для массового потребления, – говорит Новиков.

Именно от такой рутины Николай, можно сказать, сбежал когда-то в Хабаровск. Судьбой ему была уготована работа на ювелирном заводе.

– Родился я в 30 километрах от Костромы. В небольшом поселке Красное-на-Волге. Село это уникальное – с XVI века его жители занимаются ювелирным делом. Началось все с заказов для императорского двора, в том числе культовых вещей, продолжилось в СССР (Красное можно считать центром ювелирного искусства всего Советского Союза, здесь в ту пору находились четыре очень крупных ювелирных завода) и остается значимым для страны до сих пор, – рассказывает Новиков. – После ювелирного училища, где готовили мастеров для заводов всей страны, служил срочную в Хабаровске при штабе ДВО, и у меня было право по вечерам посещать камнерезную мастерскую народных художественных промыслов, которая в то время размещалась по улице Запарина. Здесь я наблюдал, как Геннадий Павлишин делает мозаичное панно «Поэма о Приамурье» из драгоценных и полудрагоценных камней, которое позже стали называть нетленным памятником Хабаровского края. Из-за камней я остался на Дальнем Востоке навсегда...

В мастерской Павлишина Николай впервые увидел, как следует обрабатывать природный материал и превращать

его в производство искусства. Ведь до армии, постигая профессию ювелира в родном поселке, с камнями почти не работал. Зато опыт обработки металла подсказал ему идею обрамления дальневосточных самоцветов, и спустя годы мастер остался верен своему убеждению: подобное сочетание идеальное и безупречное.

– Семья у меня была все-таки творческая, и мне ничего не оставалось, как стать не ремесленником, а художником-ювелиром. А любовь к этому делу началась с художественной школы и швенз – элементов для сережек в форме петли, которые приносила с завода для подработки мама, и мы с братом их доводили до ума. Погружение в творчество началось позже. После того как я понял, что примитивная рутина не для меня.

Связь с родиной Николай не утратил. До сих пор каждый год возвращается на месяц в родные пенаты подпитаться энергией предков-ювелиров.

– Первое время я приезжал в Красное, когда что-то щемило в груди и не давало успокоиться. Спустя лет пять окончательно почувствовал себя дальневосточником и успокоился. Какие великолепные на Дальнем Востоке агаты и сердолики! А месторождение чароита – единственное в мире в огромном масштабе. Я раньше сам ходил с геологами в экспедиции и собирал их для работы. После тайги приходит вдохновение и жажда творить. Жаль, что сейчас такие моменты выпадают нечасто.

Украшение как образ

Ювелирная работа с камнями очень сложная. Порой десятилетия уходят, чтобы придумать тому или иному образ. Любимых камней может быть много, а задача художника – преобразить каждый и вместе с камнем сделать красивее человека.

Не секрет, что женщины (а страсть к украшениям, как известно, присуща именно слабому полу) зачастую сами не догадываются, какое ювелирное изделие гармонично вписывается в их образ — характер, темперамент, стиль одежды. Не все способны раскрепоститься и позволить себе надеть, к примеру, крупные серьги с яркими камнями. Профессиональный ювелир Николай Новиков в таком случае советует не придерживаться сложившихся стереотипов. Он мастерски распознает сущность и характер дамы, создавая украшение, точно подходящее именно ей.

– Прежде чем выполнять заказ для конкретного человека, я предпочитаю с ним познакомиться лично: узнать вкусы, предпочтения. Тогда у меня складывается образ будущего украшения, и бывает, что он расходится с желанием заказчика. В таких случаях я пытаюсь убедить, что именно такой камень и стиль его обрамления будет к лицу и к характеру, – делится Николай Новиков. – К примеру, большие по размеру ожерелья или кулоны, беря на себя внимание, могут визуально отвлечь от недостатков фигуры. Да и одежду, я считаю, нужно приобретать именно к украшениям, а не наоборот. Ведь творчески выполненное изделие настраивает человека на определенную волну.

А еще художник-ювелир Николай Новиков признается, что не любит бриллианты и всевозможные синтетические камни. Они, безусловно, блестят и переливаются как настоящие, но жизни в них нет.

Настенное панно «Ирисы». Чароит, нейзильбер

Подвеска. Серебро, турмалин, кварц с рутилом, агат

Сергей Андреевич ТОЛМАЧЕВ родился в 1960 г. в с. Тургень Алма-Атинской области. Окончил художественно-графическое отделение Благовещенского педагогического училища № 2 в 1979 г., в 1979–1984 гг. учился в Хабаровском государственном педагогическом институте на художественно-графическом факультете. С 1984 по 1999 г. работал учителем изо, мировой художественной культуры и черчения в средней школе № 18 п. Приамурского (ЕАО). В 1999 г. исполнял обязанности главы администрации поселения. С 2000 по 2013 г. работал конструктором-дизайнером в хабаровской компании «АКВАНОМ». С 2014 г. преподает черчение и технологию в хабаровской школе № 80.

В течение многих лет С.А. Толмачев участвует в выставках различного уровня, в том числе в многочисленных зарубежных, осуществил восемь персональных выставочных проектов. В 2010 г. стал членом Союза художников России, а в 2018 г. членом РОО Союза художников народного искусства и почетным членом Академии народного искусства.

Произведения С.А. Толмачева находятся в собрании Музея современного искусства (Биробиджан), галереи «Вернисаж» (Находка), галереи «Метаморфозы» (Комсомольск-на-Амуре), в Башкирском музее современного искусства (Уфа), Музее истории города Хабаровска (Хабаровск).

Педагогическая и творческая деятельность С.А. Толмачева отмечена многими наградами: 1994 – лауреат конкурса «Учитель года России» (Москва, 1994); 1995 – диплом о присуждении премии Президента РФ как лауреату конкурса «Учитель года России» (Москва, 1995); 2010 – благодарность министерства культуры ЕАО за вклад в развитие изобразительного искусства в Еврейской автономной области (Биробиджан); 2012 – диплом Союза художников России «За успехи в творчестве и содействие развитию изобразительного искусства России» (Москва); 2016 – благодарность министерства культуры Хабаровского края за вклад в развитие культуры и искусства края; 2018 – благодарность регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств (Красноярск); 2018 – лауреат премии губернатора Хабаровского края в номинации «Изобразительное искусство» за серию офортов «Хабаровские миражи»; 2020 – почетная грамота министерства культуры Хабаровского края «За большой личный вклад в развитие изобразительного искусства Хабаровска».

Президент России Б.Н. Ельцин вручает С.А. Толмачеву диплом о присуждении премии лауреата конкурса «Учитель года России». Москва, Кремль. 30 января 1995 г.

На контрасте

Виктория ШИШКИНА

Этот небольшой очерк посвящен интересному человеку Сергею Андреевичу Толмачеву – учителю и мастеру графики. В его произведениях ощутим уверенный голос зрелого художника, сумевшего рассказать свою историю о Хабаровске и нашем крае.

Для освоения творческих профессий особенно важно, чтобы рядом с учеником стояли опытные учителя. Много лет назад такие увлеченные и любящие свое дело люди помогли Сергею Толмачеву, когда он был еще подростком, определиться с творческим выбором, вызвали интерес к освоению станковой графики. В детской студии Биробиджана замечательный педагог Д.Г. Алексейцев обучил его технике создания линогравюры. С большой теплотой С. Толмачев вспоминает педагога из Благовещенского училища № 2 члена Союза художников

России Ю.М. Гофмана. Юлий Маркович, выпускник хабаровского худграфа, творчески одаренный и наделенный ярким интеллектом, создал в училище графическую мастерскую. Здесь под руководством Гофмана Сергей Толмачев много экспериментировал и начал осваивать технику офорта.

Как это часто бывает, годы обучения в Благовещенске, а затем на хабаровском худграфе, отмечены беззаботными пленэрами, переживаниями перед просмотрами и обсуждениями творческих работ, бесшабашной стихией молодости. В студенческих капустниках и в самодеятельности Сергей всегда пел, играл на гитаре. Впрочем, стихи и песни он пишет и сейчас. На худграф Сергей пришел не только с гитарой, но и с основательной подготовкой. Растить дальше в профессиональном плане ему помогли Д.А. Романюк и Е.И. Вольгушев.

Сергей Толмачев — пример не так уж часто встречающегося успешного профессионального дуализма. Он состоялся и как увлеченный своим делом педагог, и как ху-

Тымлат, пирамиды. 1990. 28 x 40 см, смешанная техника

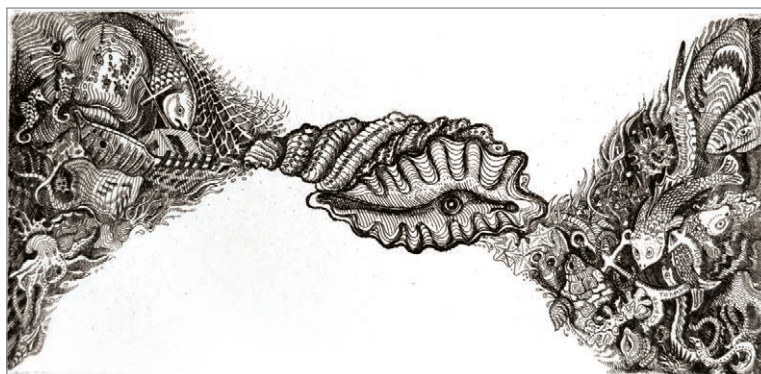
Старый рыбак. 1990. 28 x 40, смешанная техника

дожник-график. Для него очень важно погружение в натуральный материал, но и авторская фантазия играет при этом особую роль. Само место, где он рисует, в каждом случае требует поиска особенных средств, приемов художественного выражения и техники исполнения. Это очень важно для Толмачева, так он передает авторский взгляд на избранный мотив. В 1990 году на севере Камчатки родились графические листы «Тымлат, пирамиды» и «Старый рыбак». На-

Ракушкина сказка. 2010. 12 x 25 см. Офорт

Волна. 2010. 12 x 25 см. Офорт

*По следу. 2012.
50 x 40, линогравюра*

пряженные оттенки черного цвета, взятые с размытием контуров, в сочетании с тонкой проработкой пером, создают атмосферу притягательного места – сурового царства воды, порывистого ветра и камня.

*Портрет брата.
2015 29 x 38, офорт,
акватинта*

На полном контрасте художник решает серию офортов «Вьетнамские мысли» (2010). Композиции «Ракушкина сказка» и

«Волна» навеяны фантазией художника, хотя в основе связаны с реальными впечатлениями. Композиция листа «Ракушкина сказка» напоминает опрокинутые песочные часы. Раковина – зримое воплощение первозданного и вечного шума океана. Диковинные большие и малые обитатели глубин – многочисленные подводные свидетели морских трагедий, стали хранителями тех сокровищ, что навсегда попали в их стихию. В этой же стилистике решен офорт «Волна». Он невелик по размеру, но его композиционное решение дает ощущение не только воздушного пространства, но и безмерности моря.

Образ дальневосточной природы стала ведущей темой в творчестве большинства художников. Это особый мир, не просто окружающий наш замечательный город, но в значительной мере определяющий личностный мир каждого хабаровчанина. Сергей Толмачев, работая в технике линогравюры и искусно владея резцом, может показать непролазные таежные дебри («По следу», 2012), раскрыть красоту леса, наполненного лесными обитателями. В композиции «Утро» (2012) не сразу можно заметить, как насыщена потаенной жизнью тайга. Очертания животных органично вписываются в лесную чащобу. Они лишь угадываются, но, замеченные зрителем, побуждают к более внимательному рассматриванию листа. Тогда ветви деревьев прорастают тонкими силуэтами птиц, а в блестящей речной ряби становятся заметны плавники рыб. С. Толмачев, используя возможности контраста черно-белой линогравюры и разрежая штрихи, убедительно передает состояние различного времени суток («День», 2012; «Вечер», 2012). Не сразу можно заметить, что темнота опускающейся на лес ночи чуть подсвечивается глазами сов, словно прорастающих из коры деревьев. Этот ненавязчивый художественный прием позволяет художнику передать состояние наступающей тишины.

Заинтересовавшая художника тема порой мощно запускает его фантазию. Примером может служить офорт «Портрет брата» (2015). О теме листа можно сказать, что она «вечная» – художник и модель. По воле творческой фантазии Сергея возникла уютная избушка на лесной опушке, у которой течет неспешная беседа и творческий процесс. Офортная игла показала невольных слушателей – мелких зверюшек и птиц, уютно расположившихся среди корней деревьев, сплетенных трав и папорот-

Утро. 2012. 35 x 50, линогравюра

День. 2012. 35 x 50, линогравюра

*Вечер. 2012.
35 x 50, линогравюра*

*Герои. 2018.
35 x 50.
Серия «Хабаровские
миражи».
Офорт,
принтография*

ников. Сергей Андреевич явно подчеркивает сходство со своим старшим братом Андреем. Состояние умиротворения, романтической сказочности и слияния родных душ образуют гармоничный союз с природой.

В истории развития искусства Хабаровского края образ нашего города всегда занимал видное место. В творчестве современных художников это, конечно, экслибрисы Н.И. Холодка и А.Е. Вольгушева, эмоциональные пейзажи В.П. Хрустова, напол-

ненные свежим ветром хабаровские мотивы А.А. Павленковича, ностальгические по настроению и точные в деталях акварели Е.М. Базилевича и другие. Сергей Андреевич также воспринимает Хабаровск как нечто дорогое и близкое сердцу. Замысел серии «Хабаровские миражи» (2018) родился и был осуществлен к 160-летию Хабаровска. Сюжетно-смысловая последовательность объединяет четыре композиции, выполненные в технике офорта. Художник, соединяя в каждом листе прошлое и настоящее, создает эффект ретроспективности мотивов. В офорте «Герои» время превращается в калейдоскоп мелькающих картинок, уводящих в прошлое. Многочисленные герои этой композиции остались в исторической памяти, но не только благодаря установленным им в городе памятникам. Среди них те, кто открывал и осваивал этот край для нас с первого камня, а также герои, чья деятельность до сих пор вызывает бурные споры. Композиция дает повод задуматься о непростой истории страны и о судьбе нашей малой родины.

Лист «Арка» сначала воспринимается как мираж. Несохранившаяся так называемая верхняя арка, построенная в честь приезда в Хабаровск цесаревича Николая Александровича Романова в 1891 году, находи-

лась на улице Алексеева (ныне ул. Шевченко). На офорте миражная, покрытая ажурной резьбой арка открывает далекую временную перспективу от прошлого к современному городу, приближая силуэт Спасо-Преображенского собора.

Интересен по своему композиционному решению нарочито симметричный лист «Цирк». Три исторических здания цирка словно нанизаны на ось. Одно из них, самое старинное, располагалось на площади Свободы (после 1925 года площадь Ленина). Долгие годы шумно парусил на ветру купол летнего цирка около рынка, который еще хорошо помнят хабаровчане. Днем отсюда доносились бравурные звуки марша, перекрывавшего шум торговых рядов, а ночью хриплое ворчание животных. Завершенность композиции придает новое здание цирка, обрамленное летящими фигурами воздушных гимнастов. Могучие, атлетические тела гиревиков «утяжеляют» основание композиции. Отчетливая симметричность придает графическому листу состояние завершенности и некоторой отстраненности, словно это старинное фото. Офорт обращает каждого из нас к истории детства, к самым незабываемым и волшебным впечатлениям от цирковых представлений.

На офорте «Храм» художник совмещает планы прошлого и настоящего Соборной площади города. Под его офортной иглой они как-то деликатно совместились, напоминая о том, что осталось лишь на музейных фотографиях. Владение техникой офорта позволило художнику передать тонкую графику архитектурного декора и легкость парящих в небе над собором голубей.

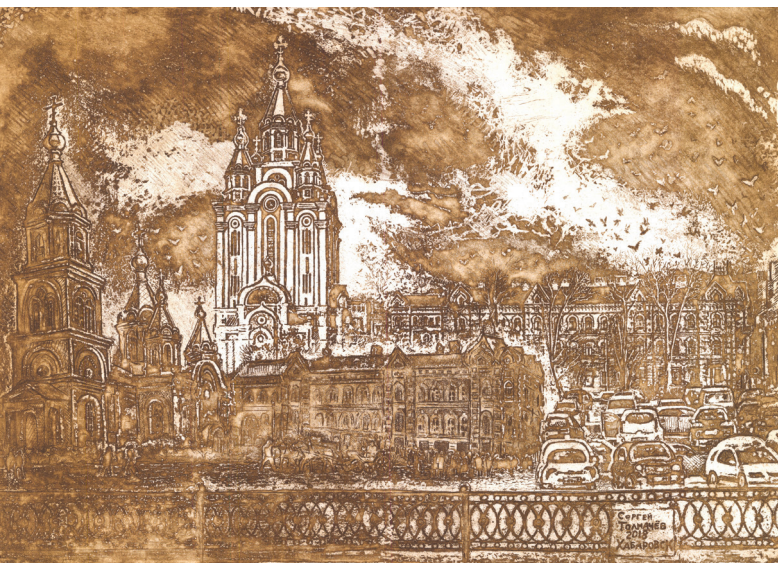
Серия «Хабаровские миражи» – это своеобразная изобразительная история нашего города. Ведь прошлое сохраняется не только в архивах, музеях, книгах и фотографиях. Дни минувшие живут благодаря творцам – в архитектуре, памятниках, мемориальных рельефах и т. д. Они свидетели героических, тревожных и мирных давно канувших в Лету дней, и в то же время эстетически зримо воплощенная творцами искусства память. Изобразительная история города, показанная Сергеем Толмачевым в серии «Хабаровские миражи», не погружает в состояние дремотного покоя. Она побуждает вспомнить далекие страницы истории, дела и судьбы простых и замечательных людей. Созданные умелой рукой офорты настраивают на размышление о современности и наводят фокус исторической перспективы города.

Арка. 2018. 35 x 50. Серия «Хабаровские миражи». Офорт, принтография

Цирк. 2018. 35 x 50. Серия «Хабаровские миражи». Офорт, принтография

Храм. 2018. 35 x 50. Серия «Хабаровские миражи». Офорт, принтография

Музыка нас связала

К 85-летию Хабаровского колледжа искусств

Марина ДУБИНИНА

Хабаровский краевой колледж искусств (ХККИ) – одно из старейших учебных заведений на Дальнем Востоке. Его открыли в 1935 году на основании приказа крайоно «Об открытии Хабаровского музыкально-театрального техникума». На протяжении многих лет менялось название – музыкальное училище, училище искусств и, наконец, в 1990-е годы колледж искусств.

Первым директором Хабаровского музыкально-театрального техникума стал Николай Мартынович Кооль, уроженец Эстонии. Именно он написал текст известной песни времен Гражданской войны «Там вдали, за рекой». В Хабаровске Кооль был одним из самых образованных людей своего времени: окончил совпартшколу, учился на заочном отделении МГУ, в Института красной профессуры, в МГПИ имени Ленина. У этого человека богатая биография. В 16 лет он поступил на службу в Красную Армию (Отдельный Эстонский дивизион 13-й армии), был одним из организаторов комсомола в Белгороде и Курске, прошел две войны – Гражданскую и Великую Отечествен-

ную, был ранен в боях и демобилизован. Служил в РККА, ОГПУ, затем редактором научного отдела Государственного издательства РСФСР. В 1924 году Николай Кооль написал свою самую известную песню.

Сам Николай Мартынович об этом вспоминал так: «Меня всегда тянуло к искусству. Я с интересом бывал на творческих вечерах пролетарских писателей, поэтов и очень хотел, чтобы счастье поскорее пришло в дом каждого человека Труда и Земли. Однажды командир полка и комиссар создали комсомольское собрание и стали стыдить нас за то, что в строю поем песни старой царской армии. Помню, как мы оправдывались, что новых строевых песен нет. На том со-

Николай Мартынович Кооль – первый директор Хабаровского музыкально-театрального техникума

брании я набрался смелости сказать, что у меня есть песня, которую я сам сочинил. Заставили принести и прочесть. Слова свои, а мотив я частично позаимствовал из напевов, которые мне довелось слышать в Курске от старых политических каторжан. Песня понравилась, и командир полка приказал сегодня же разучить ее».

В 1931 году Кооля призвали по мобилизации ЦК в Дальневосточную армию, где он служил политруком эскадрона 9-й Кавдивизии, начальником военно-ветеринарной службы. Преподавал, был избран в Хабаровский горсовет депутатов трудящихся. Вполне логично, что его, человека образованного, целеустремленного и бескомпромиссного, назначили директором только что открывшегося музыкально-театрального техникума. Позднее Н. Кооля коснулась волна сталинских репрессий: в 1937 году по чьему-то навету его исключили из партии и уволили. Когда началась Великая Отечественная война, он ушел на фронт, участвовал в боях под Москвой, Великими Луками, Нарвой, освобождал При-

балтику, был награжден медалями. После демобилизации в Хабаровск Кооль не вернулся. Преподавал русский язык и литературу во Всесоюзном заочном техникуме Министерства финансов. Выйдя на пенсию, работал рецензентом эстонской литературы в издательстве «Советский писатель».

Первый выпуск музыкально-театрального техникума состоялся в 1939 году. Началась война, и учебное заведение закрыли до 1947 года. В первые послевоенные годы остро ощущалась нехватка кадров, так как многие музыканты ушли воевать и погибли. Как рассказывал бывший директор ДМШ № 1 В.Н. Палеха, вернувшись с фронта, он хотел восстановиться в училище, продолжить учебу, прерванную войной. Но ему предложили стать преподавателем. Заканчивал учебу уже позднее, продолжая учиться, как говорится, без отрыва от производства. И таких случаев немало.

Настоящий расцвет в жизни музыкального училища наступил в 1950–60-е годы. Сюда приезжали выпускники крупнейших консерваторий страны – Московской, Ленинградской, Одесской. В разное время здесь преподавали известные в Хабаровске музыканты, дирижеры Дальневосточного симфонического оркестра В. Тиц, Б. Бабенко, Ю. Николаевский, пианист, солист Хабаровской краевой филармонии В. Соболевский. В числе педагогов были известные на Дальнем Востоке композиторы Ю. Владимиров и Б. Напреев, пианист и композитор, выпускник Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, занимавший одно время должность директора училища П. Мирский.

Я поступила в училище, когда оно уже имело высокий статус, традиции, и сразу окунулась в его концертную и общественную жизнь. На фортепианном отделении в то время сложился крепкий костяк преподавателей – Геннадий Васильевич Никоненко, Юрий Михайлович Тихоненко, Мелита Феликсовна Шальтис, Людмила Иосифовна Мисюль, Жанна Александровна Корецкая, Светлана Ивановна Иванова, Татьяна Николаевна Иванова, Лариса

Хабаровское музыкальное училище. Валентина Пономарева, слева Григорий Иванов, в будущем директор Хабаровского музучилища, справа Эдуард Шелепов, певец. 1958. Фото Валерия Яковлева

Дальневосточные композиторы. Слева направо: Б.Д. Напреев, Ю.Я. Владимиров, Н.Н. Менцер. 1960-е. Фото Валерия Яковлева

Хормейстеры Хабаровска, слева направо: И. Сарапульцева, Л. Гладкая, А. Новиков, О. Герасименко, Т. Коваленко, Л. Русанова. 2007

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Русский оркестр народных инструментов Хабаровской краевой филармонии. Художественный руководитель, дирижер – лауреат международных конкурсов Ася Фурта. Фото из архива ОРНИ

Хабаровский краевой колледж искусств. Вечер виолончельной музыки. 2015

Анатольевна Токарева и другие. До 1970-х годов студенты обучались только классической музыке, а с середины семидесятых училище начало расширяться, открывались новые отделения, увеличивались наборы.

Здание музыкального училища на улице Волочаевской, 162 сейчас считается памятником архитектуры 1930-х годов, но длительное время числилось долгостроем. Еще до войны здесь начали возводить больницу силами заключенных внутренней тюрьмы ОГПУ, а достраивали уже после войны японские военнопленные. Только в 1950-е годы благодаря ходатайству директора училища В.Т. Никифорова здание передали культуре.

Концертный зал училища был одной из концертных площадок филармонии наряду с залом ОДОСА. Здесь выступали известные пианисты, скрипачи, певцы, исполнители на народных инструментах. В зале прекрасная акустика, и приезжие знаменитости с удовольствием проводили здесь бесплатные концерты, творческие встречи с педагогами и студентами. Я хорошо помню частые посещения нашего города известной пианисткой, профессором Московской консерватории В. Горностаевой. Она выступала с симфоническим оркестром, давала сольные концерты в филармонии и в училище, проводила мастер-классы с учениками музыкальных школ и на телевидении. Мне довелось услышать на сцене училища пианистов М. Воскресенского, Л. Брумберга, скрипача В. Спивакова. Впервые на концертной эстраде услышала произведение для балалайки в превосходном исполнении балалаечника-виртуоза М. Рожкова. Поразили творческие встречи с выдающимися дирижерами Стасевичем и Шостаковичем (сыном прославленного композитора).

Благодаря таким встречам хабаровские студенты многое познавали и были увлечены исполнительством вплоть до одержимости. Чтобы добиться хотя бы малой толики того, чего добились мастера, мы подчас просиживали за инструментом до глубокой ночи. И с раннего утра училище уже гудело от разно-

голосого звучания самых разнообразных инструментов, а редкие в этот час прохожие удивленно оглядывались, проходя мимо странного «самозвучащего» здания. Рядом с училищем в деревянном особняке с садом и террасами жил первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС Алексей Клементьевич Черный. Ему тоже доводилось слышать звуки музыки, доносящиеся из нашего училища даже по ночам. Чиновник неоднократно задавал один и тот же вопрос директору Григорию Алексеевичу Иванову: что означает это явление и почему бы не дать отдохнуть первому секретарю хотя бы ночью? А означало это, что во время экзаменов преподаватели не запрещали ночные бдения. А что делать: народу много, а классов и инструментов мало.

Хабаровское училище искусств было центром притяжения интересных людей города, приезжих деятелей культуры. Помню, как бывал у нас Д.Э. Бауман. Он работал учителем биологии в средней школе № 34, дружил с композитором Д.Б. Кабалевским, долгие годы переписывался с ним. У себя в школе Бауман создал «Симфоническое общество» – кружок любителей классической музыки.

Знаковым событием в жизни Хабаровска стал визит министра культуры СССР Е.А. Фурцевой в 1973 году. Придя в Хабаровское музыкальное училище, Фурцева в первую очередь осмотрела учебные классы, коридоры и другие места. Конечно, к ее приезду все вымыли и вычистили. Потом министр культуры СССР посетила репетицию оркестра народных инструментов училища под руководством преподавателя училища, тогда еще молодого Б.К. Ушакова. И, судя по всему, осталась довольна.

В 1970-е сфера музыкальных специальностей в училище стала разнообразней. Специалисты требовались по всей стране, в том числе в северные районы и приравненные к ним, поэтому в 1970–80-х годах здесь существовало отделение народов Севера. В 1977 году открыли эстрадное отделение, а в 1983-м – отделение декоративно-прикладного искусства и живописи.

А театральное отделение, существовавшее в училище до 1970 года, наоборот, закрыли, поскольку в это время уже был открыт институт культуры, где имелось режиссерско-театральное отделение и отделение режиссуры массовых представлений. Кроме того, режиссерско-театральный факультет был и в Дальневосточном педагогическом институте искусств во Владивостоке.

В училище в те годы существовало научное общество учащихся – сокращенно НОУ. Сюда нередко заглядывал А.А. Никитин, в то время преподававший здесь. Сегодня Алексей Алексеевич – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор Хабаровского института культуры, директор эстетического центра в Хабаровске. Автор многих музыкально-теоретических научных работ, из которых мне особенно нравится работа «Пять видов музыкальной энергетики». А в те далекие годы он помогал студентам разбираться в особенностях той или иной музыки, прививал вкус, опыт восприятия.

Любимой площадкой для выступлений хабаровских исполнителей и музыковедов стал музыкальный салон Дальневосточной государственной научной библиотеки. К сожалению, его перенесли на окраину города в маленькое помещение, не имеющее места для проведения творческих мероприятий, а в 1960–70-е годы салон находился в главном здании библиотеки, на улице Карла Маркса, 1 (ныне Муравьева-Амурского). Объявления о предстоящих концертах и лекциях привлекали многих горожан. Особенно популярны были встречи с дальневосточными композиторами. Запомнился вечер, когда студенты училища представили на суд публики собственные музыкальные сочинения. В те годы не очень приветствовались такие творческие начинания, но Александр Поздняков, Борис Рабинович и Александр Гундаров не побоялись. А подбадривал юных композиторов, поддерживал и вселял в них уверенность преподаватель училища по классу баяна Владимир Тимофеевич Солохин – классный руководитель, организа-

тор НОУ, студенческих капустников и других интересных мероприятий.

Среди преподавателей колледжа было немало людей талантливых, оказывавших заметное влияние на молодежь: заслуженные работники культуры Геннадий Васильевич Никоненко, Лариса Анатольевна Токарева, Раиса Васильевна Янкина, Виктор Арсентьевич Никиточкин – музыканты высокого класса, воспитавшие целую плеяду прекрасных пианистов, которые сейчас работают по всему миру.

Мне довелось быть концертмейстером в классах самых разных специальностей, но больше всего я работала в классе народных инструментов у преподавателя домры Раисы Васильевны Янкиной. Можно гордиться многими талантливыми студентами, с которыми мне довелось играть. Сегодня Андрей Ку克林, Татьяна Сафронова, Зульфия Султанова известные педагоги, исполнители, лауреаты конкурсов. А путевку в жизнь дала им Раиса Васильевна – человек творческий, ненавидящий рутину и формализм. Она поддерживала все мои творческие начинания – от просветительских лекций-конcertов до опытов сочинительства. И занятия в классе всегда проходили у нас интересно, привлекая внимание студентов, преподавателей и просто творческих людей. Частым гостем был музыкант, автор музыки известной песни о Хабаровске на стихи А. Федотова «Вдоль Амура белым парусом» Матвей Журавлев – Дед Матвей, как ласково называли его хабаровчане. В сомбреро, с длинной бородой, с гитарой за плечами он ходил по улицам Хабаровска и был своеобразным символом нашего города. Достаточно грамотный теоретически и подкованный в музыкальном отношении, в классе Янкиной он делал компетентные замечания, давал меткие характеристики игре учащихся и даже немного обучал их азам импровизации.

На отделении народных инструментов работает еще один педагог-энтузиаст, преподаватель по классу баяна и аккордеона, воспитавший огромное количество блестящих музыкантов, – Виктор Арсентьевич Никиточкин. Он пришел в колледж

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Завуч колледжа, кандидат искусствоведения Лариса Алексеевна Михайленко

Открытый урок Аллы Анатольевны Ленских

Студенты колледжа в Дальневосточном художественном музее на всероссийской акции «Ночь искусств»

Народный артист России А. Цыганков в колледже. Концертмейстер – М. Дубинина

Дмитрий Коган.
Колледж искусств. 2013.
Фото Валерия Яковлева

в 1964 году и трудится здесь до сих пор. Долгие годы Виктор Арсентьевич возглавлял это отделение. Именно он организовал в колледже в 2008 году встречу с народным артистом России Александром Андреевичем Цыганковым.

Как в прежние времена, концертный зал колледжа – основная площадка для городских и краевых музыкальных мероприятий. Здесь проходят конкурсы исполнительского мастерства, фестивали, концерты ведущих российских и зарубежных артистов, встречи с композиторами. Не так давно в колледже побывал Эдуард Артемьев – выдающийся композитор современности, создатель электронной музыки к фильмам Н. Михалкова, А. Кончаловского, А. Тарковского и многих других. В разное время проходили здесь и мастер-классы известных артистов, побывавших в колледже во время гастролей в Хабаровске: Елены Образцовой, Юрия Богданова, Олега Вайнштейна, Дмитрия Когана. Народный артист СССР Юрий Башмет каждый год приезжает в Хабаровск на организованный им фестиваль и обязательно приходит в колледж, устраивает прослушивание, отбирает лучших ребят для Всероссийского молодежного оркестра.

Многие преподаватели колледжа оказали на меня влияние, помогли в жизни и в творчестве. Хочется вспомнить Веронику Иосифовну Веверу, Бориса Константиновича Ушакова, Марата Моисеевича Свирщика, Нину Ивановну Узинскую, Татьяну Григорьевну Кацко, Любовь Викторовну Королеву, Петра Николаевича Ленских, Аллу Анатольевну Ленских, Сергея Петровича Кузнецова. Но больше всего мне повезло с Любовью Ивановной Ефимовой, преподавателем теоретических дисциплин, проработавшей завучем без малого двадцать лет. Сегодня здесь преподают члены Союза композиторов России Петр Ленских и музыковед Лариса Михайленко, а также известный на Дальнем Востоке композитор Валерий Сергеевич Поздняков.

Традиционно на сцене колледжа проводятся ежегодные фестивали, конкурсы, ассамблеи дальневосточной музыки. Организацией и проведением занимается завуч

колледжа, кандидат искусствоведения Лариса Алексеевна Михайленко, а прежде их проводил известный дальневосточный композитор, член Союза композиторов, заслуженный деятель искусств Николай Николаевич Менцер. Он бывал на всех мероприятиях, связанных с творчеством молодых композиторов. Среди выпускников Хабаровского колледжа есть очень известные имена – Александр Новиков и Сергей Москаев.

Николай Менцер – крупнейший дальневосточный композитор-фольклорист, представитель старшей когорты мастеров, в числе которых Владимир, Казачков, Напреев, Томбак, Угрюмов. Одно время он возглавлял Хабаровский Союз композиторов, а поскольку своего помещения у организации не было, собирались у него дома. Н.Н. Менцер прожил долгую жизнь и до конца дней сочинял музыку. Им создано огромное количество произведений: симфонии, увертюры, пьесы для симфонического оркестра, хоровые, фортепианные и вокальные произведения, песни, романсы. Он много ездил по Дальнему Востоку, собирал фольклор народов Чукотки, Камчатки, Приамурья. В конце 1960-х Менцер жил на Чукотке, стал первым руководителем и дирижером ансамбля «Эргырон». В свои сочинения крупной формы он включал фольклорные мотивы, но больше всего уделял внимание обработкам песен коренных народов Дальнего Востока, выпустив несколько сборников.

Я по-прежнему работаю в Хабаровском краевом колледже искусств. Люблю свою работу, свой класс, искренне радуюсь успехам своих коллег. И горжусь многими своими учениками, которые после окончания колледжа поступают в престижные вузы страны, достигают высот в искусстве. Проходят десятилетия, но сохраняется главная традиция колледжа искусств – готовить высококвалифицированные кадры. Среди его выпускников заслуженные и народные артисты, заслуженные работники культуры, лауреаты международных конкурсов. Большинство музыкантов Дальневосточного симфонического оркестра – выпускники нашего колледжа.

В разное время здесь учились и ведущие солисты Хабаровского музыкального театра Валентина Соловых, Валерий Хозяйчев, Татьяна Маслакова, Зоя Макашина, Игорь Желтоухов, Виталий Черятников. Лауреат Международного конкурса имени П.И. Чайковского Людмила Нам когда-то пела в Большом театре России. Народный артист России Николай Копылов служит сегодня в оперной труппе Михайловского театра в Санкт-Петербурге. Нынешний директор колледжа Игорь Эдуардович Мосин – профессор, солист краевой филармонии, талантливый пианист, тоже когда-то окончил Хабаровский колледж искусств.

Сегодняшняя жизнь колледжа по-прежнему интересная, насыщенная. Концертный хор и ансамбль «Дольче» под управлением преподавателя, лауреата премии губернатора края Ольги Викторовны Герасименко ежегодно представляют новые программы, выезжают на конкурсы, которые проводятся в Москве, Казани, Приморье, Биробиджане и нередко занимают призовые места. Творческие коллективы Ольги Герасименко принимают участие в общественной жизни города и края. В 2013 году сводный хор участвовал в гала-концерте к юбилею Хабаровска, выступив совместно со сводным оркестром фестиваля «Амурские волны» под управлением народного артиста России Валерия Халилова. В 2015 году хабаровские студенты побывали в Москве на праздновании 70-летия Великой Победы и там, тоже в составе сводного хора из разных городов России, исполнили музыку совместно с оркестром под управлением В. Халилова.

В Хабаровском колледже искусств немало ярких коллективов. Это ансамбль «Кросно» отделения сольного и хорового народного пения, духовой оркестр под управлением члена Союза композиторов Петра Ленских и заслуженного работника культуры Сергея Кузнецова, симфонический оркестр под руководством дирижера Музыкального театра Руслана Антипинского. Старейший коллектив колледжа – оркестр русских народных инстру-

ментов под руководством лауреата международных конкурсов Аси Фурты также пользуется заслуженным успехом и уважением. В 2009 году на пятом Всероссийском конкурсе оркестров и ансамблей русских народных инструментов имени Н.Н. Калинина в Санкт-Петербурге этот коллектив завоевал первое место. На его основе был создан городской оркестр народных инструментов, работающий при краевой филармонии.

Рассказ о колледже искусств будет неполным, если не упомянуть краевую детскую школу искусств, предшественником которой было отделение педагогической практики. Многие дети, окончившие эту школу, связали свою жизнь с музыкой. В колледже также действуют двухгодичные курсы переподготовки для преподавателей музыкальных школ и школ искусств или для тех, кто хочет приобрести дополнительную специальность и повысить свой педагогический потенциал.

Еще одно важное отделение в структуре колледжа искусств – «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Когда его создали, основной специализацией была художественная обработка дерева, но в 2014 году появилось новое направление – живопись. Студенты и преподаватели отделения ДПИ участвуют в международных конкурсах ледовой и снежной скульптуры, проходящих в Харбине, и часто занимают призовые места. Ледовые скульптуры, украшающие каждую зиму центральную площадь Хабаровска, тоже творения рук студентов и преподавателей колледжа искусств.

Без мастерства талант не раскроется. Именно этим и занимаются наши педагоги, взращивая и пестуя молодое поколение. Их опыт, умение работать и любовь к профессии подчас творят чудеса. Это заслуживает особого уважения и признания, потому что преподаватели сохраняют и поддерживают культуру в нашем городе, крае. И для многих из них Хабаровский краевой колледж искусств становится делом жизни.

Фото из архива Хабаровского колледжа искусств

СМЫСЛ ТОЛЬКО В СОТВОРЧЕСТВЕ

Памяти театрального художника **Андрея Непомнящего**

Светлана ФУРЦОВА

Что остается от живописца? Картины, которые можно рассматривать, обсуждать с друзьями, составлять из них экспозиции, помещать в каталоги. Про них можно забыть на время, а потом встретить на какой-нибудь ретроспективной выставке и удивиться, погрузиться, обрадоваться. Только что им, ушедшим, наши запоздалые сожаления! Одиночки, затворники при жизни, они сами себя судили, оценивали и отправляли на Голгофу.

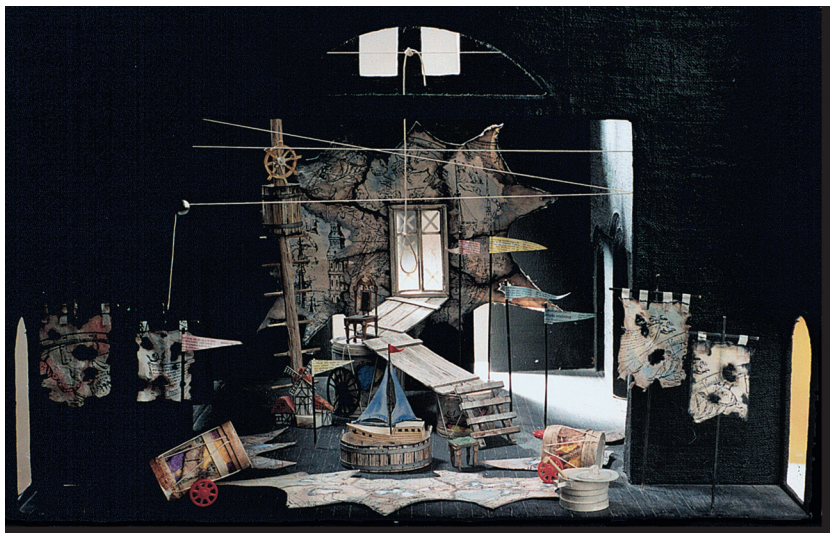
О театральных художниках, или, как их называют, сценографах, этого сказать нельзя. Ибо сколько бы сил и времени ты ни потратил на создание того или иного спектакля, если он сошел со сцены, то остается только в памяти очевидцев да на эскизах и фотографиях. Конечно, есть видеоматериалы. Но пленка – бледный слепок того, что некогда радовало и восхищало зрителей на сцене.

Одиночками их тоже не назовешь. Наоборот, театральный художник всегда в общем процессе производства и зависим от него

целиком и полностью. Потому что «...профессиональная жизнь театрального художника имеет смысл только в сотворчестве с режиссером, автором, в отлаженной работе всех цехов, за которую он отвечает», – так в одном из интервью сказал о своей профессии Андрей Непомнящий.

Исполнилось шесть лет, как он ушел из жизни – многократный лауреат премии губернатора Хабаровского края, заслуженный работник культуры РФ, номинант национальной театральной премии «Золотая

Макет сценографии к спектаклю «Театр боевых действий барона Мюнхгаузена». Хабаровский ТЮЗ. 2000

«Проснись и пой». Хабаровский краевой музыкальный театр. 2003

Маска», лауреат премии Правительства РФ. В конце прошлого года его жена Анна Шавгарова и друг и коллега по цеху Павел Оглуздин в соавторстве с техническим редактором Алексеем Мартынцом выпустили буклет, посвященный художнику.

Анна Шавгарова, руководитель литературно-драматической части Хабаровского ТЮЗа:

– Разбирая рабочие папки Андрея, рассматривая эскизы театральных программ, макеты спектаклей, зарисовки, черновики, фотографии, я подумала: почему бы из всего этого не сделать буклет? Обратилась за помощью к Павлу Оглуздину, он предложил эскиз и название: «Папка художника». Мы много обсуждали, уточняли, переделывали, искали того, кто мог бы взяться за воплощение идеи. Только в конце прошлого года буклет был готов. Мы не плани-

ровали соотносить его выпуск с годовщиной ухода Андрюши, это случайно вышло.

«Папка художника» – элегантно изданный буклет, со страниц которого, как из «священного мусора» жизни, всех этих мелочей, «пустяков», недоговоренностей, встает образ человека, который жил и работал в нашем городе. Это дань его памяти и благодарность за то, что был, встретился, помог, улыбнулся и, взмахнув на прощание рукой, исчез.

Павел Оглуздин, главный художник Хабаровского ТЮЗа.:

– Когда рассказываешь об ушедших друзьях, вспоминаются какие-то незначительные случаи, мелочи, пустяки. Так и с Андреем. Он остался в моей памяти молодым, невысоким, смешливым человеком. Всегда стильно одетый, остроумный, душа любой компании, он будто и

сейчас рядом, и мы болтаем, курим, смеемся...

Родился Андрей в Хабаровске, здесь окончил школу, мечтал, как многие мальчишки, стать моряком. Но в моряки не пустила мать. Андрей пошел заниматься в детскую театральную студию «Алый парус», где под руководством Сергея Кидина можно было стать моряком и пиратом, прекрасным принцем и гадким утенком. После школы за компанию с друзьями поступил в институт культуры на отделение театральной режиссуры. По окончании института Андрей работал в Молодежном городском театре в Амурске, который они с однокурсниками сами и создали.

Афиша Амурского городского молодежного театра – это спектакли, поставленные по пьесам Э. Радзинского («Театр времен Нерона и Сенеки»), В. Шукшина («Странные люди»), Ива Жамиака («Месье Амилкар»), Н. Некрасова («Осенняя сукка»), Л. Разумовской («Дорогая Елена Сергеевна»), В. Арро («Синее небо, а в нем облака»). А также В. Сологуба, Л. Петрушевской, В. Шекспира.

Замечательное время, молодое, полное планов, надежд, увлечений! В театре Андрей был и актером, и художником, и завпостом. То есть изучил его не по книжкам. Больше всего любил оформлять спектакли, сочиняя и создавая свои миры. При этом художественной школы у Андрея не было, до всего доходил сам. Практика, чутье, интуиция – это еще в институте началось, рассказывает Анна, он вечно что-то чертил, рисовал, конструировал.

Получив первые бесценные опыты в Амурском молодежном, который просуществовал несколько лет, Непомнящий два года проработал главным художником в старейшем драматическом театре Благовещенска.

«Не верь глазам своим» Ж.Ж. Брикера, М. Ласега, «С любовью не шутят» П. Кальдерона, «Финист – Ясный сокол» С. Прокофьевой, И. Токмаковой, «Жиды города Питера» братьев Стругацких – далеко не полный перечень спектаклей, созданных Андреем Непомнящим на сцене Амурского ордена Трудового Красного Знамени

областного театра. Затем вернулся в Хабаровск, некоторое время служил в театре драмы.

Он оформлял новогодний праздник в драме, когда тогдашний главный режиссер театра музыкальной комедии Вячеслав Добровольский предложил ему должность главного художника. Это было неожиданно. Конечно, начались сомнения – в себе, в своих силах – все-таки оперетта жанр для художника новый, непривычный. Но он согласился: интересно! Освоиться в работе ему помогла врожденная музыкальность – это от отца, прекрасного баяниста, известного в крае артиста Валерия Николаевича Непомнящего. Андрей и сам пел, играл на гитаре, фортепиано. Однако по-настоящему понять и освоить новый жанр помогла встреча с режиссером Юлием Изякиновичем Гриншпуном, с появлением которого в театре музыкальной комедии начались самые настоящие университеты для всех: актеров, цехов, оркестра. Андрей слушал, впитывал все, что говорил и делал мастер, понимая, что встретит на своем пути человека с таким музыкальным вкусом, знаниями, талантом – это настоящая удача. «Гриншпун требовал всегда одного, – вспоминал Андрей, – знаний, профессионализма. Хотел и любил удивлять зрителя. Чего стоил в «Парижской жизни» наш паровоз с тремя вагонами, который ездил по всей сцене, нырял под конструкцию Эйфелевой башни, развозил персонажей».

Работа с Юлием Гриншпуном – тот счастливый случай, когда нестандартное режиссерское решение, парадоксальный взгляд провоцировали на создание ярких образов. В результате возникали спектакли, которые запомнились не только смелыми режиссерскими изысками, но и художественным воплощением: «Любви все рыцари покорны», «Холопка», «И я была девушкой юной», «Любовь и разлука».

Андрей не переставал учиться, постоянно ездил на творческие лаборатории, принимал участие в различных семинарах, круглых столах. Его рабочие блокноты были вдоль и поперек исписаны торопливым почерком. При этом не стеснялся признаваться, если чего-то не знал, спрашивал, интересовался. Человек деликатный, ни-

Эскиз сценографии «Ночь в Венеции». Хабаровский краевой музыкальный театр. 2009

Сцена спектакля «Маленький принц». Хабаровский ТЮЗ

когда не вступал в открытые конфликты, но умел показать свою позицию, если был с чем-то не согласен.

Эта неуспокоенность, жажда самому докопаться до сути, на практике познать новое, а также присутствие ему чувство стиля, образное мышление вывели Андрея в разряд ведущих театральных художников региона.

Из авторской статьи искусствоведа Ирины Решетниковой:

«Художник одинаково чувствовал и юмор, и драматизм, восточную роскошь и европейский лоск, античную стройность мифологии и чеховскую мизантропию. В его работах просвечивала любовь к Бенуа и Сомову, конструктивизм Татлина и дробность Тышлера, он был увлечен геометрией Мейерхольда и лиризмом Шагала, чувствовал динами-

ку авангарда и прелесть классицизма, не чуждался пряности кафешантана, а некоторые его работы исполнены холодного, почти марсианского космизма... во всяком случае сценография А. Непомнящего скорее исповедь личного умунастроения, чем прагматика утилитарного оформления сцены».

Сотрудничал Непомнящий с театрами Владивостока, Южно-Сахалинска, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре, Белгорода, Новосибирска. Зачастую сотворчество с разными режиссерами выливалось в яркую форму эксперимента: «Летучая мышь» (режиссер В. Кейш, Челябинск), «Бабий бунт» (С. Таюшев, Астрахань). Обязательный, трудяга, неравнодушный, он везде был уместен, незаметен и незаменим.

Сцена спектакля «Звезда Рождества». Хабаровский краевой музыкальный театр

Эскиз сценографии «Семейные истории». Театр актёра и куклы. Благовещенск

Павел Оглудин:

– В 1990-е годы из моих коллег, что работали в нашем городе, Андрей был единственным сценографом. Я захаживал к нему в мастерскую как к старшему товарищу – за советом, поболтать. Потом мы стали друзьями, дружили семьями. Как-то Андрюха поделился, как легко он перенес сложные 1993-й и 1998-й годы. Тогда в их театре устраивались бесконечные официальные – краевые, городские – мероприятия, которые он оформлял, в том числе похороны бандитов. За это платили живые деньги. Андрей вспоминал, как он пытался помогать своим коллегам: заработанные кулечки с рисом, пшеникой, сахаром, растительное масло относил балеринам: те, случалось, падали в голодные обмороки на репетициях и спектаклях.

За двадцать лет работы в музыкальном театре было столько пережито, столько вложено всего в работу, в спектакли, что Андрей понял: это судьба, и что бы ни случилось, он не сможет отсюда уйти. Интересные встречи, смелые идеи, люди, тень Гриншпуна, витающая в кулисах...

Обычно художники редко выделяют одну свою работу, говорят, все дороги. Но встреча с известным театральным и кинорежиссером Леонидом Квинихидзе (Санкт-Петербург), снявшим множество талантливых музыкальных лент, среди которых «Соломенная шляпка», «Небесные ласточки», «31 июня», и совместная работа над созданием спектаклей «Звезда Рождества» и «Фигаро здесь» художнику были особенно дороги.

Мне довелось беседовать с Леонидом Александровичем Квинихид-

зе накануне премьеры. В кулуарах царил предпремьерное настроение, все куда-то спешили, на столе в кабинете были разложены большие белые листы с графическим изображением – эскизы Непомнящего к будущему спектаклю. Эскизы загадочные, манящие, в основе которых, как в стихах Пастернака и в музыке питерского композитора Бориса Синкина, составляющих канву спектакля, угадывались евангельские сюжеты на тему рождения и земной жизни Христа.

Леонид Александрович говорил, как он рад встрече с таким художником, как Андрей Непомнящий, понимающим, непафосным человеком, настоящим профессионалом.

В результате спектакль – сплав дивной поэзии и музыки, глубокой, непривычной для слуха зрителей вчерашнего театра музыкальной комедии, получился тоже очень личным. Одни его приняли сразу и безоговорочно, другие не приняли вовсе. Это тоже вопрос личной веры.

Невозможно перечислить все спектакли, которые за двадцать лет работы в Музыкальном театре оформил главный художник Андрей Непомнящий: «Фиалка Монмартра», «Ханума», «Прекрасная Елена», «Ночь в Венеции», «Волга-Волга», «Фигаро здесь!», «Галатее», «Щелкунчик, или Бал сказок», «В джазе только девушки». А кроме того, творческие вечера, бенефисы артистов, концерты.

Павел Оглудин:

– Как-то Андрюха позвал меня в помощники – оформлять фестиваль еврейской культуры в Биробиджане. Праздник получился. С тех пор так и повелось: каждую осень нас с ним приглашали на это мероприятие. Обычно, построив декорации и загрузив их в машину Андрея, мы уезжали на пару дней. Три часа пути – три часа разговоров, сигарет, воспоминаний. Андрей много рассказывал мне про себя, по его рассказам выходило, что все у него в жизни получалось легко и просто. Во всяком случае, он никогда не жаловался, даже о его проблемах с руководством театра, где Непомнящий служил, я узнавал не от него – от других.

А проблемы были. На первый взгляд ничего особенного не происходило. В театре так же, как всегда, готовились премьеры, приглашались режиссеры, художники, обсуждались насущные проблемы, строились планы. Только главного художника в этих планах почему-то не оказывалось, словно он внезапно стал невидимым. Вот так, без объяснений, без мотивации, просто нет его и точка. У нас это умеют.

Спасала работа в других театрах. Спасал Хабаровский ТЮЗ, где Андрей был постоянным сотворцом Константина Кучикина: «Изобретательная влюбленная», «Малыш», «Все мальчишки – дураки», «Маленький принц», «С любимыми не расставайтесь», «Сказка о золотом петушке». Как вспоминал художественный руководитель ТЮЗа Константин Николаевич Кучикин, с Андреем им довелось пережить столько всего, что было непонятно, где кончался один и начинался другой. Художник и режиссер всегда смотрели в одну сторону, вдохновенно и слаженно разыгрывали каждый свою партию в большом оркестре – спектакле. Единомышленники, соратники, друзья...

В спектакле «Валентин и Валентина» Андрей придумал образ вагона, где живут – едут ли, соскакивают, догоняют – персонажи пьесы Михаила Рощина. Вагон потряхивает, продувает насквозь ветром, проталкиваясь сквозь зябкость и жизненный неуют, вагончик упорно идет, создавая иллюзию движения, туда, где движения нет: запрещено, невозможно, тупик. Или апельсиновая феерия в «Изобретательной влюбленной» Лопе де Вега, где веселые оранжевые плоды, раскатываясь по всей сцене, с ходу вовлекали зрителей в головокружительные и лирические любовные перипетии.

В спектакле «Малыш» Мариуса Ивашквичюса посредством метафор и образов театр рассказывал зрителям о неизмеримо большем, чем о конкретном случае, описанном в пьесе. В результате вполне бытовая история получилась, как песня – легкая, вся над бытом. Спектакль, сложный в техническом плане, воспринимался на едином дыхании – светлый, гармонично выстроенный. И это уже вопрос таланта создателей. В спектакле играли даже

Сцены из спектакля «Малыш». Хабаровский ТЮЗ. Хабаровск

вода, яблоки, деревянные мостки, лодка, которую гонит ветер эпохи. Или это челн жизни? Ковчег, собравший потерпевших крушение людей, временное пристанище, в котором можно ненадолго укрыться в ненастье, но спастись нельзя. Спектакль «Малыш» в 2011 году был выдвинут на премию «Золотая Маска» в нескольких номинациях, в том числе за лучшую работу художника.

Ночной спектакль «Маленький принц» рождался в театральном дворике. Кирпичная стена дома с темным окном, которое вдруг озарялось теплым светом, звуки улицы, музыка, долетавшая из ночного ресторана, были изначально встроены в ткань спектакля. Такое соединение окружающих реалий с театральной иллюзией почему-то волновало, создавая эффект исчезновения

зрителей в ином измерении, которое, как всякое непознанное, притягательно и опасно, из него ведь можно и не вернуться.

Оформление Непомнящего, сотворенное из кусочка шелка, песка, железных конструкций, обломков фанерной декорации, напоминало бездушный пейзаж после всемирной катастрофы. Сейчас думаю: может, это обломки самолета Экзюпери? Обломки миров самого художника?

Из авторской статьи Ирины Решетниковой:

«Тревожный и красочный мир художника Андрея Непомнящего исполнен высокого драматизма и сигналил нам о том, с какой скоростью сгорал этот мастер, напоминающий своим росчерком-швом падающий метеорит в ночи».

На ступенях Вечности

Буддийское искусство в Индонезии

Татьяна ТРИШКИНА

Индонезия – четвертая в мире страна по количеству населения, на конец 2019 года более 273 миллиона человек. Первая в мире по количеству мусульман в стране. Восемь процентов христиан – католиков, протестантов и небольшие православные общины. Буддистов и индуистов по одному проценту. То есть по статистике буддистов в стране около 2 750 000 человек. Но если учесть, что многие китайцы, живущие здесь и исповедующие конфуцианство, тоже причисляются к

буддистам, получается внушительная цифра – более 8 миллионов человек. Появление и дальнейшая ассимиляция и адаптация китайцев в Индонезии – тема обширная и очень интересная, но я не буду подробно ее затрагивать, поскольку в интернете можно найти немало информации. Меня больше увлекла тема буддийского искусства в Индонезии с ранних веков и до наших дней. Расскажу о тех местах, где довелось побывать, поделюсь воспоминаниями и впечатлениями.

Ступы на трех верхних круглых ярусах Боробудура

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

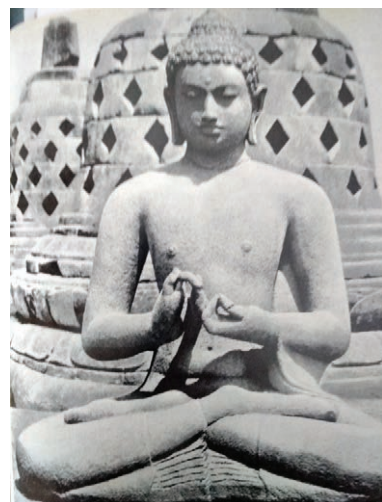
Одна из четырех лестниц, ведущих к главной ступе храма Боробудур

Царица Майя едет в парк Лумбини, где на свет появится будущий Будда Шакьямуни

Водослив в виде головы Макара в буддийском храме Боробудур

Открытая статуя Будды на круглом верхнем ярусе храма Боробудур

Около 11 часов дня, солнце практически в зените, жара. Идем по длинной широкой аллее, хотя велорикши предлагали свои услуги: «Мадам, мистер, вам далеко придется идти...» И правильно, что не согласились. Недалеко впереди два слона шествуют спокойно и величественно, на их спинах восседают погонщики. Увидев, что я навела камеру, почему-то стали подгонять царственных животных, пустив их чуть ли не бегом. Слоны здесь не напоказ, они работают, возят тяжелый груз, потому что кое-где до сих пор ведутся строительные работы. Издали слышен звук электропил, такой неуместный здесь, нарушающий гармонию чудесной долины.

Фантастическая каменная громада Боробудура приближается постепенно, вырастая над горизонтом на фоне безоблачного синего неба. Это явление тем более замечательное, что я ведь даже фотографий Боробудура не видела, знала только, что есть на Яве знаменитый на весь мир буддийский храм VIII–IX веков, который еще называют восьмым чудом света. И это совершенно справедливо: а как же еще можно назвать парящий над окрестностями ажурный каменный холм строгих величавых пропорций?

Боробудур – это буддийский храм типа архитектурного культового сооружения – ступы. Он выполнен из вулканического камня андезита темно-серого цвета. Сейчас высота Боробудура составляет 33 метра, а изначально была 42. В Боробудуре, занимающем площадь 14 165 квадратных метров, находятся 505 статуй Будды. В основании храма квадрат со стороной 123 метра. При его строительстве использовано не меньше 2 миллиона каменных блоков, общий вес которых 3,5 миллиона тонн. Вот почему Боробудур может выдержать одновременно вес 5 тысяч посетителей. Основание Боробудура покрывают 11 600 кубических метров камня, поэтому мы не можем видеть около 160 рельефов, и только лишь один фрагмент основания с юго-восточной стороны открыт после реставрационных работ в 1973–1983 годах. Четыре лестницы, ориентированные на четыре стороны света, ведут наверх, к главной ступе, венчающей Боробудур. Но так поднимаются чаще всего лишь «посвященные», ламы и верующие буддисты. Посетителям – туристам и всем, кто впервые приехал сюда, предлагают обойти Боробудур по часовой стрелке, начиная с нижних галерей-коридоров, где по стенам расположены тысячи рельефов с изображением сцен земной жизни Будды Шакьямуни. Затем мы попадаем на три верхних круглых яруса, где расположены ступы – каменные сооружения в виде колоколов с решетчатыми стенами, под каждой из них каменные будды, и лишь одна статуя полностью открыта.

Боробудур – это даже не столько храм, сколько монумент, в нем нет внутренних помещений для проживания и совершения молитв и обрядов, как это принято в других храмовых сооружениях. Существует несколько версий расшифровки этого названия: Боробудур или Барабудур – господин Будда, великий Будда, множество будд, гора собрания добродетелей десяти ступеней Бодхисаттвы. В переводе с санскрита выражение «Вихара Будда Ур» означает «буддийский храм на горе». Ар-

хитектурная структура этого древнеяванского памятника являет собой буддийскую графическую формулу Вселенной – мандалу.

Рельефы нижних галерей рассказывают о земной жизни Будды, в то время еще принца Сиддхартхи Гаутамы, далее в изображениях появляются небожители, бодхисаттвы, а верхние три яруса круглых ступеней со статуями Будды под ступами представляют Высшее Просветление. Во время нашего первого посещения Боробудура в 2004 году поразила не только красота сооружения, но и чрезвычайная сложность его конструкции, особенно нижних открытых галерей – коридоров с рельефами по обеим сторонам. Они не просто образуют в плане квадрат, а имеют множество поворотов и углов. Но зная, что главная ступа наверху храма всегда должна быть по правую руку, все-таки не сбиваемся с пути, упорно продвигаемся по верному маршруту. Все расстояние, пройденное по часовой стрелке снизу вверх, равняется 5 километрам. Рельефы в камне вырезаны так искусно, что легко читается даже выражение лиц персонажей.

На первом ярусе особо запомнился сюжет с царицей Майей, отправившейся в священный парк Лумбини, где вскоре должен появиться на свет ее сын принц Сиддхартха Гаутама, будущий Будда Шакьямуни. Майя царственно восседала в богато украшенной колеснице, торжественно-спокоен ее облик, вокруг множество слуг. Уже по возвращении из Индонезии прочитала, что царь Суддходана, муж Майи, приказывает своим поданным беречь царицу. Для этой поездки было приготовлено 84 000 повозок со слонами и столько же с лошадьми. Майю сопровождали 60 000 женщин из рода Шакьев, 100 000 девушек и слуг из дворца, а кроме того, 84 000 дочерей богов и 84 000 дочерей водяных богов нагов – змееподобных мифических существ.

Поднимаемся выше, осматривая рельефы следующих ярусов. Земная жизнь Будды рассказана в сотнях сцен, ведь принц отправился путешествовать, покинув дворец, расставшись с достатком и благополучием, чтобы найти причину людских страданий и возможность от них избавиться. Все это подробно описано в буддийских текстах, а на стенах Боробудура эти сюжеты воплощены в камне. Постепенно рельефы становятся более плоскими, а темы земных сюжетов сменяются изображением бодхисаттв и будд в разных позах, называемых мудрами. Возле одной из ступ со статуей Будды внутри особо многолюдно. Пытаюсь выяснить, в чем дело. Оказывается, надо загадать желание и через отверстие в ступе дотянуться рукой до колен Будды. Один из туристов, видимо, японец, небольшого роста мужчина, после нескольких неудачных попыток сдается. Он расстроен. Предлагает мне попробовать: «Мадам, может, у вас получится...» Мне повезло больше: я сумела коснуться колен Будды, желание сбылось: я вернулась в Индонезию, и не один раз.

Во второй раз приехала в Боробудур с младшим сыном в 2009 году. По дороге рассказала ему одну из легенд о появлении Боробудура, не самую печальную. Правитель княжества Боро попросил для своего сына

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Индонезия, о. Бинтан. Ворота храма Авалокитешвара

Резные колонны храма Авалокитешвара

Статуя Будды в женской ипостаси Гуань Инь в храме Авалокитешвара. Высота 16,8 м

Резное сквозное круглое панно на наружной стене храма Авалокитешвара

Храм Авалокитешвара. 32 скульптуры богов, богинь, демонов, мифологических героев

Медный колокол возле входа в храм Авалокитешвара

руки дочери правителя княжества Мендут. Тот согласился при условии, что жених построит невиданный красоты храм. Когда постройка была закончена, и князь Мендута с дочерью пришли осмотреть ее, девушка сказала своему жениху, что изображения прекрасны, но они мертвы, они не могут любить. Поэтому и она тоже не сможет полюбить молодого человека. Девушка покинула своего жениха и храм, который позже был назван Боробудуром. В одной из легенд даже называется имя зодчего, построившего храм, – Гунадхарма, чей дух якобы живет в близлежащей горе Менорох со скалистыми обрывами, напоминающими человеческий профиль.

Раскопки Боробудура были начаты голландцами в 1814 году, когда они обнаружили огромный холм, покрытый растительностью, лишь кое-где проступали изображения и статуи, как в пещерных храмах. Первое планомерное и серьезное исследование памятника начал английский ученый Т.С. Рэффлс, а руководил работами Корнелис, который до этого восстанавливал комплекс индуистских храмов IX–X веков в долине Прамбанан, тоже на Центральной Яве.

Раскрытие и восстановление Боробудура велось до конца XIX века, потом продолжились в XX столетии, ученые сменяли друг друга. В 1900 году создали комиссию по реставрации Боробудура, и в 1911 году эти работы были закончены. Зрителям предстал целостный ансамбль памятника во всем очаровании, а ученые приступили к более детальным исследованиям. Начались раскопки – раскрытие нижнего яруса основания. Но, к сожалению, в результате этих работ разрушение памятника не прекратилось, а даже усугубилось: раскрытые трещины в стенах и ничем не скрепленные швы стали размываться тропическими дождями, поврежденные дренажи и водосливы перестали спускать воду с каменных площадок. Покровы мха и лишайника продолжали съедать фактуру рельефов, одна из стен нижней галереи наклонилась настолько, что грозила полностью обвалиться. Индонезийские археологи обратились за помощью к международной организации ЮНЕСКО, и в 1970 году была создана специальная комиссия по реставрации Боробудура. К работе по реконструкции Боробудура, рассчитанной на несколько десятилетий, приступили в 1971 году.

Если учесть, что изначально Боробудур был сложен из отдельных блоков насухо, без соединительного материала, то можно представить, что предстояло сделать. Реставрации подверглась вся конструкция, но основной задачей стало укрепление фундамента путем подведения железобетонной основы под всю постройку. В итоге это привело к почти полному разбору памятника и возведению его заново. Рельефы и скульптуры тоже были расчищены и укреплены. Боробудур предстал перед посетителями в новом облике в 1984 году, но работы по сохранению «восьмого чуда света» продолжают до сих пор.

Буддийский храм Авалокитешвара Граха находится в Индонезии на острове Бинтан, в городе Танджунгпинанг. Мы прилетели туда в мае 2011 года по приглашению индонезийского друга. Он в то время был коман-

дующим авиабазой на двух небольших островах Бинтан и Батам. Перед посадкой объявили, что температура за бортом +38 градусов. Поначалу даже не поверилось. Эта территория – провинция Архипелаг Риану на западе Индонезии недалеко от острова Суматра. Авалокитешвара считается одним из самых больших буддийских храмов в Юго-Восточной Азии. Официально его открыли в июне 2009 года, строительство длилось десять лет. Храм построен на пожертвования буддистов Китая и Сингапура. Основная часть материала для строительства привезена из Китая. Территория храма занимает площадь в 10 гектаров. Он находится на горе, куда ведет длинная дорога. По обеим сторонам расположены плантации растения питахайя, или, как его называют в Индонезии, Dragon fruit. Статуи будд в полный рост сопровождают вас до входа в храм, колонны и стены украшены искуснейшей резьбой в китайских традициях: герои мифов, небесные драконы и морские чудовища наги.

Авалокитешвара в пантеоне будд и бодхисаттв занимает одно из главнейших мест: это олицетворение сострадания, он дарит милость всему существу. Три части в слове Авалокитешвара означают следующее: ава – вниз, локита – смотрящий, свара – шум. Значение имени переводится как «покровитель, вззирающий сверху, внимающий мирским звукам». Под мирским звуком или шумом понимаются мольбы верующих, на которые бодхисаттва непременно отвечает, приходит на помощь, помогает справиться с плохой энергией и мыслями, направляет на истинный путь, ведущий к освобождению от страданий и круговорота сансары.

В разных странах имя Авалокитешвара звучит по-разному. Одно из них китайское – Гуань Инь, этим именем и назван храм Авалокитешвара Граха в Индонезии. Гуань Инь практически единственное женское воплощение Будды, второе имя ее – Мать Милосердия. Статуя внутри храма представляет собой сидящую Гуань Инь высотой 16,8 метра. Выполнена она из меди с покрытием 22-каратным золотом. Зайдя в храм и обратив взор на улыбающуюся богиню Гуань Инь, все верующие обретают хорошее настроение, освобождаются от мирских забот и страданий. Внутреннее убранство храма поистине поражает воображение. Кроме главной статуи Будды, она же Гуань Инь, по стенам храма установлены 32 статуи богов, богинь и демонов, мифических существ. Среди надписей на китайском и латинском языках знакомых имен я не увидела. Конечно же, мы зашли в храм всего лишь как туристы, к тому же православные христиане, а в это время здесь собрались буддисты для молитвы (храм действующий, не музей), среди них немало молодых людей.

При входе все снимают обувь, и мы тоже последовали этому примеру. Где бы нам ни довелось побывать, всегда старались придерживаться установленных правил, не нарушать устои. У одной стены я остановилась, пытаюсь разобраться в предназначении этого места. Оказывается, здесь, в маленьких нишах, можно оставить записку со своими желаниями и проблемами, обращенными к богине Гуань Инь. Такое большое коли-

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Буддийский китайский храм в городе Мадьюн. Восточная Ява

Пагода в буддийском китайском храме, г. Мадьюн

чество атрибутов, статуй Будды меньшего размера вызвало множество вопросов. Друзья, которые привезли нас в этот храм, были мусульманами, но с удовольствием рассказывали о том, что знали. Здесь мы еще раз убедились в действенности одного из принципов Конституции Индонезии – панчасила – единство в противоположности и в свободе выбора религии. Все религии в Индонезии мирно сосуществуют, государственными праздниками являются не только мусульманские, а и буддийский Вайсак, индуистский Ньепи, китайский Новый Год.

На Восточной Яве мы жили в небольшом городке Мадьюн в течение года, и друзья-индонезийцы посоветовали зайти в действующий китайский храм Hwi Ing Kiong. На небольшой территории необыкновенной красоты пагода, скульптурное панно позади пруда с золотыми рыбками. Внутреннее помещение предназначено для молитвы, посетители большей частью китайцы, довольно много молодежи. Посреди зала круглое огороженное пространство, заполненное песком, куда прихожане ставят зажженные свечи. Очень дружелюбно, с улыбкой, встретила нас при входе женщина-служительница, никто не мешал нам вести съемку.

Скульптурное панно заслуживает особого внимания. Это сцена на тему одного из четырех классических китайских романов «Путешествие на Запад», написанных У Чэнъэнем в 1590 году. Фантастическо-сатирический роман в 100 главах повествует о путешествии монаха Сюаньцзэня по Великому Шелковому пути в Индию за священными буддийскими книгами – сутрами. Один из четырех сопровождающих монаха – Царь обезьян Сунь Укун, очень популярный в культуре Восточной Азии. Среди ученых-востоковедов бытует мнение, что образ Сунь Укуна тесно связан с индийским царем обезьян Хануманом, героем эпоса «Рамаяна». В Индонезии эти персонажи считаются одним и тем же существом. Сунь Укун – один из любимых литературных персонажей-трикстеров в культуре Восточной Азии. Трикстер – это плут, обманщик, но не злодей. Множество фильмов, сериалов, мультфильмов с его участием поставлено не только в Китае, но и в Японии, Южной Корее, Гонконге, США, Европе.

На территории всех китайских храмов очень чисто, все содержится в полном порядке. Недавно молодой художник Джоан Миро из города Джокьякарта на Центральной Яве рассказал мне, что с группой друзей-художников работает над росписью золотом восьми драконов в буддийском китайском храме в городе Джокьякарта. Свобода в выборе вероисповедания позволяет индонезийцам уважительно относиться к наследию любой религии. Среди художников, работающих с этим молодым человеком, есть и мусульмане, и христиане, и буддисты.

Список буддийских храмов в Индонезии с VIII–IX веков и до наших дней поистине впечатляет. Видимо, нет ни одного острова, где бы не находился буддийский храм: Ява, Суматра, Калимантан, Бали, Ломбок, Бинтан. Национальный парк Лумбини на Северной Суматре построен в 2010 году, его великолепная пагода повторя-

ет известную пагоду Янгон в Мьянме. Всего в списке несколько десятков буддийских храмов. Вспоминая, что 89 процентов индонезийцев исповедуют ислам, возникает вопрос: сколько же тогда мечетей в стране?

Несколько слов о религии на Бали. Когда с XII по XV век мусульманство стало прочно занимать позиции на Яве, представители правящей в то время индуистской верхушки перебравшись на Бали, забрав с собой прислугу, придворных художников, музыкантов, танцоров. До сих пор здесь существуют две ветви индуистов – исконных балийцев и пришедших с Явы. На Бали в то время были очень сильны проявления язычества, утверждавшие, что духи населяют все области жизни человека – горы, моря, реки, водные источники, дороги, поля, здания и прочее. Для улаживания богов и духов с раннего утра по всему острову разносят специально изготовленные подношения.

Буддизм, который также был распространен на Бали с давних времен, ассимилировался с индуизмом и язычеством, образовав особый вид религии – агама хинду дхарма. Да и на Яве порой граница между индуизмом и буддизмом весьма шаткая. Вспоминается один случай. В студии батика Суси Келик (она мусульманка) на Центральной Яве я спросила хозяйку, где найти картину с изображением Будды. Она отправила меня жестом руки в смежный зал. Я посетовала, что там только Ганеша на голубом фоне. Она, улыбаясь, ответила: «sama-sama», что в переводе с индонезийского языка означает «то же самое». В то время меня это очень удивило, но позже узнала о балийской религии агама хинду дхарма, а на острове Ломбок попала в старинный индуистский храм Лингсар (построен в 1714 году) с красивым парком и прудами, где молятся под открытым небом вместе представители трех религий – мусульмане, индуисты и буддисты. Они просят своих богов о дожде, хорошем урожае, воздавая благодарность за защиту, помощь, мир и благополучие. И действительно, остров совсем небольшой, местные жители возделывают землю, растят детей – что им делить?

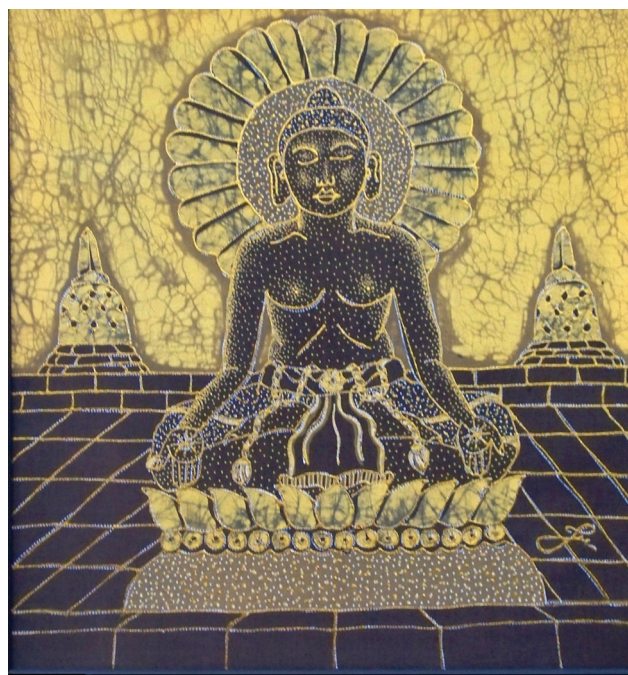
На острове Бали есть уникальная по своей сути площадь Пяти Храмов, где построены в полную величину храмовые сооружения пяти основных религий Индонезии – мусульманская мечеть, буддийский и индуистский храмы, католическая и протестантская церкви. Где еще в мире можно встретить такое явное свидетельство мирного сосуществования? Это пример воплощения в жизнь одного из главных принципов Конституции Индонезии – вера в одного бога и свобода вероисповедания.

Думаю, что индонезийцы простят меня за такой неполный рассказ об их верованиях, традициях и обычаях, ведь о каждом острове можно рассказывать часами. Пусть и другой принцип их Конституции – «Единство в противоположности» – помогает управлять этой чудесной страной 13 тысяч островов.

В завершение хочу сказать несколько слов о своей необычной коллекции индонезийского батика в галерее современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край). Коллекция появилась в галерее в 2005 году после нашего возвраще-

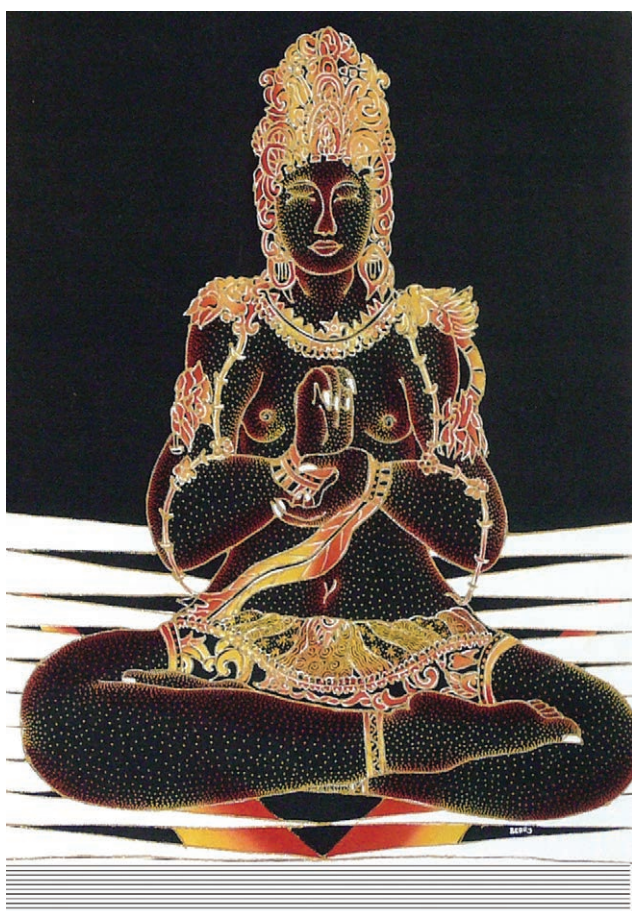

Пейзаж с храмом Боробудур. Шелк, 56 x 52

На ступенях вечности. Шелк

ния из командировки в Индонезию, и с той поры здесь уже проведено 15 выставок индонезийского декоративно-прикладного творчества. Среди экспонатов картины на хлопке и шелке, шарфы и отрезки тканей ручной работы в технике батик, деревянная скульптура, сувениры, маски. Были организованы и тематические показы с полными аннотациями по теме. Так, в 2012 году состоялась выставка «Хождение к двум океанам. Боги и люди Индонезии», в 2015-м – «Традиции и современ-

Будда Шакьямуни. Шелк

ность». Обе они так или иначе связаны с религией Индонезии. В 2012 году в галерее побывали индонезийцы, находившиеся в тот время в Комсомольске-на-Амуре. Удивительно, но буквально возле каждого экспоната и картины они опускались на колени, рассматривали, удивлялись: «Мадам, это же из того места, где я живу! А это город моих родителей! А почему, откуда это все у вас?» Было очень приятно, потому что Индонезия оставила в моей душе неизгладимый след.

Григорий Гусак. Пионер удэгеец Нафу. 1935 (?). Холст, масло. ДВХМ, Хабаровск

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ
НАШЕЙ ИСТОРИИ

«Мы из Ленинграда...»

Нина ДУБИНИНА

В мае 1941 года после окончания первого класса мы с мамой переехали в Александров – старинный город с кремлем. Папа временно остался на прежнем месте, поскольку его держали дела. Осуществилась мамина мечта – жить в своем доме. А он был большим, с резными наличниками на окнах и с застекленной террасой.

Однажды, когда я проснулась, увидела сидящую на углу постели маму, которая бросилась ко мне и стала обнимать. «Дочка, началась война», – рыдая, произнесла она. Мне стало очень жалко маму, и я заплакала.

...Сквозь сон слышу мамин голос: «Нинуша, я ухожу, запри за мной дверь и никому не открывай». С закрытыми глазами на ощупь вставляю ноги в валенки, мама накидывает на меня шаль, и я, с полузакрытыми глазами, плетусь за ней в сени, чтобы запереть входную дверь. Сон прошел.

В первую военную зиму стояли лютые морозы. Почти все окна дома насквозь промерзли. Холодно, сумрачно, тихо и неудобно. Только слышно гудение проводов и потрескивание от мороза пахучих бревен нового дома. Но вот послышались шаги на крыльце. Конечно, это Верочка, которая вчера обещала прийти ко мне поиграть в воскресенье утро. Она живет в соседнем доме и учится только в первом классе. Ее почему-то все зовут ласково Верочкой. Наверное потому, что она такая маленькая, кудрявая и шустрая, как наш котенок Барсик. У светлого окна я стала показывать ей свое сокровище – старую, с выпавшими листьями, с замечательными цветными картинками самую любимую мою книгу Г.Х. Андерсена «Сказки». Ее мне подарили прошедшим летом незнакомые мальчик и девочка. Тогда я пришла посмотреть на школу, в которой, как ска-

зала мама, я буду учиться во втором классе. На крыльце дома, стоящего через дорогу, я увидела мальчика и девочку, как оказалось – брата и сестру. Они, как и я, недавно живут в Александрове. Ребята пригласили меня в дом. В школьной библиотеке я видела много книг, но чтобы почти все стены жилого дома были уставлены полками с книгами, я увидела впервые и выразила свой восторг. Тогда ребята и подарили мне драгоценную книгу. Они назвали и свою фамилию – Невские.

Первого сентября я пошла в другую школу, находившуюся очень далеко от дома. В моей школе теперь располагался военный госпиталь. Другие люди жили и в «книжном доме». Иногда по вечерам мама просила вслух почитать сказку. Слабый свет керосиновой лампы помогал погрузиться в волшебный сказочный мир. О русалочке мы заплакали с мамой вместе.

...Верочка все время что-то тараторила о своей кукле Катьке, о ее новом платье. «Я сейчас ее принесу, покажу тебе», – сказала она и убежала. Зачем же запирает входную дверь, если Верочка быстро вернется, решила я. Прошло совсем немного времени, и послышалось какое-то постукивание на крыльце. Я быстро забралась под кровать в ожидании, когда Верочка будет меня искать. Из-под кружевного подзора покрывала хорошо просматривался порог двери. Лежать было удобно, и сердце замирало от придуманной затеи.

Дубинина Нина Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Родилась в Вологодской области, в детстве жила в городе Александрове Владимирской области. В 1955 году окончила исторический факультет Московского государственного университета и приехала на Дальний Восток. Преподавала в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске. Автор более 100 научных статей и монографий, в том числе историко-публицистических очерков о генерал-губернаторах Дальнего Востока Л.Н. Гондатти, Н.И. Гродекове, П.Ф. Унтербергер. В 2010 г. в Японии (Хоккайдо) опубликована ее монография на японском языке «Становление Российского Дальнего Востока». Автор книг «Дальний Восток Яна Гамарника» (2011) и «Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские. Историко-документальное повествование» (2014).

Г. Александров. Общий вид на Успенский женский монастырь. С. М. Прокудин-Горский. 1911

Дверь медленно открылась, и у порога появились два черных ботинка, немного припорошенных снегом, а потом и еще два – поменьше. Из своей засады я видела только ботинки, и они заставили меня испугаться. Ботинки стояли на месте и молчали, слышалось только гудение проводов. Что мне делать? Вылезать из своего укрытия страшно, но и оставаться дальше здесь больше нельзя. Необходимо увидеть, кому же принадлежат ботинки и почему они оказались в нашем доме. Выкатившись из-под кровати и поднявшись на ноги, я увидела двух гораздо старше себя мальчиков, с удивлением смотревших на меня. На них были черные шапки и черные шинели, подпоясанные ремнями с бляхами. Выделялись только очень белые лица.

Передо мной стояла черная незнакомая молчаливая человеческая стена, в которой мне почудилась опасность. Страх пробежал по телу и остановился в пятках. Я превратилась в большую сосульку, могла только неподвижно стоять и молча смотреть на странных пришельцев. Наконец старший мальчик тихо сказал: «Мы из Ленинграда».

О ленинградцах, оказавшихся в нашем городе, нередко говорили приходившие к нам в дом взрослые, они называли их несчастными и при этом проклинали немцев. Почему ленинградцы оказались в городе, мне рассказала мама. Спасая себя и детей от жестокого врага, готового захватить Ленинград, ленинградцы покидали родной город и искали новое безопасное место жительства. Какая-то часть их хотела уехать в

Сибирь, но, добравшись до Москвы, они не могли приобрести билеты на сибирские поезда, заполненные организованными эвакуированными. Тогда они без проблем доезжали до узловой железнодорожной станции Александров, отстоявшей на сто километров от Москвы с надеждой сесть здесь на сибирский поезд. Но большинству это сделать не удалось, и на вокзале скопилось очень много людей.

Позавчера другая наша соседка Клава прерывающимся от волнения голосом рассказывала маме, что вместительный железнодорожный вокзал до отказа забит голодными и больными ленинградцами, которые живут там неделями. Шепотом она добавила: «Сказывают, что каждую ночь умерших на вокзале вывозят на санях и хоронят в общей могиле».

Старый памятник на месте братской могилы ленинградцев-блокадников в городе Александрове

Ленинградский мемориал в городе Александрове

Слова: «Мы из Ленинграда» вывели меня из ступора. Я должна спасти мальчиков от голода и смерти. На кухне я беспорядочно стала искать для них какую-нибудь еду, с шумом открывала один за другим ящики шкафа в надежде найти хотя бы хлебную корочку, гремела пустой посудой и горшками. Мальчики стояли рядом и молча наблюдали за мной. С холодной плиты я схватила чугунок, в котором вчера к обеду варили картошку в мундирах и вечером ее доедали. В надежде, что в нем остались хотя бы две картофелины, я поставила

чугунок на стол и рукой пошарила в шелухе. В подтверждение, что в чугунке были одни картофельные очистки, я подвинула его к мальчикам, чтобы показать его несъедобное содержимое. Совершенно неожиданно старший мальчик торопливо опустил руку в чугунок, и я подумала, что он не поверил мне, и сам стал искать картошку. Каково же было мое удивление, когда увидела, что мальчик отправил в рот горсть картофельной шелухи. То же сделал и мальчик поменьше. Через секунды чугунок стоял на столе абсолютно пустой. Как же мне хоте-

лось помочь ленинградцам, спасти их от голода, а значит, и от смерти, но у меня ничего не получалось. На подоконнике я увидела крупную луковицу и протянула ее старшему, который опустил ее в карман шинели и сказал под нос: «Спасибо». Мальчики ушли, у порога только остались следы от растопившегося снега с их ботинок.

Не успела я запереть дверь, как прибежала Верочка со своей Каткой. Она задержалась потому, что выполняла какое-то мамино поручение. Увидев полное отсутствие моего интереса к новому платью куклы, недовольная подружка вскоре ушла домой, и я заперла входную дверь.

Мне нужно было все случившееся обдумать. Я впервые в своей короткой жизни столкнулась с настоящим страданием сверстников и при всем желании не смогла им помочь. Было грустно и тяжело. Мои переживания этим не исчерпывались. Меня мучил вопрос: рассказывать ли маме о происшедшем? Ведь нарушен ее строгий наказ никому не отпирать дверь. Когда я нарушала ее требования, она меня ругала, называла неслухом, недотепой, неумехой, дурочкой и даже дурой. На этот раз мое непослушание обернулось для меня чем-то очень значимым, и я не хотела за это услышать обидные мамины слова.

В доме посветлело. Вернулась мама с пайкой хлеба, которую она выстояла в длинной очереди. Сразу же разожгла печку. Мне нравился огонь в печи, который привлекал своей яркой, постоянно меняющейся красотой, веселым потрескиванием и теплом. Я могла подолгу любоваться этим зрелищем. Но не сейчас. «Ты что такая насупленная, не заболела ли?» – спросила мама и потрогала мой холодный лоб.

Помимо моей воли выкатившиеся из глаз слезы заставили рассказать маме о случившемся. Моя строгая-престрогая мама посмотрела на недавно неизвестно откуда появившуюся в кухонном углу темную икону, перекрестилась и с болью в голосе произнесла: «Господи, за какие такие прегрешения мы все так жестоко наказаны?»

Война. Дорога на восток*

Мария ВОЛЬГУШЕВА

22 июня 1941 года. Удивительно прекрасный, яркий, солнечный день! Я закончила 8-й класс. Юра (брат. – Примеч. А.В.) перешел на третий курс мединститута. У школьников каникулы. В нашем дворе, на улице полно детворы. В нашей семье частые гости: подруги Любы, друзья и сокурсники Юры...

Вокруг тишина и покой...

Вот уж точно: как гром среди ясного неба я услышала тревожные крики людей, бежавших по улице: «Война! Война началась!»

Я и многие, кто оказался рядом со мной, оцепенели от такого сообщения. Никто, конечно, и представить себе не мог, что ждет каждого из нас долгих, бесконечных четыре года.

«Черные тарелки» (репродукторы) в квартирах, огромные на столбах громкоговорители по улицам и площадям города собирали множество людей. Доклад министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, многократные в продолжение дня сообщения Совинформбюро о событиях на полях сражений, о том, как вынуждены отступать наши солдаты, покидая один за другим города и населенные пункты, о первых героических подвигах и потерях. Какой тяжелой стала наша жизнь!

В первые дни войны фашистские самолеты бомбили город Полоцк, который находится в восьмидесяти километрах от нашего города. А такое расстояние было для гитлеровских стервятников сущей чепухой.

В этот же день, 22 июня, в 16 часов нам домой принесли повестку, в которой значилось, что военнообязанная Свинкина Любовь Вениаминовна должна явиться на сборный пункт ровно к 9 часам утра 23 июня. Итак, война вошла в наш мирный дом.

На следующее утро мы с папой проводили нашу сестру милосердия на страшную войну. На площади собралось множество парней и девушек. Одни группы мобилизованной молодежи пели прощальные песни («Дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону»), другие тихо плакали, скрывая слезы, третьи рыдали навзрыд... Это первый эпизод, который дал нам реально почувствовать, в какой этап истории вступает наш народ.

Вспоминать об этом без слез невозможно.

Но ведь это еще только самое начало войны. Воздушные тревоги объявляли несколько раз в день. Завывание сирен терзало сознание и душу. По радио постоянно шли сообщения о массированном наступлении фашистских войск. Частыми «гостями» в небе над моим городом стали незваные бомбардировщики, завязывалась перестрелка между вражескими и советскими самолетами – воздушные бои. А дети, когда наступа-

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы.*

Б. Окуджава

Мария Вениаминовна Вольгушева с внучкой Верой

Мария Вениаминовна Вольгушева – педагог. Родилась в Белоруссии, до начала войны жила в Витебске. В 1944 году с семьей переехала в Биробиджан. Окончила филологический факультет Хабаровского педагогического института, преподавала в Биробиджанском педагогическом училище, затем, до 1997 года, – в Хабаровском педагогическом училище. Мария Вениаминовна – автор воспоминаний «Листая книгу жизни», подготовленных к печати в 2015 году к ее 90-летию.

ло затишье, выбегали на улицу или во двор и собирали осколки снарядов: кто больше соберет. «Забавное» соревнование, ничего не скажешь.

В городе появились первые погибшие и раненые. Напряжение с каждым днем нарастало. Уже эвакуировались многие фабрики и заводы. По радио ежедневно призывали мирное население уехать в глубь страны. Наша семья стала собираться в дальнюю неведомую поездку: мама собирала документы, моего свидетельства о рождении почему-то там не оказалось. Собирали крайне необходимые вдали от дома пожитки, связывали их в узлы. Думали, что вместе с нами поедет тетя Рахиль (папина сестра), но она, страшно встревоженная происходящим, твердо заявила: «Я не могу поехать. У меня очень болит голова. Вы же скоро вернетесь». На свою малую родину мы уже не вернулись никогда.

Наступил день нашего отъезда – 5 июля 1941 года.

Мы все, кроме отца-инвалида, увешанные спереди

* Глава из неопубликованных воспоминаний «Листая книгу жизни».

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Мама. Конец 1940-х

Папа в 1938-м

Я в 1938-м

Мой брат Семен. 1947

С сестричкой Любой. 1946

Семья Галины. Федор Григорьевич, Игорь и Ирина. 1947

Студентка педучилища. 1946

Антон Вольгушев. Портрет мамы. Конец 1980-х

и сзади узлами, побрели к берегу Двины. Другого пути уже не было. Главный переход (через мост) был запрещен как транспорту, так и пешеходам. В любое мгновение мост могли взорвать фашисты-налетчики.

Вот мы и на берегу реки. Лодочники перевозили убегающих от войны людей. Переехали. Теперь надо добраться до железнодорожного тупика, где стояли эшелоны, увозившие эвакуированных из города. Поймали грязную от угольной пыли грузовую машину, бросили в нее свои пожитки, помогли взобраться родителям, сели сами и уехали... Нашли тупик, обосновались в одном из вагонов. Когда тронемся в путь? Куда нас повезут? На эти вопросы никто не мог дать ответа. Сидим, ждем...

И вдруг свершилось настоящее чудо: мама увидела из вагона девушку в военной форме, идущую вдоль эшелона, которая как будто искала кого-то. «Дети, – обратилась к нам мама, – посмотрите, ведь это наша Люба!» (сестра. – Примеч. А.В.). Конечно, это была она. Как она могла найти нас среди сотен вагонов, многих десятков, даже сотен тысяч людей? Произошло чудо из чудес. Чтобы это понять, надо хорошо знать мою сестричку, которая для блага нашей семьи готова была пойти на любое доброе дело, преодолеть любые преграды на пути.

Свидание наше длилось минут пятнадцать. Люба оставила нам свой сухой паек (какие-то консервы, немного хлеба), сказала с сожалением, что время ее истекает и ушла. Расстались мы на пять лет и три месяца...

Наконец мы услышали гудок нашего паровоза, и эшелон тронулся в далекий, неведомый путь. Нас предупредили, что будут частые остановки, если бригада машиниста и начальник поезда узнают о приближении фашистских «мессершмиттов». А мы, пассажиры, должны выбегать из своих теплушек и ложиться под откос так, говорили, меньше опасности быть задетым снарядом или его осколком. Мы верили.

За трое суток мы проехали всего 60 километров. Эшелон наш остановился на станции Рудня 8 июля. Это в 60 км от Смоленска, крупного железнодорожного узла, который в то время уже не раз бомбардировала вражеская авиация.

Юра, а потом мы с мамой пошли к зданию станции в надежде купить что-нибудь съестное. Приближаясь к зданию, мы услышали знакомый гул самолетов... Буквально через мгновение люди засуетились, забежали в поисках убежища или укрытия. Забежали в какой-то погреб, народу много, как селедок в бочке. Стоим, еле дышим, бледные, как снег. Вскоре раздались страшные взрывы, как будто над нами и где-то подальше. И стало тихо, зловеще тихо.

Постепенно, еле передвигая ноги, мы отправились обратно. Что с папой? Жив ли он? Где Юра?

Но самым невообразимо страшным было видеть «плоды», только что оставленные бомбардировками. Горели два цельнометаллических вагона (в них увозили от войны детей-сирот). Оранжево-красные языки пламени взлетали высоко в небо, далеко разбрасывая свои искры. Плавился металл, и в этом огненном месиве погибали сотни несчастных детей... И ничего нельзя было сделать...

Идем дальше. Мама идет за мной, еле делая шаг за шагом. Очередная жуткая картина: между кочками в болоте лежит женщина, около нее громко плача, возится двух- или трехлетний малыш. Что делать? Чем помочь? Вдруг женщины, шедшие вместе с нами, крикнули: «Вон стоят санитарные машины!» Слава тебе, господи! Пришло спасение. А спасать пришлось очень многих людей. Ведь фашисты прострелили насквозь много эшелонов...

Тревога за жизнь папы и Юры увеличивалась с каждой минутой. Ведь найти свой эшелон и наш вагон в нем было очень трудно: все они одинаковые, грязно-коричневые. «Папа! Папа! Где ты?» – кричала я изо всех сил. «Я здесь, дочка! – услышали мы с мамой знакомый голос моего отца. – И Юра со мной!»

Отлегло... Но следы войны, которые я увидела своими глазами, оставили в моем сердце рубцы на всю жизнь.

Где-то часов в девять вечера того же 8 июля наш поезд продолжил свой путь. Надо же было очистить территорию станции от груды разрушенных вагонов, остатков левого крыла станции, осколков бомб и снарядов.

По пути следования казалось, что мы едем то туда, то обратно. Запомнились города: Елец, Грязи, Борисоглебск. В Грязях нас кормили пшенной кашей. Огромным количеством глиняных чашек с кашей были уставлены столы длиной, наверное, с полкилометра. Каша оказалась страшно пересоленной. Но съели все до крупинки и благодарили хозяев изголодавшиеся люди.

Когда мы оказались на территории Воронежской области, по эшелону прошел слух, что скоро нас высадят. Так все и произошло: нас высадили на станции Байчурово.

Отец мой, очень озабоченный судьбой Юры, твердо сказал сыну: «Собери свои вещички, добирайся, как сможешь до Саратова, к дяде Володе. Если и там тебя не мобилизуют в ряды действующей армии, постарайся продолжить учебу в мединституте». На перекладных, пересеживаясь из вагона в вагон, Юра добрался до Саратова дней через пять. А ведь это было недалеко от Байчурово, километров триста.

Нас же, эвакуированных, посадили на подводы и развезли по близлежащим селам.

Невозможно забыть безбрежные поля пшеницы с колосьями, склонившими свои головки под тяжестью тугих зерен. А бахчи с созревающими желтыми дынями и зелено-полосатыми арбузами! Голову терзала мысль: неужели все это достанется врагу? неужели все это богатство сгорит или достанется фашистам?

Мы приехали в Черноземье, о котором А.П. Чехов сказал: «Посадишь оглоблю – вырастет тарантас».

Нашу семью вместе с пятью другими семьями привезли в село Тюковку. Хозяйку нашу звали Пелагея Семеновна. Жила она в добротном доме с невесткой Полей, сын ее был на фронте. Дом состоял из коридора (сенцы), большой кухни с русской печкой и горницы. Вокруг дома огромный двор, устланный деревянными мостками, и много разных хлевов, сараев, курятников для скота и птицы, в которых жили три-четыре коровы, много овец, баранов, кур, гусей и уток.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Встретила нас хозяйка как долгожданных гостей, накормила так, что и в чудесном сне увидеть было невозможно.. Наверное, мы смотрелись такими измученными, изможденными, уставшими – беженцами, одним словом, что вызывали в сердце этой женщины жалость и сострадание.

Наступило время обеда, а, может быть, ужина, и нас пригласили за стол. Хозяйка достала из печки огромную сковороду, в которой еще скворчало сало, залитое яйцами. Комната (кухня) сразу наполнилась таким ароматом, что голова закружилась. Затем была подана пшеничная каша, сваренная на чистом, собственном, натуральном молоке. На вид это была не просто каша, а золото, которое едят люди. Запили мы это чудо вкуснейшим молоком.

Нам показали, где мы будем спать: на полу, на кухне. Было лето, тепло, и нас нисколько не смутило и не обидело место нашего сна.

Наступили колхозные трудовые будни военного времени в тылу. Мужья, братья, сыновья сражаются на фронтах священной войны. Лишь иногда можно было встретить мужчину – немощного или явно инвалида. Работали в колхозе женщины и подростки. Пололи, окучивали картофель, капусту, сахарную свеклу.

О шикарном гостеприимстве очень скоро пришлось забыть. Когда стали поспевать зерновые и началась их выборочная уборка, меня включили в женскую бригаду, которая выполняла эту работу.

Я, девчонка, родившаяся и выросшая в городе, не имела представления о жизни в деревне и о том, что значит вырастить овощи, картофель, хлеб... Уставала страшно, работать приходилось от зари до зари. Мама работала рядом со мной недолго. Силы стали покидать ее недели через две.

Особенно трудно приходилось мне на уборке хлеба. Нужно было сгрести граблями столько колосьев, сколько необходимо для одного снопа. А за смену требовалось навязать один-два снопа. И чем больше, тем лучше. А чтобы его связать, требовалось сделать прясло (жгут). Спасибо женщинам, научившим меня этому невероятно тяжелому труду. Ремеслом этим я овладела лишь на захудалую троечку. Милые женщины! Как они были ко мне снисходительны!

Кроме меня больше заботиться о престарелых родителях было некому. То было только самое начало священной войны.

Вспомнился один эпизод. Было прекрасное летнее утро. На небе не единого облачка. Мы убираем хлеб. Вдруг поднялся сильный ветер. Горизонт стали застилать свинцовые тучи, которые мгновенно оказались над нашими головами. Упало несколько крупных капель дождя... «Все в ригу!» – раздался голос нашего бригадира. Рига – так назывался большой шалаш для укрытия во время полевых работ. Уселись, молчим. И в этой тишине одна из женщин запела церковную песню. Все, кроме меня, конечно, тихо от глубины души поддержали свою подругу на разные голоса. И столько сердечной боли, печали было в этом пении! А по щекам одиноких женщин-солдаток текли горячие слезы. Это пение и эти

слезы рвали мое сердце на части. Я очень долго не могла успокоиться. Увидела перед собой родной Витебск, дом, в котором мы жили, лагерные пионерские костры, родную школу, любимых подруг... Что ждет меня впереди? Выдержу ли я эти испытания? Должна выдержать! А иначе зачем я на этом свете живу...

Правление колхоза выдавало эвакуированным какие-то продукты. С поля нам разрешалось приносить в небольших количествах картофель, свеклу, капусту... В общем, перебивались как могли.

Будет великим грехом, если скажу, что, живя и работая в Тюковке, мы голодали. Если живешь на земле, да еще летом, да еще такой, как Черноземье, голода всегда можно избежать.

Наступил сентябрь 1941 года. Отец напомнил мне, что надо продолжать учебу. Школа была в соседнем селе Макашевка, что в семи километрах от нас. Отмерив 14 км туда и обратно, я побывала в Макашевке, узнала о школе и о том, что в ней есть 9-й класс. Шла через прекрасный сосновый бор, полный рыжиков. В школе сказали, что занятия начнутся не раньше 1 ноября.

Вернулась домой и продолжала работать в поле, как и раньше. Работала там, куда пошлют. Совершенно неожиданно для этих мест, где-то в середине октября выпал снег, да такой глубокий, что все покрыл толстой пеленой. Что будет с урожаем? Хлебные поля под снегом, картофель, свекла под снегом... Уборка, конечно, проводилась вручную. И когда окончательно установилась зима, не смогли урожай убрать полностью. Больше половины урожая осталось под снегом. Я понимала, какая это огромная потеря не только для местных жителей, но и для всей страны.

В начале ноября семьи с детьми переехали в Макашевку. Снова нас расселили по квартирам. Моя семья попала к Кантемировым, это бабушка, дедушка и внучка.

Планировка дома такая же, как у Пелагеи Семеновны: большая кухня с русской печью и комната, в которую нас поселили хозяева.

Начала я ходить в школу, в 9-й класс. Запомнила только двух учителей: литературу вел Ростислав Львович, химию преподавал тоже мужчина. Я очень удивилась этому: мужчины, а почему-то до сих пор не призваны в армию. Ростислав Львович провел в нашем классе четыре-пять уроков по литературе, на которых он прекрасно читал «Мертвые души» Гоголя. А что мы делали на уроках химии, вообще вспомнить не могу.

В моем классе было человек пять. Сидели в пальто, в шапках, было холодно. Учебный процесс длился не более двух недель. Учителей мобилизовали на войну. Школа закрылась. Мое учение в школе закончилось до 1944 года.

Работать зимой было негде. По радио мы слушали только грустные новости: «Наши войска оставили города.., наши войска понесли ...потери в живой силе и технике, при штурме, высоты погигло солдат...» Неимоверно тяжело было все это слышать. Как мы ждали хороших перемен, хороших вестей! С какой радостью слушали мы голос нашего замечательного диктора Левитана! Даже тогда, когда приходилось сообщать о наших

неудачах на фронтах, он делал это с таким сожалением, голос его дрожал, и в то же время мы чувствовали, что наш народ победит. Победа будет за нами!

А как мобилизующе и ободряюще действовала на нас песня-гимн «Священная война», появившаяся в самом начале войны!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Какая сила слов! Они звучат как набат, призывной колокол! И рождают в наших сердцах веру в победу!

О неудачах, потерях и поражениях на фронтах мы узнавали не только по сообщениям Совинформбюро. Немало можно было увидеть своими глазами, находясь в тылу. Так, из окна нашей квартиры я несколько дней подряд наблюдала, как шли мимо нас необмундированные, в телогрейках, куртках, валенках, сапогах (кто в чем) наши отступающие солдаты. Они шли, низко опустив головы, как будто чувствовали себя виноватыми в чем-то. До сих пор мы не получили никаких весточек с фронта от Любы и Семена, ничего про нас не знала моя старшая сестра Галина, жившая на Дальнем Востоке. Каким это было счастьем, что в тылу, в Саратове, жили наш дядя Владимир, мой брат Юра, студент третьего курса, не мобилизованный из-за плохого зрения.

Потом связь была налажена, и мы стали получать солдатские треугольники с фронта, а от нас шли письма по адресу: ППГ № 429 (полевой передвижной госпиталь № 429 – адрес Любы) и на адрес военной части, где служил Семен. Но тревога, боязнь за жизнь Семена и Любы не утихали ни на минуту.

Наступила первая военная весна. С фронтов по-прежнему приходили безрадостные, тревожные сообщения.

Начались весенние полевые работы. Я снова при деле. Я работаю.

Но пока пришла весна, мы жили в очень холодной квартире. И вот однажды...

Разбушевалась стихия, крупными хлопьями валил снег. Добыча дров стала нашей обязанностью. Так решили хозяева. Мы с отцом, как обычно, снарядившись топором и пилой, отправились в лес. Заготовили два деревца (для отца побольше, другое для меня). Быстро стало темнеть. Началась пурга. Пропали под снегом стежки-дорожки. Мы заблудились. Мне стало страшно. Отец шел за мною след в след и успокаивал: «Дочка, иди прямо, дома должны быть где-то недалеко». Я и старалась идти по указанному курсу. Шли мы дольше обычного, боялись сбиться с пути. У меня стали замерзать руки и ноги. К счастью скоро я увидела огоньки и услышала лай собак.

И вот мы в своем дворе, оставили добычу и инструменты, вошли в помещение. Я неожиданно почувствовала боль в пальцах ног. Хозяйка предложила какую-то мазь и жир. Мама полечила меня, напоила кипятком

и уложила спать. Через два-три часа я проснулась от сильной боли отмороженных пальцев. Чем только ни лечили меня хозяйка и соседские женщины. Спасибо им огромное!

Я снова стала работать в бригаде. Жизнь продолжалась в том же ритме. Но кроме переживаний, тревог и забот, были и светлые моменты.

От Кантемировых мы переехали в новый дом – к хозяину по прозвищу Ванька Ветров.

Жилище Ваньки Ветрова и домом назвать вряд ли можно. Это была халупа, чердак с крышей, подпертые тремя столбами. «Интерьер» этой лачуги состоял из одной комнаты, которая и стала нашим новым жильем. Зато мы сами хозяева! Ничего, жить можно. Тем более скоро лето. Возле дома был неразработанный участок земли, который взяла в руки моя мама. Раскопала землю. Соседка дала ей картофель на посадку, лук-севок, рассаду капусты...

Не оставляй без внимания свой огород, ухаживай за ним и жди урожая. Разве это не счастливый эпизод в нашей жизни в труднейшие годы эвакуации?

В километре от нашей лачуги находился сосновый бор. В нем располагались военные части, готовившиеся к отправке на фронт. А линия фронта была уже очень близко. Мы не только знали об этом, мы это чувствовали и видели. Видели и слышали, как летали над нашим селом фашистские самолеты-разведчики и разбрасывали свои «фонари» (так мы называли пули или снаряды, освещавшие землю таким сиянием, что хоть иголки собирай).

Мы узнали, что в сорока километрах от нас находится крупная железнодорожная станция Поворино – прямой путь на Сталинград. Шел июль. Тревога в наших сердцах нарастала с каждым днем. Мы ждали сообщения местных властей об очередной эвакуации.

И тем не менее даже в этой обстановке молодежь (девушки из Макашевки и замечательные парни из соседней военной части) устраивали вечером танцы, играла солдатская гармонь, пели песни. Влюблялись. Все чисто, целомудренно, светло, благородно. Мальчики! Мальчики! Постарайтесь вернуться назад! Какая прекрасная пора в жизни каждого человека – молодость! Пора планов, мечтаний, любви. Но пришла на нашу Родину страшная война. Фашистские сапоги топчут нашу землю, убивают наших отцов, матерей, братьев, сестер, жгут города, уничтожают фабрики и заводы.

Вскоре мы поняли, что дни нашего пребывания в Макашевке сочтены. По селу прошло сообщение: всем желающим надо собираться и быть готовыми к дальнейшей эвакуации.

Эшелоны поданы. Мы снова едем на восток.

Конец августа 1942 года. Положение на фронтах Великой Отечественной по-прежнему редко радует. Снова вяжем узлы со своими пожитками. Собрали какой-никакой урожай с собственного огорода: картофель, морковь, репа, лук репчатый. Всего понемногу: разве могли мои родители и я унести хотя бы полмешка овощей? А что ждет нас в пути?

Письма с фронта приходили к нам очень редко.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

И вот мы снова на станции Байчурово. Нас снова ждут эшелоны. И снова никто не может сказать, куда следует наш поезд. Но зато теперь у нас есть кое-какие продукты: ели сваренную в Макашевке картошку, грызли морковь, репу. В пути мы были суток пять-шесть. Нам сообщили, что поезд прибыл на станцию Богданович, что в Свердловской области. Здесь нас высадили, здесь пока наша последняя остановка. Нам сказали, что для эвакуированных выстроен рабочий городок из шести барачков, в которых мы будем жить. Еще стало известно, что на местном огнеупорном заводе очень нужны рабочие руки. На заводе изготавливался из шамотной глины огнеупорный кирпич, крайне необходимый для строительства доменных и мартеновских печей.

Нас расселили по баракам. Каждой семье по комнате с плитой и тремя топчанами. Наконец-то у нас есть жилье. Это значило для нас очень много. Через два-три дня мы стали рабочими Богдановичского огнеупорного завода. Я буду получать зарплату, нам выдадут хлебные карточки, которые мы не имели больше года. Я и мои родители как-то повеселели. Ну как не радоваться этим новостям! Быстрее бы только пришла наша долгожданная победа! Конечно, я и представить себе не могла, каким тяжким будет физический труд на заводе.

Сначала меня назначили истопником цеховых печей. Я должна была на угольном складе набрать два ведра угля и по винтовой узкой лестнице дотащить эту ношу до третьего этажа, растопить печи или поддержать огонь в печах. Печи огромные, необходимых навыков для такой работы у меня сроду не было. Да и откуда было им взяться? Ладони через пару дней были истерты ведерными ручками до крови. Боль нестерпимая. Правда, через несколько дней мне выдали специальные рукавицы. Полегче, конечно, стало. О том, как мне было трудно, знали только мои родители. «Привыкнешь, дочка», – говорили они. Другого выхода не было. И я привыкла.

Через полтора месяца меня перевели на работу в формовочный цех укладчицей сформованного сырого кирпича на вагонетки. Работала я в женской бригаде (а других и не было), бригадиром которой была Прасковья Яковлева, эвакуированная из Череповца, с завода такого же профиля. Я работала в бригаде прессовщиц. В чем состояла суть нашей работы? Одна женщина управляла лентой-конвейером, по которой шла к прессу сырая шамотная глина, другая отрывала (или отрезала) от большого куска нужную часть; прессовщица клала эту часть под пресс, в результате чего кусок серой глины (валюшка) превращался в кирпич; третья работница снимала этот кирпич с пресса и ставила его ребром на деревянную дощечку на столик, который находился между снимальщицей и мной, укладчицей. Я же загружала каждый кирпич на полки вагонетки. Вес груженой вагонетки составлял 500 кг. Ее я должна была докатить до печи, в которой кирпич обжигался. Последним этапом этого процесса занималась другая бригада. Очень часто вагонетка соскакивала с рельсов и мне приходилось, подперев спиной торцовую ее часть, ставить ее на место... Такие воспоминания способны и сейчас вызывать боль в руках и спине.

Работали мы по двенадцать часов, с семи утра до семи вечера, без выходных. В середине смены нас кормили горошницей – гороховой кашей: бросят две-три ложки каши на дно глиняной миски – и весь обед (или ужин). А как мы были рады и такому питанию! До сих пор я очень люблю свою спасительницу и в каше, и в супе, и в любом другом виде.

И снова наступила зима. И снова снегу намело выше колена. Чем отапливать нашу комнату? В чем ходить на работу? Отвечу сначала на второй вопрос. Зимней одежды и обуви у нас не было. Я напяливала по несколько одежек, обматывала голову чем-то вроде платка, а на ноги обувала открытые тапки, наверное, 43-го размера, и перевязывала их чем-то вроде веревок. И так ходила на завод. Но разве я была одна такая? Таких было большинство среди рабочих. Война была одна на всех, но какая война! Вероломная, навязанная, несправедливая! Было такое единство чувств, мыслей, надежд, мы так ясно осознавали, что должны заострить свое сердце мужеством, закалить себя в трудностях, потому что твердо верили, и история нашей Родины это неоднократно подтверждала: наш народ, наши доблестные вооруженные силы, наши неутомимые труженики тыла общими усилиями отбросят гитлеровских захватчиков далеко за пределы нашего государства, и над нашей страной снова воссияет мирное солнце.

Где-то в ноябре-декабре таким, как я, выдали мужские ботинки и телогрейки. Ни одна красавица, одетая в шубу из дорожущего меха, не чувствовала себя такой счастливой, как я в холодную зиму 1942 года!

Отвечаю на первый вопрос. Ни о каких заготовках топлива не было и речи. Но на территории завода была лесопилка. Мы имели право брать в мешке деревянные отходы. Но не меньше двух раз в неделю я набивала мешок этим топливом и, закинув на плечо, уносила ношу домой.

Часов у нас тоже не было. Мама определяла время то по луне, то по солнцу. И, конечно, часто ошибалась. Но я никогда на работу не опаздывала, а, бывало, приходила раньше часа на три-четыре. Ох, какая это была радость! «Я могу еще поспать», – и бросалась в любой угол в цеху и тут же засыпала до начала смены. Сладше этого сна для меня ничего на свете не было.

Что я ела, придя с работы? А что ели мои папа и мама? Хлеб мы получали по карточкам. Продолжали менять кое-какую одежду на картошку, морковь, турнепс. Меняли, в основном, Любино приданое, которое, мама говорила, она отрывала от сердца. Обмен для нас был очень невыгодным. Например, прекрасные модные Любочкины туфли обменяли на 4 кг картошки.

Вести с фронта приходили очень редко. И Люба, и Семен постоянно спрашивали нас, что мы едим. Очень быстро настало время, когда менять было уже нечего. Разве я могла написать моим фронтовикам, что мама собирала с уже убранного картофельного поля перемерзшую картошку и что-то из нее готовила? Кстати, мама думала, что я ничего об этом не знаю.

Шел 1943 год. Уже чаще Совинформбюро сообщало о долгожданных победах на фронтах Великой Отечественной.

Я чувствовала себя частицей многомиллионной армии тружеников тыла и хорошо осознавала это. Особое чувство гордости охватывало меня, когда я (и так было не раз), приходя на работу, читала заводскую газету-молнию: «Бригада Прасковьи Яковлевой дала за смену (дата) такое-то количество кирпича. Поздравляем! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Во всех цехах висели призывные лозунги: «Фронт и тыл – едины!», «Все для фронта! Все для Победы!».

В нашей бригаде были работники Череповецкого огнеупорного завода и несколько местных женщин. Жили и работали мы дружно, сплоченно, хорошо понимали друг друга. Среди них была Шура Куликова, жившая неподалеку от станции, в рабочем поселке. Милая, добро-сердечная, чуткая девушка. Она два раза уводила меня после работы в гости к себе домой, чтобы подкормить, обогреть, да и родителям моим передать кое-что. Очень много значили для меня эти два приглашения! Спасибо тебе огромное, Шура! Где ты сейчас и что с тобой?

Мои братья и сестры были, конечно, очень озабочены здоровьем родителей и моим состоянием. Это мы чувствовали в каждой весточке от них, хотя и очень редко. И вдруг письмо от Галины из Хабаровска. А в письме моя спасительница прислала спички, но не в коробках, а на сернистой пластинке, и примерно полкилограмма соли. Такое количество соли стоило в это время на Урале 70 рублей!

Через некоторое время Галя отправила нам перевод на 400 рублей. На эти деньги можно было купить булку хлеба или 4–5 кг картошки. И больше ничего...

Я никогда не задавала себе этот вопрос, а теперь подумала: где люди брали «лишний» хлеб, чтобы даже продавать его?

Уже год я работаю на заводе. 1943 год, сентябрь. Как-то подходит ко мне начальник цеха и говорит: «Мария, ты знаешь, что при нашем заводе есть горно-керамический техникум, и мы хотим направить тебя в этот техникум на учебу». Я в полном недоумении: какая учеба? Кто будет кормить моих родителей? На мои вопросы начальник стал мне объяснять, что положение на фронтах улучшается, что скоро придет победа и т. д. и т. п. Пришла домой, рассказала обо всем родителям. Отец мой как будто ждал новость такого рода и подхватил ее с какой-то радостью, мне совершенно непонятной. Как мы будем жить? На что будем жить? И вообще, я привыкла к своей бригаде, к своим женщинам... Учеба в такое время мне казалась безумным шагом.

И все-таки меня уговорили и женщины в бригаде, и особенно категоричность отца. Я стала студенткой техникума. На слово поверили, что я в 1941 году закончила 8 классов, и приняли сразу на второй курс. Чудеса, да и только. Занятия начались в ноябре. Вряд ли можно назвать учебой то, чем мы занимались в техникуме. Я хорошо запомнила, как мы грузили кирпич в огромные пульмановские вагоны ежедневно, а из предметов, которые нам преподавали, запомнила уроки химии, на которых нас учили получать очень красивые разноцветные растворы... И все.

Где-то в январе или феврале 1944 года нам пришла неожиданная, но очень приятная новость. Галя прислала вызов, дававший право приезда на Дальний Восток. На основании этого вызова необходимо было получить пропуск. Как обрадовался папа! «Я скоро увижу своего первого внука!» – ликовал он. У Галины подрастал сын Игорь, мой племянник.

Но это была радость со слезами пополам. В это время мой отец худел на глазах. Врач, разводя руками, дала понять, что вряд ли что-нибудь нам поможет. Надо было торопиться с оформлением пропуска, который выдавался в райцентре Сухой Лог, находившемся в 15 км от г. Богданович. Начались мои хождения пешком в райцентр. Я ходила по кабинетам, но никто не собирался меня по-человечески выслушать или хотя бы внимательно прочитать то, что написано в моем документе. А здоровье папы ухудшалось с каждым днем...

Весна. 13 апреля. От Гали пришел перевод на сумму 300 рублей. Я купила на рынке кое-какую провизию. Ужин в этот день мы назвали «праздничным». Легли спать. Я долго не могла уснуть. На столе медленно догорала свеча (стеариновая, конечно). Наблюдаю за ней и думаю: так же в трудные, голодные военные годы уходило из жизни многие сотни тысяч людей.

Уснула. Среди ночи меня разбудила мама: «Маруся, вставай, что-то с папой происходит». Я вскочила, бросилась к отцу и в страшной растерянности стала трясти его, умоляя сказать ему, что с ним. Мой папа еле-еле приподнял правую руку, с большим трудом приблизил ее ко рту и дал понять, что не может говорить. Среди ночи я помчалась к знакомой женщине-врачу. Она открыла мне дверь и, поняв, что привело меня к ней в такой час, дала мне камфарный порошок, безнадежно развела руками... Стрелой я примчалась домой, залила порошок водой, напоила папу. Тело его стало теплеть... и также быстро стало холодеть.

14 апреля у меня не стало отца. Впервые я должна хоронить очень дорогого и очень любимого человека – своего папу. Мама в трауре.

Я пошла за помощью к директору техникума. Помогли с приобретением гроба. Выделили четверых мальчиков, которые выкопали могилу. День похорон. Подвода с гробом и кучером. За гробом мы с мамой идем, еле переставляя ноги. А за этой «процессией» бежит пес. Ну, прямо по Некрасову. Когда мы приехали на кладбище, ребята докапывали могилу. Земля еще не оттаяла. Копать было очень тяжело. Опустили гроб, засыпали мерзлой землей, не поставив никакого опознавательного знака, и ушли домой. Нас с мамой осталось двое.

Нежданно-негаданно. Уже прошло больше месяца со дня кончины моего отца. Я сделала еще одну попытку получить пропуск в райцентре. Но результат тот же.

Иду как-то из дома за хлебом (теперь мы получали 400 грамм на человека) и вижу: к колодцу приближается военный с чемоданом в руке, с рюкзаком за плечами, с шинелью, переброшенной через руку. Неужели! Глазам своим не верю: идет война. Правда, радио и газеты все чаще приносят вести о наших победах. Был май 1944 года.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Оказалось, что на помощь мне и маме с фронта приехал мой старший брат Семен. Приехал наш спаситель! Он не знал, что Галина прислала нам вызов. От такой неожиданности я только и могла на радостях броситься ему на шею. Стоим, окаменевшие, не в силах удержать слезы. «Как ты в такое суровое время смог приехать с фронта на Урал? Как тебя отпустили?» – посылала я череду вопросов на майора Советской армии. «Обо всем расскажу потом, а сейчас очень хочу поскорее увидеть маму, обнять ее, утешить, как смогу. Только очень прошу тебя, сестренка, я постою на улице, а ты пойдти и очень осторожно скажи маме, что я приехал», – попросил Семен.

Я так и сделала. Но не получилось у меня «очень осторожно»: слезы и волнение выдали мою тайну. Мама разрыдалась и, подняв руки вверх, пошла по коридору на улицу... Теперь нас трое, но с нами нет отца.

Первая просьба Семена: завтра же сводить его на кладбище, он должен, хотя бы стоя у могилы, сказать папе слова благодарности и попрощаться с ним...

Так мы и сделали. Но нас троих поджидало очередное горе. Среди сотен и сотен могил мы не смогли найти нашу, родную, папину. А как найдешь: все «усыпальницы» абсолютно одинаковые. Тут-то я поняла, что именно я (не мама же!) во всем виновата. Снова рыдания, слезы, причитания...

Вернулись домой. Семен рассказал, что командование Карельского фронта, узнав о том, что у майора Свинкина умер в тылу отец, предложило брату взять отпуск. Все понимали, что близится победа, и военное руководство сочло возможным отпустить Семена к родным на 10 дней.

На другой день мы с братом отправились в Сухой Лог за пропуском. Снова по шпалам 15 км туда и обратно. Но я же иду со своим спасителем, с любимым братом. И километры оказались короче, и ноги шли быстрее.

Наконец, мы в райцентре. Что ждет нас? Получим ли мы желанный пропуск? Я еще посмотрела на брата. Майор железнодорожных войск. Семен перехватил мой взгляд: «Не волнуйся, сестренка, мы получим нужные документы». Я сразу подумала, вспомнив свои прежние хождения: «Мои муки должны закончиться сегодня же». Мне казалось, что двери кабинетов сами раскрывались перед участником Великой Отечественной войны будто по волшебству. И вот необходимые документы у меня на руках. Назад, мне казалось, мы не шли, а летели.

Настало время приобрести билет на поезд Москва – Хабаровск. Стали собираться в дальний путь: снова вязали узлы, раздавали ложки-плошки, прощались с соседями. Трудно было это расставание: вместе работали, жили бок о бок два года...

3 июня 1944 года Семен с кем-то договорился, и к нашему барaku подъехал грузовик. Быстро погрузили все в машину, маму водитель взял в кабину, а мы с братом в кузове, с ветерком. Богдановичский вокзал. Семен пошел за билетами. Мы с мамой ждем. Волнение пронизывает меня с ног до головы. Что-то непонятное беспокоит. Вдруг видим: Семен впопыхах направляется к нам, весь чем-то озабоченный. Оказалось, что бесплатный билет может получить только мама, так как только она считается иждивенкой фронтовика Советской армии,

я же, как совершеннолетняя, такого права не имею. Но брат быстро нас успокоил (он умел это делать всегда), сказав, что его денег хватит на билет. И вот билеты куплены. Выходим на перрон и слышим: поезд Москва – Хабаровск отправляется через пять минут. Что делать? Надо же найти еще свой вагон. Но в подобных ситуациях мой брат (он же инженер путей сообщения) сразу же бросился к вагону начальника поезда и попросил задержать состав, что и было сделано.

Красные флажки у входа в вагоны были в руках у проводников еще минут десять, а Семен забросил наши вещи в тамбур ближайшего вагона. Наши объятия, поцелуи и прощания длились считанные минуты. Паровоз выдал гудок отправления, и состав тронулся. Мы даже не успели из окна увидеть нашего спасителя и помахать ему рукой.

Как Семен доберется до своей части на Карельском фронте: у него же нет ни копейки денег? Нас успокоили внимательные проводники. Оказывается участники войны, получающие временный отпуск, имеют литер на право проезда и талоны на питание в столовых при вокзалах и станциях. Боже мой, на сердце у нас с мамой снова отлегло!

Итак, мы в пути. Едем в такую даль, на Дальний Восток, в Биробиджан. Дело в том, что семья Галины в это время жила и работала на Биробиджанской сельскохозяйственной опытной станции, которая находилась в 60 км от областного центра и в 4 км от станции Бирофельд.

Я отвлеклась. Детали нашего пути я узнала лишь по приезде. А пока мы еще едем. Проехали Урал, Западную и Восточную Сибирь, озеро Байкал... Какой простор! Сотни и сотни городов с историческими названиями и исторической судьбой.

Не могу отделаться от мысли об отце. Остался он один-одинешенек в далекой стороне. Сможем ли мы когда-нибудь побывать на кладбище, поклониться праху отца, извиниться перед ним за содеянное нами, его детьми?

Наша остановка – город Биробиджан. На двенадцатые сутки мы прибыли в город, о котором я знала очень мало от соседней по Витебску. Их дочь Лиза Колина была актрисой Биробиджанского еврейского драмтеатра, директором которого был одно время известный русский писатель Эммануил Казакевич, автор многих произведений, в том числе повести «Звезда», по которой поставлен фильм с тем же названием.

Вышли мы с пожитками из вагона, и тут же нас встретила наша спасительница Галина – молодая интересная женщина, ей всего 33 года.

Как мы встретились, можно себе представить. Неужели это все правда? Да, мы с мамой приехали домой. Наш поезд Биробиджан – Ленинск отходил часов в семь вечера. Нас любезно пригласили к себе друзья Гали и Федора – биробиджанцы. Встретили нас как долгожданных гостей. Отдохнув и подкрепившись, мы уехали на вокзал в сопровождении друзей. На станции Бирофельд нас ждала машина с дорогим и любимым нашим зятем Федором Григорьевичем. Четыре километра промчались стремительно. И вот мы теперь в самом прямом смысле этого слова дома.

Защита и опора дальневосточных рубежей

Анна БЕЛЫХ

Духовная культура казачества юга Дальнего Востока. XIX – начало XX в.

В XVI–XVII вв. казаки-землепроходцы активно участвовали в освоении и присоединении к России огромных пространств от Урала до Тихоокеанского побережья. Основали первое русское поселение на побережье Охотского моря – Усть-Ульинский острог (И.Ю. Москвитин), начали освоение морских путей вдоль северо-восточного и восточного побережий Сибири (М.В. Стадухин), прошли Беринговым проливом (С.И. Дежнев), открыли и исследовали Камчатку и Курильские острова (Г. Анкудинов, В.В. Атласов, Д.Я. Анциферов), исследовали Амур и его притоки (В.Д. Поярков, О. Степанов) и т. д. Однако в конце XVII в. русское население вынуждено было покинуть берега Амура вплоть до середины XIX в., когда вслед за распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева начался новый этап в истории заселения и освоения Приамурья.

Первыми новые территории обживали забайкальские казаки. На них возлагалась задача охраны и защиты границ Российского государства на востоке, основание новых поселений, заведение основ сельского хозяйства, подготовка новых территорий для крестьян-переселенцев. Благодаря успешному переселению казаков на Амур в 1858 г. было основано Амурское казачье войско, а спустя 30 лет Уссурийское казачье войско – последнее по времени появления казачье войско Российской империи.

На первом этапе казачьего переселения (1854–1862) было переселено 16,4 тысячи забайкальских казаков, причисленных к войску крестьян и «штрафованных» нижних чинов линейных батальонов, которые основали 96 станиц и поселков. Селения были небольшими, состояли в основном из 3–8 дворов. В это время возникли станицы Покровская, Амазар, Усть-Зейская, Кумарская, Хинганская, Игнашинская, Бейтоновская, Ольгинская, Албазино, Толбу-

зино, Аносово, Казакевичево, Корсаково, Бибиково, Лончаково, Козловская и др. К началу XX в. Амурское и Уссурийское казачьи войска занимали пограничную территорию по рекам Амур и Усури, фактически линию от станицы Покровской на западе до выселка Забеловского на востоке и от Хабаровска на севере до верховьев реки Суйфун (р. Раздольная) на юге, на которой располагалось более 150 населенных пунктов.

Несмотря на небольшой срок существования, приамурские казаки смогли сформировать свой хозяйственно-бытовой уклад, соответствовавший в основе историческим традициям. Воспитанию детей в казачьей среде всегда уделяли большое внимание. Именно в семье дети получали первое образование, приобретали необходимые умения и навыки. Рождение мальчика воспринимали с большой радостью, несмотря на осознание всех неизбежных тягот и лишений, предстоявших ему в последующей взрослой жизни.

С самого раннего детства казака готовили к выполнению основного жизненного предназначения – к достойной военной службе Отечеству. В младенчестве мальчику дарили «на зубок» гильзы с порохом, фигурки коней, игрушечные деревянные сабли, ружья. Все эти предметы ребенок осваивал в играх со сверстниками, узнавал их предназначение, учился правильно ими пользоваться. В год казачонка впервые сажали на коня, а с трех лет обучали верховой езде и обращению с конем (уход, лечение при несложных заболеваниях и т.д.), умению держать шашку. К десяти годам казачата прекрасно владели основными приемами джигитовки.

Цесаревичу Николаю Александровичу, посетившему Приамурье в 1891 г., понравилось мастерство джигитовки молодых наездников. «В станице Поярковской внимание наследника Николая привлек десятилетний казачок, который несколько раз проскакал, стоя головой на седле с вытянутыми вверх ногами. «Дайте мне его сюда», – сказал наследник, стоявший на палубе парохода. Когда полковник Винников принес мальчика на пароход, наследник Николай спросил: «Как твоя фамилия?» «Влас Тюменцев», – громко и смело ответил тот. Наследник увел его за руку в свою каюту, а когда мальчик вернулся, его руки были наполнены серебряными монетами» (4, с. 147–148).

В подростках воспитывали храбрость, выносливость, верность слову, дисциплинированность, развивали способность к принятию самостоятельных решений в критических ситуациях. Воспитывали

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Показательные выступления казаков на плацу близ кадетского корпуса. Хабаровск. 1918

Празднование Дня Святой Троицы в станице Касаткиной

Семья казака Коренева. С. Покровка Бикинского района Хабаровского края. Начало XX в.

настоящих воинов, способных с честью защитить род, станицу, войско, Отчизну (11, с. 142).

Девочки-казачки получали в семье религиозно-нравственное воспитание, приобретали хозяйственные навыки, необходимые для каждой будущей матери семейства, учились ездить верхом, управляться с конем, быть сильными и выносливыми, в случае необходимости уметь принимать самостоятельные решения (11, с. 143).

Для повышения грамотности казаков создавалась сеть учебных заведений: поселковые, станичные, батальонные, полковые, бригадные и другие школы, в которых обучались и мальчики, и девочки. Лучшие ученики из станичных школ отправлялись в бригадные.

Наряду с обучением арифметике, русской грамоте и чистописанию мальчики получали профессиональные навыки: изучали землемерное, переплетное, столлярное дело. Дети участвовали в весенне-осенних занятиях в огороде, саду и на пасеке. Во всех казачьих школах были обязательными занятия гимнастикой, военным строем, изучение основ военной службы. С 1912 г. как учебное пособие по истории в казачьих школах Приамурья использовалась «Краткая история Амурского казачьего войска» Р.С. Иванова. При обучении девочек-казачек сочетались общеобразовательная подготовка и основы ведения домашнего хозяйства, рукоделия.

К 1910-м гг. казачьи школы существовали в 53 селениях из 92 на территории округа Амурского казачьего войска. В Уссурийском войске на 75 станиц и поселков приходилось 70 школ. Не имели своих учебных заведений лишь небольшие селения. Содержались школы за счет средств станичных правлений или войсковых управлений. Небольшие суммы на их содержание выделялись из государственной казны. Важную миссию распространения грамотности среди казачьего населения выполняли и церковно-приходские школы для детей нижних чинов, в которых изучали чтение, письмо, арифметику, катехизис и Священную историю (1, с. 79–84; 5, с. 65–73, 123).

Многие важные вопросы организации учебного процесса в казачьих школах решались благодаря учительским съездам, проходившим в 1899 и 1913 гг. Так, учебный год устанавливался с 1 октября по 15 марта. Сокращение количества учебных дней связано было, прежде всего, с земледельческой деятельностью

приамурских казаков. Кроме того, станичным сборам рекомендовалось устраивать при школах библиотеки, а для физического развития подрастающего поколения – гимнастические городки (7, с. 27).

Важную роль в жизни приамурских казаков играла православная церковь. Водворяясь на новом месте, казаки наряду с жилыми, хозяйственными, административными постройками возводили культовые здания – часовни и церкви. Близ храмов строились и дома для священно- и церковнослужителей. Одними из первых были построены церкви в станицах Кумарской, Екатерино-Никольской, Иннокентьевской, Усть-Зейской, Козловской, Буссе, Ильинской. В последующие годы построили храмы в ст. Албазинской, Екатерининской, Игнашинской, Черняевской, пос. Оренбургском и др. К началу 1910-х гг. в Амурском казачьем войске было возведено 24 церкви и 51 часовня, в Уссурийском же всего 14 церквей и 24 часовни. Храмы посвящались праздникам и особо чтимым среди казаков святым: святителю Николаю Чудотворцу, святому великомученику Георгию Победоносцу, святителю Иннокентию Иркутскому, покровителю амурских и уссурийских казаков – святому Алексию, человеку Божьему и др. (2, с. 106, 175; 5, с. 79; 6, с. 51–52; 10, с. 67).

В 1895 г. оренбургские казаки, которым выпало переселиться на Уссури и основать близ железнодорожной станции Бикин пос. Оренбургский, пообещали станичникам, что на новом месте обязательно построят храм в честь покровителя Оренбургского казачьего войска – святого Георгия Победоносца. В 1897 г. на собственные средства они построили часовню, где поместили икону св. Георгия и церковную утварь, привезенные из родных мест. А в 1902 г. в Оренбургском освятили церковь (10, с. 67).

Храм в честь св. Алексия появился в столице Приамурского генерал-губернаторства г. Хабаровске в начале XX в. Замысел строительства Алексеевского храма возник в конце XIX в. 19 ноября 1897 г. учредили специальный комитет по строительству нового храма. В 1900 г. приамурский генерал-губернатор Н.И.

Гродеков, вдохновленный героическими подвигами амурских казаков во время подавления Боксерского восстания на территории Маньчжурии, пожертвовал на сооружение казачьего храма в Хабаровске 10 тысяч рублей (9, с. 64).

Для приближения срока торжественной закладки каменного Алексеевского храма в январе 1901 г. был издан приказ по Амурскому казачьему войску, в котором выражалась надежда, что казаки примут горячее участие в сборе средств на строительство: «Командующий войсками округа и войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск, благодаря Всевышнего за дарованные войскам победы в Маньчжурии, пожертвовал 10 000 руб. на сооружение в Хабаровске храма во имя покровителя Приамурских казачьих войск, Алексия Божия человека.

Объявляя о сем войску, я уверен, что мысль главного начальника края построить храм Божий в память такого знаменательного события найдет себе у всякого казака самое горячее сочувствие, и амурцы с радостью примут посильное участие в сборе средств на сооружение этого храма, для чего войсковому правлению разослать начальникам участков, станичным атаманам и командирам полка и дивизиона подписные листы» (3, с. 212).

В 1903 г. по инициативе хабаровского духовенства на Артиллерийской горе, на пересечении улиц Барановской и Корсаковской (ныне улицы Ленина и Волочаевская) была сооружена временная деревянная Алексеевская часовня. В 1907 г. состоялась закладка каменного храма, освященного спустя семь лет, в начале октября 1914 г.

Приамурские казаки особо чтят образ Пресвятой Богородицы, именуемый Албазинская. В середине XIX в. по благословению свт. Иннокентия (Вениаминова) образ перенесли из Сретенска в кафедральный собор Благовещенска. С иконы были сделаны многочисленные списки и копии. Для Градо-Хабаровского Успенского собора список Албазинской иконы создали в Санкт-Петербурге по заказу хабаровского купца I гильдии Василия Федоровича Плюснина.

Иннокентий среди амурских казаков пользовался любовью и всеобщим уважением. Ревностный миссионер и проповедник, он способствовал распространению православия среди казачьего населения. При нем происходило активное строительство церквей, открывались церковно-приходские школы. Во время объезда епархии он бывал в самых отдаленных хуторах и станицах, всегда со вниманием выслушивал жалобы казаков, давал советы по улучшению организации хозяйства, воспитанию детей и пр. Прибытие владыки в казачью станицу, по словам Р.С. Иванова, всегда напоминало праздник: «все готовились, улицы чистили, целовальники скрывались, все свободные от работ выходили под благословение владыки...» (4, с. 99–100).

До конца XIX в. считалось, что среди приамурских казаков отсутствуют люди иного вероисповедания, в том числе протестанты и старообрядцы. Связано это было с тем, что отступившие от православной веры казаки приказами по войску исключались из войскового сословия. Однако, по информации Г.Е. Грум-Гржимайло, в конце 1890-х гг. среди амурских казаков насчитывалось 18 старообрядцев, которые скрывали от старших по званию свое вероисповедание (8, с. 30–31).

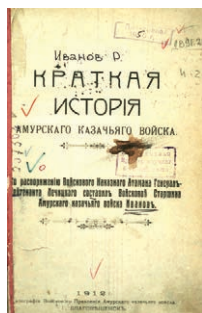
С принятием 17 апреля 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» лица, отпавшие от православной веры в иное христианское вероисповедание или вероучение, не должны были подвергаться более преследованиям. С этого времени заметное распространение в казачьей среде получают старообрядчество, духовное христианство, протестантизм. Однако казачье начальство продолжало активное сотрудничество с Русской православной церковью, поскольку видело в ней духовную основу казачества, в то время как казаки – приверженцы иных вероучений нередко отказывались от исполнения своего воинского долга, что негативно сказывалось в условиях начавшейся Первой мировой войны. Для борьбы с сектантством использовались в основном две меры: ведение миссионерской деятельности православными священнослужителями

Храм в честь св. Алексия, человека Божьего на Артиллерийской улице г. Хабаровска. После 1918 г. В 2019 г. исполнилось 105 лет со дня окончания строительства и освящения храма

Албазинская икона Божией Матери. Список изготовлен для Градо-Хабаровского собора Успения Пресвятой Богородицы. 1896

Обложка книги «Краткая история Амурского казачьего войска», написанной войсковым старшиной Р.С. Ивановым и опубликованной в 1912 г.

Церковь станицы Кумарской. Фото В.В. Ланина. Конец 1850-х

лями в районах, наиболее подверженных распространению ереси, исключение из войскового сословия всех последователей иных вероучений и высылка их лидеров из Приамурья (8, с. 31–33).

За полувековую историю существования приамурское казачество сложилось как самостоятельная структура среди казачьих войск Российской империи. Оно сформировалось как служилое полупривилегированное сословие, призванное закрепиться на восточных рубежах страны, обеспечить надежную охрану и защиту приграничных территорий. Культура казаков юга Дальнего Востока складывалась под влиянием разнородных факторов: природно-географических, климатических, этносоциальных. Однако процесс формирования самобытной, индивидуальной культуры амурских и уссурийских казаков в предреволюционный период не был завершен.

ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазова С.Б. Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX в. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Хабаровск, 2014. – С. 74–85.
2. Бутковская Н.В. Донской станичный округ Уссурийского казачьего войска. – Владивосток, 2011. – 520 с.
3. Вертопрахов Р.А. Памятка амурского казака // Амурские казаки. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания: в 2 т. – Т.1. – Благовещенск, 2008. – С. 175–227.
4. Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска // Амурские казаки. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания: в 2 т. – Т. 1. – Благовещенск, 2008. – С. 25–171.
5. Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Благовещенск, 2002. – 160 с.
6. Коваленко А.И. Религия в жизни казачества восточных окраин России // Религиоведение. – Благовещенск, 2008. – № 1. – С. 49–58.
7. Кузина И.Л., Андрианов И.К. Развитие системы школьного образования в казачьей среде Приамурья и Приморья в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2013. – № 4 (179). – С. 24–30.
8. Мурыгина Е.А. Распространение баптизма в среде казачьего сословия на территории Приамурья в начале XX в. // Религиоведение. – Благовещенск, 2007. – № 4. – С. 30–36.
9. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск, 2001. – 400 с.
10. Сиваков Т.В. Станица Бикинская Уссурийского казачьего войска // Казачество Дальнего Востока России в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. – Хабаровск, 2006. – С. 52–71.
11. Соснина Н.Н. Мирная жизнь казаков в XIX – начале XX века // Часовые Отечества. Из истории российского казачества. Каталог выставки. – СПб., 2006. – С. 139–142.

Сохраняя память о казачестве

Музей создан не только на наш век. Задача современников – дружными усилиями позаботиться, в назидание грядущим поколениям, сберечь все то, что наглядно будет напоминать прошлую историческую жизнь людей и настоящее их творчество.

Наказной атаман Кубанского казачьего войска
М.П. Бабыч. 1912

Казачьи музеи в России начали собираться еще до революции. Одним из первых появился Музей лейб-гвардии казачьего Его Величества полка, позднее Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей и Музей истории донского казачества. Создавая музеи, казаки стремились сохранить для потомков легенды, казачьи песни, вещественные образы старины. В музеях можно было увидеть не только бытовые предметы, но и именное оружие, знамена, награды и грамоты – все то, в чем проявлялась слава казачества.

19 апреля 1894 г. в Хабаровске при Приамурском отделе Императорского русского географического общества (ПО ИРГО) был создан естественно-исторический музей, и практически с первых дней его существования люди разных сословий, профессий, возрастов, объединенные любовью к Приамурью, начали дарить разнообразные коллекции. Свой вклад в становление и развитие музейного и научно-исследовательского дела внесли и дальневосточные казаки, желавшие видеть в музее источник просвещения и знаний. Так в дореволюционный период сложилась небольшая коллекция по культуре дальневосточного казачества.

Впервые вопрос о необходимости иметь в музее предметы по истории освоения Приамурского края, отражающие героическую историю возвращения России реки Амур во времена генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, для показа хабаровской публике поднял председатель ПО ИРГО, генерал-лейтенант Николай Иванович Гродеков. Уже в начале 1896 г. он разослал по казачьим войскам письма и телеграммы с просьбой прислать образцы старого казачьего оружия и обмундирования времен графа Н.Н. Муравь-

ева-Амурского. Казаки Забайкальского казачьего войска обмундирование для музея подготовили, о чем сообщил в письме Н.И. Гродекову Е.О. Мацевский.

Наказной атаман Забайкальского казачьего войска Евгений Осипович Мацевский (1893–1901) был высокообразованным и интеллигентным человеком. Находясь на посту губернатора Забайкальской области, он способствовал открытию Забайкальской духовной консистории, женского епархиального училища, женской гимназии, первого ремесленного училища, музея и библиотеки. Е.О. Мацевский поддержал инициативу создания в 1894 г. Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО и стал первым его председателем. Он активно заботился о пополнении коллекций не только Читинского музея, но и Хабаровского естественно-исторического.

По распоряжению Мацевского специально для показа в хабаровском музее «построены чекмень с шароварами в трех экземплярах: один конного казака с напатронниками, другой артиллериста и третий – пешего урядника; папаха пешего, фуражка конного казака и один ... кушак». Шаровары старого образца достать не удалось, по-

этому по распоряжению Мацевского в музее приняли решение доставить образцовые шаровары. Из средств канцелярии войскового правления на «постройку обмундирования» выделили 70 рублей, компенсировать затраты должен был ПО ИРГО. Доставку обмундирования осуществлял подполковник Белькович. Осталось неизвестным, была ли казачья униформа времен первых сплавов доставлена в музей, были ли перечислены средства ЗКВ за хлопоты по пополнению коллекций музея, так как на этом переписка обрывается (2).

В сентябре 1897 г. Мацевский отправил в хабаровский музей по просьбе Гродекова два ружья старых систем, бывших на вооружении казаков в прежние времена (5). «Две винтовки с принадлежностями к ним: одна из них системы Карле и другая

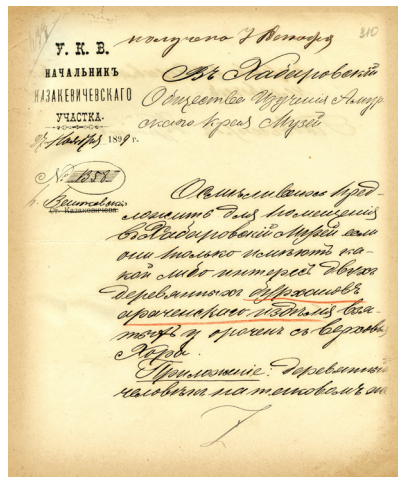
Наказной атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-майор Е.О. Мацевский. 1901

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

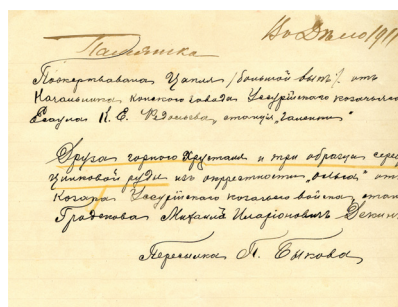
семилинейная» были присланы в музей в ноябре 1897 г. из п. Камень-Рыболов Приморской области. Более того, командир Уссурийского казачьего дивизиона войсковой старшина Токманов (?) уверил председателя ПО ИРГО Ивана Павловича Надарова, что в скором времени пришлет в музей и другое оружие старого образца, «если таковое будет у населения дивизиона» (4). Однако Гродеков запретил отбирать оружие, бывшее у казаков в собственности, и просил прислать лишь образцы, хранившиеся в арсеналах станиц Козловской или Казакевичевской, которые он лично обозревал. Прежде всего, речь шла о литтихском штуцере с двумя нарезками (10).

Летом 1901 г. музею пожертвовали деревянную пушку, сооруженную по проекту начальника 2-й дистанции II участка Водных путей Амурского бассейна А. Калюжного в ст. Черняевой Амурского казачьего войска в июле 1900 г. для защиты телеграфной линии от Покровки до Благовещенска от китайцев. Пушка была изготовлена из «дымогарной трубки, обвитой стальной телеграфной проволокой, нагревавшейся докрасна, в два ряда, казенная часть в три ряда, дно трубки заклепано пластинкой в дюйм толщины и обернуто проволокой и залито медью и вся трубка, с навитой на ней проволокой, облита медным припоем, таким образом получился род витого ствола, компактной массы, который в свою очередь был заключен в деревянный корпус, состоящий из 4 тщательно пригнанных березовых брусков, на который нагнаны в раскаленном состоянии бугеля из шинного железа. Пушка выдержала более ста выстрелов, ядрами и картечью. Заряд рассчитан пропорционально весу берданочного патрона и равен 3/8 фунта пороха. Стреляет довольно правильно в цель, для чего приспособлен выверенный пробной стрельбой прицел. Дальность полета картечи до 250 сажень, ядра до 1,5 верст...» (1).

Необходимо отметить, что от казачьих войск музей получал в дар не только вооружение, но и этно-

Письмо подъесаула Уссурийского казачьего войска Куртукова. 1899

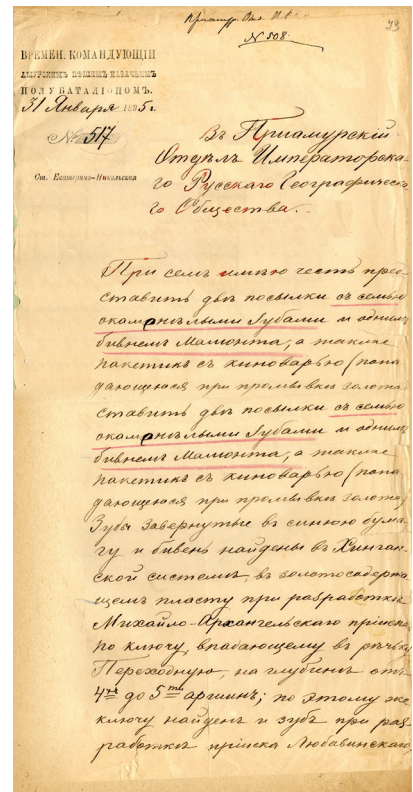

Памятка о пожертвованиях казаков Уссурийского казачьего войска, переданных через П. Быкова

Гроб китайского фудутуна*. Из альбома «Старый Хабаровск» А.П. Лукина. Начало XX в.

графические предметы, археологические, палеонтологические, энтомологические, зоологические и геологические коллекции. Подъесаул Куртуков (п. Венюковский) выслал в адрес музея «двух деревянных бурханов ороченского изделия, взятых у орочен с верховья Хора». Есаул К.Е. Федосеев, начальник конного завода УКВ на станции Галенки, пе-

Письмо есаула Амурского казачьего войска Н.К. Сотникова о присылке в музей палеонтологической коллекции. 1895

Телеграмма от войскового старшины Н.К. Сотникова о присылке китайского гроба. 1901

редал цаплю. Казак Михаил Илларионович Декин из ст. Гродеково Уссурийского казачьего войска – другу горного хрусталя и три образца серебро-цинковой руды (7).

Активно сотрудничал с музеем войсковой старшина Амурского казачьего войска Николай Киприянович Сотников. В 1895 г., тогда еще есаул Сотников, временно исполня-

* Наместник на правах губернатора провинции.

ющий обязанности командующего Амурским пешим казачьим полубатальоном, прислал в музей семь окаменевших зубов и бивень мамонта, а также пакетик с киноварью. Все находки были сделаны при разработке золотосодержащих пластов на приисках Приамурского края (Михайло-Архангельском, Любавинском, Генриховском). Через два года, в 1897-м, уже войсковой старшина Николай Сотников отправил Н.И. Гродекову четыре снимка ст. Радде. А в 1901 г. правление музея получило телеграмму, что в скором времени на пароходе «Нерчуган» будет доставлен новый китайский гроб (6).

Больше всего пожертвований поступило в музей от казака окружной станицы Козловской Уссурийского казачьего войска Прокопия Трифоновича Быкова, будущего первого препаратора музея. Еще до официального учреждения музея в начале 1893 г. он передал в дар 323 экземпляра жуков редких видов, вероятно, достигавших в длину 2 вершка; 60 экземпляров перепончатокрылых; около 420 – чешуекрылых; шкуры птиц, зверьков и черепах; спиртовые растворы рыб; рога гурана, образцы каменного угля, а также два бурхана уссурийских гольдов – Ганьки и Агбми, а позднее чучело сибирской белки (9).

Прокопий Трифонович Быков родился в 1866 г. в ст. Козловской на р. Усури. Отец его был терским казаком, попавшим на Амур в числе первых переселенцев. Быков окончил с отличием Иркутскую учительскую семинарию, работал учителем в Хабаровском городском 4-классном училище, служил в Казачьем Уссурийском дивизионе в Хабаровске. Однако из-за травмы ноги службу вскоре ему пришлось оставить. Быков был страстным охотником и рыбаком, с удовольствием участвовал в различных научных экспедициях по изучению Приамурского края и населявших его народностей. Писал статьи для газеты «Приамурские ведомости», издал книги собственного сочинения: «О гольдах», «Рыболовство и промышленность Приамурья», «Флора и фауна Приамурского края», пользовавшиеся огромной популярностью. Мог

изготовить чучело любого животного. Неслучайно именно ему предложили стать препаратором в учрежденном в 1894 г. естественно-историческом музее при ПО ИРГО. По словам дочери Быкова Елены Прокофьевны Шкеленко, в главном зале музея стоял примечательный экспонат – огромный сибирский тигр, которого ее отец добыл в уссурийской тайге и сделал из его шкуры чучело. В «Краткой истории Приамурского отдела ИРГО» говорилось, что «препаратором музея П.Т. Быковым были изготовлены крупные чучела: моржа, лося, 2 медведя, медвежонка, тигра с кабаном, калуги и других разных зверей: 12 зверей, 20 птиц и 9 рыб». Одновременно он преподавал в Николаевском городском училище. К сожалению, в музее Быков проработал недолго. 18 декабря 1898 г. Высочайшим приказом по военному ведомству его перевели в войсковое правление Уссурийского казачьего войска в качестве «исправляющего должность делопроизводителя». С 1900 по 1912 г. он исполнял обязанности эконома в Хабаровском

кадетском корпусе, преподавал переплетное дело и препарирование. Дослужился до надворного советника, что соответствовало чину войскового старшины в казачьих войсках. Сотрудничество с музеем Быков продолжил и в последующие годы. Он передал в его фонд более 50 этнографических предметов (в 1897 г., 1909 г.), коллекцию бабочек (1901 г.) (3). П.Т. Быков сотрудничал со многими научными учреждениями Российской империи. Известно, что он оказывал неоценимую помощь в изучении отечественной фауны Русскому энтомологическому обществу в Санкт-Петербурге, куда посылал для исследования собранные коллекции бабочек (8).

К сожалению, судьба казачьих коллекций дореволюционного периода, которые сегодня хранятся в Гродековском музее, туманна. При поступлении составлялся лишь краткий перечень передаваемых предметов и записывалось имя дарителя. Подробные описания, естественно, отсутствовали, что в настоящее время затрудняет атрибуцию многих дореволюционных коллекций.

ИСТОЧНИКИ:

1. Копия докладной записки начальника 2-ой дистанции II участка А. Калюжного – начальнику Управления Водных путей с объяснением при каких обстоятельствах была сооружена деревянная пушка для защиты от ихэтуаней, 1901 г.; Письмо начальника Управления Водных путей амурского бассейна, инженера А.М. Валуева – директору Хабаровского музея ПО ИРГО С.Н. Ванкову об отправке копии докладной записки А. Калюжного, 29 октября 1901 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 790–791, 792.
2. Копия письма наказного атамана ЗКВ Е.О. Мацеевского об отправке в музей казачьего обмундирования – Н.И. Гродекову, г. Чита, 10 мая, 1896 г.; Письмо председателя войскового хозяйственного правления ЗКВ – начальнику хозяйственной части казачьего отдела Приамурского военного округа полковнику А.А. Милюшину, г. Чита, 11 октября 1896 г.; Письмо полковника А. Милюшина – председателю ПО ИРГО Н.И. Гродекову, г. Хабаровск, 19 ноября 1896 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 139, 163, 171.
3. Материал взят из ст. Мельниковой Т.В. «Первый препаратор Хабаровского краеведческого музея» // Записки Гродековского музея. – Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 132–138.
4. Письмо войскового старшины Токманова – И.П. Надарову, ноябрь 1897 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 225.
5. Письмо Е. Мацеевского – Н.И. Гродекову, сентябрь 1897 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 215.
6. Письмо есаула Н.К. Сотникова о присылке в музей палеонтологической коллекции, ст. Екатерино-Никольская, 31 января 1895 г.; копия письма Н. Сотникова о присылке четырех фотографических снимков ст. Радде, г. Благовещенск-на-Амуре, май 1897 г.; Телеграмма от войскового старшины Сотникова о присылке китайского гроба, г. Благовещенск, 1901 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 73, 190, 80Б.
7. Письмо начальника Казакевичевского участка подьесаула Куртукова, п. Венюковский, ноябрь 1899 г.; Памятка о пожертвованиях казаков, переданных через П.Быкова; Копии благодарственных писем, посланных казакам К.Е. Федосееву и М.И. Декину // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 310, 594Б, 595Б, 596 а, б.
8. Письмо от Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге, 7 марта 1901 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 819.
9. Список жертвователей 1893 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 71, 72.
10. Черновик письма И.П. Надарова – командиру Уссурийского казачьего дивизиона, 4 января 1898 г. // Архив ХКМ, Фонд 102, опись 1, дело 1, лист 242.

Там вдали, за рекой Черного дракона

Геннадий Константинов, Виталий
Ляшковский. Китайская диаспора в
Хабаровске. 1858–1938, Дальневосточный
издательский центр «Приамурские
ведомости», Хабаровск, 2019

Дмитрий БАЛЬБУРОВ

Максим Горький в статье «О «Библиотеке поэта» писал: «...не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего». Периодически вспыхивающий в российском обществе алармизм по поводу «желтой угрозы» или, наоборот, вселенское благодущие, от блогеров-«всепропальщиков» до штатных пропагандистов базируются как раз на незнании прошлого в отношениях России и Китая.

Кто эти низкорослые, шумные, безвкусно одетые люди с иных берегов и другой галактики, увешанные фотоаппаратами, заполонившие все достопримечательности страны от Санкт-Петербурга до Владивостока? Друзья или враги нам джентльмены в безупречных смокингах, презентующие очередные достижения хайтека или потрясающие воображение инфраструктурные проекты? Чего ждать от вышколенных солдат, марширующих по площади Тяньаньмэнь, – боевого братства или выстрела в спину? Мечтают ли о сибирско-дальневосточной землице хэйлунцзянский рисовод и поваренок на шанхайской улице Долуньлу? Новая книга Геннадия Константинова и Виталия Ляшковского «Китайская диаспора в Хабаровске. 1858–1938» скрупулезно, год за годом, судьба за судьбой, история за историей приближает к ответу на эти вопросы.

Никак иначе

Китайцы появились в пределах Российской империи потому, что не могли не появиться. До Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров границы двух держав как таковой не было, да и потом долгие годы существовала только на картах. Это для нелегалов. А легаль-

ных мигрантов российские власти позвали сами, так как требовались трудовые ресурсы для освоения края. Авторы книги пишут: «Идея использовать китайскую рабочую силу родилась в Инженерном управлении Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, находившегося в Иркутске... Расчеты показали, что китайские рабочие обойдутся казне гораздо дешевле, чем рабочие из европейской части России. Реализация плана на строительство казенных объектов в Приамурье была поручена инженер-подполковнику Павлу Федоровичу Унтербергеру, будущему Приамурскому генерал-губернатору, окончившему Николаевскую инженерную академию... Удавшийся первый опыт использования китайской рабочей силы в Хабаровске открыл широкий доступ китайских рабочих в край, и вскоре инженерное ведомство перестало чувствовать недостаток рабочей силы».

К 1908 году китайцы составляли четверть населения Хабаровска, а во Владивостоке вообще 35,5 %. Весь нынешний Океанский проспект этого портового города был обжит выходцами из Поднебесной и назывался Китайской улицей.

Спустя 10 лет новая власть стала предоставлять им советское гражданство, хотя этим правом воспользовались немногие: по данным Далькрайисполкома, приведенным в книге, в 1926 году китайцы составляли 41,3 % от общего числа иностранцев в регионе, треть всех городских рабочих Приморья, причем лишь 2 % из них были гражданами СССР, 5 % проживали здесь постоянно, а 94,9 % оставались подданными Китая.

Конец диаспоры на российском Дальнем Востоке случился в 1930-е годы, после военного конфликта на КВЖД. Сначала Сталин принял меры по укреплению границы, которая все десятилетия после подписания Пекинского договора была прозрачной. В 1931-м в СССР из-за начавшейся японо-китайской войны она стала полностью «на замке», а спустя еще шесть лет НКВД издал приказ «Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР», невероятно жестокий даже для начавшегося Большого террора. Все без исключения пересекающие границу люди подлежали тюремному и лагерному заклю-

Хабаровскъ. Китаецъ, торгующій орѣхами. 18.
Изд. Н. В. Гутманъ.

Китайский торговец

Китайцы в Хабаровске

Хабаровскъ. Типъ китайца рабочаго.
Изд. Н. В. Гутманъ.

Китайский рабочий

Инженерно-технические работники, мастера и китайские рабочие на строительстве «Арсенала»

Китайская кумирня в Хабаровске

Китайский парикмахер

чению, а пограничники, как часть НКВД, совместно со следственными органами получали право палачей. Под сталинский паровой коток попали даже идеологически близкие бойцы партизанских армий Северо-Восточного фронта, спасавшиеся от японо-маньчжурских войск. Правда, большинство дел было прекращено за недоказанностью обвинений. Бывшие партизаны стали ис-

пользоваться в разведывательно-диверсионных акциях против Квантунской армии, а в 1942-м из них сформировали целую стрелковую бригаду, которая сыграла важную роль в Маньчжурской стратегической операции РККА в августе 1945-го.

Этнические китайцы, постоянно жившие в советских городах, тоже, как правило, были репрессированы по

обвинению в шпионаже. Так, в Хабаровске за два года «ежовщины» арестовали 950 человек, из них 200 имели советский паспорт. Помимо расстрелов и ГУЛАГа к ним применялась и такая странная по нынешним временам мера, как лишение гражданства и изгнание с территории СССР.

Окончательно китайские совграждане исчезли как явление во второй половине 1950-х годов в результате раскола в международном коммунистическом движении и двустороннего дипломатического конфликта. На этот раз выселению на историческую родину и конфискации имущества подлежали сельские жители.

В рассматриваемый период отношение властей и общества к китайцам делится на четыре этапа: рабочая сила – до начала 1900-х годов, «желтая опасность» – до 1914 г., братья по классу – 1917–1931 гг., потенциальные японские шпионы – 1931–1938 гг. Видимо, в современной России власть энергично тащит общество из второго этапа в третий.

В пронзительно-печальном рассказе Михаила Булгакова «Китайская история», совершенно в джеклендовском стиле, маленький ходя заблудился на русской тропе ложных солнц. Несколько историй без начала и почти без связей. Я тоже не буду делать изложение Константинова и Ляшковского, ограничившись отдельными кусками жизни – как если бы читатель заглянул в окно, увидел человека, пишущего письмо, и прошел мимо. Целную картину знают авторы книги «Китайская диаспора в Хабаровске. 1858–1938».

Последний паладин

Августовское солнце безжалостно выжгло пыльные улицы Цицикара с глинобитными фанзами, и даже Нэньцзян, прекрасная в остальные сезоны, сейчас помутнела и ослабла. Или ее воду выпили тысячи боевых коней проклятых варваров-вэйгуй, приближающихся к Цицикару во всем блеске дьявольского оружия, или Небо желает оказать своему последнему паладину поддержку.

Хэйлунцзянский цзяньцзюнь (губернатор) Шоу Шань главный знак Неба увидел вчера и решение принял, поэтому больше не раздумывал. Невзирая на жару, с утра надел тяжелые боевые доспехи славных предков – латы, высокий шишак, опоясался мечом дао, совершил необходимый ритуал в одной из двух пагод, примыкающих к скромному губернаторскому дому, который отличался от домов богатых купцов и землевладельцев только ярко-красной черепицей. Лег в заранее приготовленный гроб из красного дерева. Яд, сделанный старым слугой Сюном из смеси опиума и самородного золота, должен был начать действовать вот-вот.

Сколько себя помнил, Шоу Шань всегда сражался с варварами, рвущими сейчас на куски обессилевшую прекрасную родину. Он родился под гром канонады во время второй опиумной войны с англичанами, требовавшими свободы травить народ хань адскими зельями из Индии, и тайпинского восстания, в котором его отец и все родственники-мужчины твердо стояли на сторо-

не Сына Неба Сянь-ди. Ведь южане-тайпины, известные своим строптивым характером, мечтали изгнать и уничтожить саму божественную династию Цин. В тот год многоволосяе русские, воспользовавшись ситуацией, выкрутили руки слабавольному императору и окончательно оттяпали огромные территории по левому берегу реки Черного Дракона – те, которые принадлежат Срединному государству по велению Неба.

Потом Шоу Шань пережил восстание торгашей-няньцзюней и полуварваров хуэй (мусульман). Именно тогда он твердо решил стать великим воином и генералом, чтобы спасти родину от непрерывной череды унижений и позора. Люди забыли моральные законы Конфуция, воинские наставления Сунь-цзы и мудрые советы лучезарного Канси. Да и сам малолетний император под влиянием подлой лисы Цзэн Гофана капитулировал перед трусливыми, но нахальными французами и объявил курс на европеизацию.

Вслед за вэйгуй оживились японские демоны, всегда подражавшие тем, кто сильнее и умнее их. Они украли у народа хань письменность, оружие, принципы управления, бытовые вещи, боевые единороства, а теперь претендовали на землю Корё, которая всегда была вассалом Сына Неба. Сражаясь с японцами, Шоу Шань сделал стремительную воинскую карьеру, попал в поле зрения императора и за заслуги перед отечеством был назначен начальником пограничной стражи в родной Айгунь, что напротив русского Благовещенска. На новой должности развил бурную деятельность по улучшению охраны и добился от двора денег на поездку в Нагасаки, Владивосток и Хабаровск, как сказали бы сейчас, для обмена опытом.

Увиденное повергло его в уныние, переходящее в ярость, особенно в России. Полбеда, что у многоволосях дальноточные и точные винтовки Мосина, скорострельная артиллерия, быстроходные речные суда, дисциплинированные, отлично оснащенные солдаты, проводная связь и множество других технических чудес. Ярость вызывало другое: соотечественники хуацяо, массово нанимавшиеся на грязные и унижительные работы к варварам – каменотесы, прачки, землекопы, мусорщики, слуги, и все довольны жизнью; а также неискоренимое чувство превосходства и снисходительности, которое при встрече с подданным Поднебесной излучали все русские, от вежливых чиновников губернатора Гродекова до добродушных стражников-казаков. И даже русскоподданные хань как будто выше ростом, шире в плечах и увереннее в манерах, словно не у него, Шоу Шаня, за спиной стоит величайшая империя мира!

Собрав старшин хуацяо в Хабаровске, он произнес краткую, но внушительную речь, потребовал готовить оружие, и в час, когда прикажет император, выйти на улицы поганого города, стрелять варваров и жечь их дома. Ведь русские взялись строить железную дорогу прямо по плодородным житницам северного Китая и своими дешевыми товарами обрекли на голодную смерть сотни тысяч торговцев, ремесленников, извозчиков, крестьян. Старшины стыдливо опустили глаза, подергивая косами, и тут встал рослый усатый по русской

Шоу Шань в военном облачении

Подполковник Генерального штаба А.Ф. Богданов (слева) и Шоу Шань (в центре)

моде, в очках для солидности купец чуть моложе Шоу Шаня, назвавшийся Владимиром Ехоалиным. Он заявил, что верит в русского Бога и царя с его благородными, в отличие от китайских, чиновниками, желает всем дружбы и процветания, китайцы здесь имеют честную миску риса, а если Шоу Шань продолжит враждебную деятельность, то он, как патриот новой родины, доложит властям. У взбешенного Шоу Шаня перекоилось узкое европейски лицо, но он сдержался и молча вышел.

Яд все еще не начал действовать. Защитник империи вспомнил, как в начале этого года получил должность губернатора. Она хорошо звучит в мирное время, но не сейчас, когда император и восставшие ихэтуани вцепились друг в друга. Не обращают внимания на то, как восемь варварских государств, осатанев от запаха крови, рвут на части павшего исполина, презрительно называют ихэтуаней боксерами, то есть уличными бродягами, драчунами.

Открыли порты, впустили иностранцев.

А они свирепее тигров и волков.

Питаются человечинной и пьют людскую кровь.

Народ отощал, как скелет.

В Китае – горы серебра,

В Китае – горы золота.

А иностранцы жаждут их захватить.

Простой народ воспылал гневом,

Не отдает золото и серебро,

Сохранит драгоценные горы и реки.

Сейчас Шоу Шань ясно понимал, что дело всей его жизни проиграно. Хотя грозные прокламации китайцам в Хабаровск и другие русские города не остались незамеченными, эффект от них оказался слабым. Полиция и казаки давили отдельные выступления смельчаков. Гродеков при кажущейся добросердечности оказался решительным и жестким противником, не колеблясь направил войска в Айгунь и Харбин. Русские разгромили отряды Шоу Шаня и ихэтуаней в нескольких сражениях, Пекин пал под натиском соединенных армий. Здесь, в Цицикаре, войска постыдно разбежались при одном

известии о приближении русских, забыв о долге и чести. Но самое страшное – император предал его, своего последнего солдата. На днях пришла правительственная депеша с требованием начать переговоры с захватчиками. Подумав, дал ответ, исполненный достоинства: «Никогда цзяньцзюнь не будет встречаться для переговоров о мире с иностранными войсками, которые топчут его землю». Зачем жить, если само Небо потемнело над империей?

Яд все не действовал. Конечно, старый дурак Сюн перепутал рецептуру. Вздохнув, губернатор кликнул его. Когда тот явился, приказал:

– Достань пистолет и выстрели мне в лоб.

Верный Сюн был вышколен, и на его морщинистом скуластом лице не мелькнуло и тени удивления. Торопливо удалился, пошуршал в дальней комнате и вернулся с новейшим немецким «люгером». Нет, единственное оружие, от которого Шоу Шань примет смерть, должно быть истинно китайским! Досадливо он указал на стену, где висел длинный фитильный тайцян, славное ружье времен опиумных войн. Ровным голосом подсказал слуге, как прочистить ствол, заложить на полку порох, забить пулю и спустить курок. Для него запели небесные флейты ди, он вступил в нефритовый зал и уже не видел, как бородатые казаки, ворвавшиеся в дом губернатора, с любопытством рассматривают труп тщедушного маньчжура в старинных доспехах.

Волочаевские дни

Вестовой постучался как всегда не вовремя – едва военный министр Дальневосточной республики опрокинул в себя добрую порцию морозной, как январская стужа за окном, водки. Вновь заняла тягучей противной болью левая сторона тазобедренного сустава – память об австрийской гранате в 1915-м – и приходилось гасить ее испытанным способом.

– Товарищ командир, к вам китаец просится... Ну, тутошний, хунхуз который, – совсем не по-уставно-

*Василий Блюхер,
главнокомандующий народно-революционной армией,
военный министр ДВР*

Командир красного китайского полка Жэнь Фучен (третий справа во втором ряду) среди своих товарищей

Китайские бойцы Красной армии

му доложил этот лапоть с неистребимым ярославским говорком. Министр поморщился. Во-первых, он недолюбливал земляков, во-вторых, никак не удавалось привить настоящую пролетарскую дисциплину в народно-революционной армии ДВР, сборище вчерашних партизан и бандитов. В-третьих, сейчас надо было думать о штурме станции Волочаевка и разгроме генерала Молчанова, исправлять ошибки труса и паникера Серышева, сдавшего Хабаровск без боя. Но боль в левом боку не давала мыслить, как в славные дни Каховки и Перекопа, столь же нестандартно и дерзновенно. Министр погладил орден Красного Знамени на своей кожаной тужурке.

– Ладно, зови.

В клубах морозного пара вошел высокий китаец лет 40–45 в полушубке и шапке с красной звездой. У него было подвижное лицо, умные хищные глаза и тонкая щетинка усов, где заметно пробивалась седина. Он говорил медленно, на хорошем русском языке.

– Здравия желаю, товарищ главнокомандующий. Может быть, вы меня знаете. Сунь Цзиу, командир китайских партизанских отрядов в Приамурье и Приморье.

– Знаю. Постышев о вас говорил, вы вместе воевали с японцами, – ответил министр. – Вы привели свои отряды в подмогу? Очень хорошо, у нас каждый штык на счету, а завтра в бой.

– Я по другому делу, товарищ главнокомандующий. Расскажу сначала о себе. Когда я был совсем молод, мы с братом взяли мечи и присоединились к ихэтуаням, которых у вас называли боксерами. Мы сражались против капиталистов за народное счастье, но счастье отвернулось от нас, и наше восстание было подавлено мировым империализмом, в том числе русским царем. Мой брат погиб в бою, а я, захватив его двухлетнего сына, скрывался в приамурских лесах. Много лет я жил охотой и собирательством, защищал своих земляков от казаков, купцов и царских чиновников...

Министр сделал нетерпеливый жест, но китаец не дрогнул и продолжил ровным голосом.

– В 1913 году я приехал в Хабаровск и устроился рабочим на мельницу известного капиталиста Тифонтая... Вы знаете его? О, это самый жестокий, алчный, бесчестный и подлый человек из народа хань. Ради выгоды он принял русское подданство и веру, вошел в доверие к властям и показывал на каждом углу любовь к новой родине. Конечно, его патриотизм был сплошным лицемерием. Но именно на его мельнице я познакомился с большевиками и вступил в партию в 1918 году.

– А я в 16-м... Дальше!

– В мае того же года я по заданию партии выехал в тайгу и повел большевистскую пропаганду среди моих земляков-отходников и зверопромышленников. Скрывать не буду: почти все они были хун хуцзы («краснобродые», т. е. бандиты по-китайски. – Авт.), которых вы

называете хунхузами. Мне пришлось возглавить боевые отряды и проводить экспроприации экспроприаторов, чтобы не допустить среди них пропаганду Японии и маньчжурского генерал-инспектора Чжан Цзолина. Мой отряд в тысячу штыков и двести сабель стал хозяином уссурийской тайги, и именно мы дали отпор в Хабаровске японским интервентам в апреле 1920 года.

«Во всякой войне каждый приписывает победу себе, а поражение другому», – вспомнил министр слова негибкого вождя победоносной Красной армии Льва Троцкого, своего кумира и учителя. Самовлюбленный хунхуз ему начал надоедать, да и бок требовал новой порции огненной болеутоляющей жидкости.

– Товарищ как там вас... Хватит! У меня нет времени выслушивать вашу биографию. С этим – в Дальбюро!

– И все-таки послушайте, товарищ главнокомандующий, потому что речь идет о важных международных делах. В прошлом году, еще до вашего прибытия на Дальний Восток, я во главе отряда в 500 штыков перешел на территорию Маньчжурии из Бикина и сразился с бэйянскими правительственными войсками. Возле поселка Ин-сун-хао я нанес им сокрушительное поражение. Мой отряд возрос до тысячи бойцов за счет присоединившихся беднейших крестьян и мелких ремесленников. Затем я захватил город Чи-ча-хы и взял много трофеев – винтовки, мануфактуру, продовольствие. На реке Мо-мю-хэ я снова разгромил бэйянские войска. Теперь у меня была целая бригада в 3,3 тысячи человек, которую я разделил на полки по 900 в каждом. Мои солдаты, вдохновленные идеями товарищей Троцкого и Ленина, горят желанием идти в глубь Китая на помощь революционной провинции Гуандун и доктору Сунь Ятсену... Вы знаете Сунь Ятсена?

– Слышал. Дальше!

– Что-то мне подсказывает, что вы узнаете его больше... Это великий человек. Но моей армии остро не хватает оружия и боеприпасов. Русских винтовок всего 200 штук, японских 800, китайских 500, и патроны есть только к китайским. Поэтому я здесь.

– Так вы за оружием приехали? – взорвался министр. – Сейчас, когда беляки укрепились на Волочаевке, и завтра мы пойдем в бой против превосходящих сил? Да у нас самих сильная нехватка оружия, мало пулеметов и пушек! Нам с чем воевать? Трупам врага заваливать?

Сунь Цзиу молча достал из-за пазухи пакет с сургучовой печатью правительства ДВР и протянул собеседнику. Министр мрачно надорвал воцеленную бумагу, достал депешу на правительственном бланке и пробежал глазами: «Главнокомандующему НРА ДВР, военному министру правительства ДВР тов. Блюхеру В.К. Товарищ Блюхер! Международная обстановка складывается так, что именно Китай должен стать следующим этапом всемирной пролетарской революции... учредительный съезд коммунистической партии Китая в Шанхае провозгласил конечной целью построение социализма... товарищ Ли Дачжао договорился с Сунь Ятсеном... бэйянская клика... так-так-так... милитарист Чжан Цзолин в Маньчжурии мобилизовал в свою армию 11 тысяч хунхузов... То-

варищ Сунь Цзиу пользуется непрекращаемым авторитетом среди соотечественников по обе стороны границы, в том числе среди хунхузов... установление советской власти в северо-восточном Китае в числе первоочередных задач, сформулированных Совнаркомом, вождями мировой революции тт. Лениным и Троцким... Сегодня получена шифротелеграмма за подписью тов. Ленина и наркоминдела тов. Чичерина об усилении деятельности на восточном направлении, в связи с чем... так... оказывать Сунь Цзиу всемерную помощь и поддержку».

Василий Блюхер потерял свою наголо бритую голову, затем вызвал вестового.

– Начальника штаба ко мне. Пусть подготовит приказ о выделении трех подвод с патронами и винтовками Мосина и «арисака» товарищу Сунь Цзиу.

Цирк на улице

Это был замечательный ходя, настоящий шафраный представитель Поднебесной империи, лет десяти, а может быть, и 20? Охотно откликнулся на имя Мишка, а его китайское имя никто из русских не знал. Маленький, гибкий, загорелый до черноты, хотя только май на дворе, лютые морозы с ветрами закончились, а удушающая жара еще не наступила. По субботам он появлялся на хабаровской Соборной... извините, Красной площади, напротив бывшего доходного дома Плюснина. Сбрасывал с плеча прямо в пыль небольшой мешок, извлекал оттуда деревянного Будду, ароматические палочки, пару эмалированных чашечек и еще какую-то мелочь. Мишка – уличный фокусник и гимнаст.

Местные мальчишки знают его, поэтому они всегда его первые зрители. Вторыми собираются Мишкины соплеменники, народ любопытный, готовый часами ротозейничать на любом представлении. Только потом подтягиваются русские прохожие, а к их сбору Мишка уже размялся и начинает выделывать самые затейливые колленца. Вот он выгнулся назад дугой, кинул себя в грязную пятку, покотился как колесо по кругу, успевая командовать зрителям: «Кургома, порше, порше! Ходи, ишол!» Остановился, выпрямился, высоко подпрыгнул и упал горизонтально навзничь, ничуть не помогая себе руками. Вскочил еще раз и повторил прыжок, приземлившись уже ничком, ни на сантиметр не отвернув чумазое лицо с носом-пуговкой и веселыми глазками. Встал на колени, поставил чашку себе на лоб и медленно наклонился назад до касания головы и пяток – чашка не шелохнулась. Толпа одобрительно загудела: «Ишь, какой ловкий ходя!.. У него руки-ноги назад гнутся, вот это да!.. Костей нет!»

Как только градус симпатии возрос, Мишка схватил вторую чашку и пошел по кругу: «Твоя давай! Быросай деньги, морозеда!» Он хороший психолог, чувствует настроение людей всей кожей, даром что почти не моется. Женщин можно разжалобить, упирая на то, что ребенок, военному сказать: «Длавлению, товалиса! Моя больсевика, молодой, холосая», а рабочего покрыть трехэтажным – русские парни обычно гогочут и добреют.

Гимнастические упражнения всегда перемежались с фокусами и русскими песнями, надо же перевести

Бродячие музыканты

Китайский артист

дух. Фокусы у Мишки немудрящие, но все равно никто из зрителей не мог их разгадать. Брал, например, свои чашки, демонстрировал всем: «Сымастри, ходя, пусзидой? Рукава засуци холосо», ставил чашки вверх дном прямо на землю, засучивал рукава заношенной до дыр курточки, доставал два тряпичных шарика величиной с голубиное яйцо. Раз! Шарик исчез прямо из ладоней. Мишка взял деревянного Будду, пошептал что-то, коснулся ароматической палочкой, дунул... Два! Перевернул чашку – а оба шарика там. Зрителей становилось больше, и они щедрее бросали монетки.

Еще русские очень любили песни в мишкином исполнении. Вот и сейчас он запел с широченной улыбкой: «Ехаррр ярмарки ухарр купеза, ухарр купеза, шибак морозеза!», подбоченился и пошел вприсядку. Это был апофеоз мишкиной славы. Какой-то военный с выправкой царского офицера бросил в подставленную чашку не обычные полкопейки, а большую монетку в 50 копеек. Мишка быстро стрельнул смыслеными глазками, сделал еще круг и уткнулся в того же офицера, но спутал с кем-то другим – как жаль, что русские похожи друг на друга!

– Твоя давай!

– Я же только что дал, дружок, – удивился военный.

– Когда давай? Чера давай! Тебе люби бери, не люби давай, – засмеялся Мишка. Толпа была явно на его стороне. Военный оглянулся и неожиданно произнес вполголоса на мандарине:

– Тебя как зовут по-настоящему?

Говорил он с сильным акцентом, но вполне понятно. Мишка перестал смеяться и теперь уже сам оглянулся вокруг с удивлением.

– Ли Чэн.

– Где живешь? Отец, мать есть?

– Нет никого... живу в доме старого Чжан Юя, он меня кормит, а я отдаю деньги. Сегодня похлебку из бобов обещаю.

– Ничего, товарищ тезка! Скоро, очень скоро и на твоей родине будет справедливая власть, будешь есть досыта и носить хорошую одежду. Я обещаю.

Сказав это так, что шумная толпа и не расслышала, на каком языке они шепчутся, военный повернулся и зашагал по улице Карла Маркса в сторону штаба войск, а маленький Ли Чэн смотрел вслед, не обращая внимания на возгласы зрителей. Он не знал, что это был Михаил Куманин, бывший подпоручик царской армии, а сейчас первый военный советник Чжоу Эньлая. Китай все глубже погружался во тьму бесконечной гражданской войны, теперь сцепились коммунисты и Гоминьдан. Пройдет несколько месяцев, и войска Фронтального комитета восстания товарища Чжоу откроют масштабные боевые действия против узурпатора Чан Кайши. С этого момента начнется история Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Шел 1927 год.

Крылья колхоза

Нынешнее празднование Великой Октябрьской социалистической революции – хоть и некруглая (19 лет) дата, но самая радостная для него, Николая Ивановича Ли Гуй-чина, да и всего колхоза «Кантонская коммуна» в восьми километрах от Хабарововска. Потому что в этом году сбылась его давняя мечта – на деньги колхоза, а также всех китайских и корейских тружеников полей и огородов края был построен и подарен государству и лично товарищу Сталину самолет «Коминтерн».

Накануне праздника в конторе собрались чуть ли не все 200 колхозников, даже бригадир свиноводов Чен Вэн-зун, круглые сутки хлопочущий над своими поросятами. Стол покрыли роскошным кумачом (подарок Далькрайкома в придачу к почетной грамоте прошлого года, официально свидетельствующей, что «Кантонская коммуна» теперь колхоз-миллионер), за ним расселись десять передовиков производства, удостоенных чести полетать пассажирами на новеньком «Коминтерне». В центре, под портретом Сталина, восседал счастливый Николай Ли. Вопросов была тьма-тьмуца: как этот самолет выглядит? Правда ли, что он железный? Страшно ли летать? Как выглядит земля сверху? Передовики рассказывали наперебой, словно восхищен-

ные мальчишки, один Николай старался держаться солидно, как подобает знатному бригадиру овощеводов и комсомольцу.

Пока тракторист Цао Бо-чин, парниковод Чан Дин-фу, Вася Ин Шу-гун и другие счастливики перебивали друг друга, Николай вспоминал, как все начиналось. Он приехал в Хабаровск учиться в агротехникуме девять лет назад, да так и остался – все благодаря товарищу Ли Фу, первому председателю, который умел зажечь соотечественников идеями передового коллективного хозяйствования. Здесь, на берегах Амура, предстояло делом доказать преимущество артелей и колхозов перед индивидуальным хозяйством, а потом распространить этот опыт на Китай, когда коммунисты победят собаку Чан Кайши, злодейски убившего жену товарища Мао.

Ли Фу говорил: «Русские братья по классу каждый день и час осуществляют пятитысячелетнюю мечту наших предков о великой триаде – добро, истина, красота». Сначала «Кантонская коммуна» была небольшой артелью из 130 хозяйств. Хабаровский обком выделил 246 гектаров плохонькой земли на окраине города, семена, удобрения, сельхозинвентарь. Уже через год артельщики выполнили посевной и уборочный план на 120 процентов, чистый доход составил гигантские 710 тысяч рублей, а имущество потянуло на 500 тысяч. Еще через два года артель стала колхозом, значительно расширив площадь посевных полей и огородов, хотя и дальше от города. Сеяли сою и овес, производили несколько центнеров соевого сыра тофу, капусты собирали по 15–20 тонн с гектара, а помидоров по 60 центнеров. В отличие от других китайских колхозов «кантонские коммунары» жили не в убогих глиняных фанзах, а в добротных деревянных домах, причем многие семьи в отдельном жилье.

Плохого тоже было достаточно. В 1931-м случился бытовой конфликт, два колхозника убили двух других, а власть заставила считать это «обострением классовой борьбы», проводить общие собрания с требованиями для убийц высшей меры наказания. Шумное дело было, о нем много писали газеты «Тихоокеанская звезда» и «Рабочий путь» (на китайском). В 1933-м Далькрайком разогнал партиячку и правление, придравшись к тому, что Ли Фу выдал голодавшим соплеменникам колхозные деньги и продукты, а самым убогим и нищим отвел на кормление 20 гектаров. Больше Николай своего старшего товарища не видел. Но эти и другие эпизоды в канун Великого Октября вспоминать не хотелось, ведь это он, Ли Гуй-чин первым услышал призыв партии «Комсомолец, на самолет!» и стал всюду продвигать идею покупки самолета. Когда учился в Хабаровске на курсах подготовки председателей и бригадиров китайских колхозов, смог убедить заведующего курсами Ли Зин-фу, точнее, товарища Горчицына.

Вскоре в газетах появился страстный призыв «Кантонской коммуны»: «Мы – простые огородники и овощеводы, но мы рождены не ползать, а летать. Наши крылья – это будущий самолет «Коминтерн». Кампанию по сбору средств одобрили в обкоме и Далькрайкоме, обсуждали на встречах в клубе восточных рабочих. Го-

Колхозники «Кантонской коммуны» на совещании животноводов. 1958

Колхозник «Кантонской коммуны» Чен Вен-зун – делегат выставки ВДНХ в Москве

ворили, что сам товарищ Сталин узнал о проекте и похвалил сознательность китайских колхозников. Ведь и правда, «Кантонская коммуна» собирала уже по полторы тысячи тонн овощей в год, на текущем счету в госбанке 363 тысячи 655 рублей, началось строительство четырех домов под квартиры и общежития, клуба с китайским театром, школы, читальни, бани, столовой, детских яслей. А теперь колхоз обрел и крылья!

Будущее казалось Николаю безгранично прекрасным. Он действительно прожил долгую жизнь, служил в Красной армии, воевал на Дальневосточном фронте в 1945-м, председательствовал в «Кантонской коммуне» вплоть до 1960-го года, когда ее преобразовали в совхоз имени Ленина в селе Тополево. Кстати, в 1980-е именно этот совхоз был самым нелюбимым среди хабаровских школьников, потому что их гоняли туда на сельхозработы. Словом, Николаю Ивановичу Ли Гуй-чину повезло гораздо больше, чем двум десяткам его товарищей, расстрелянных в 1938-м по печально известной статье 58, еще 16 колхозникам, принесенным в жертву ГУЛАГу, и подавляющему большинству бывших соотечественников, высланных и лишившихся всего имущества в 1950-е годы.

Частичка Отечества

Валерий МАЛИНОВСКИЙ

Путешествие в Страну восходящего солнца с легендарным яхтенным капитаном Леонидом Лысенко в июле 2019 года стало, прежде всего, источником новых знаний. Его морские походы под парусами всегда историко-географические.

Четвертые сутки мы в Нагасаки. Парк Мира, хранящий следы атомной атаки, Атомный музей, вместивший всю наготу неведомого миру страшного горя, русские сектора Иностранного кладбища – это вчера. Вчера же с помощью местных жителей отыскали типографию, где народоволец Борис Оржих, преследуемый беглец из России, редактировал в 1906–1907 годах русскоязычную газету «Воля» – для тысяч военнопленных Цусимского сражения и порт-артурских боев.

Правнук Ямагучи Тэцунори

Поиски сведений о жизни и деятельности Оржиха в Японии – главная цель нашей интернациональной чилийско-канадско-русской компании. Белых пятен хоть и немного, открываются они с трудом. Но выпала удача: в пытливых поисках «белых» крох натолкнулись на клад фотографий Владивостока начала XX века, откуда и начался эмигрантский путь Оржиха. Новых сведений о народовольце старая фотолетопись не принесла, но приоткрыла ценную страничку истории Владивостока.

Накануне Дня фотографа

Правнучка Оржиха Мария, приехавшая из Чили вместе с двумя другими потомками, канадцами Игорем и Перлой, привезла сканы фотографий из архива прадеда и его семьи. На них имя мастера: Тамемаса. Снимки сделаны в Нагасаки в период с 1905 по 1910 год, когда там, скрывшись от преследований, проживал Борис Оржих. Правнуки изучают историю своего рода. Решили выяснить, где находилось фотоателье мастера, что известно о нем самом. Мы, приморцы, – профессор Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского, почетный член Русского географического

Ямагучи Тэцунори показывает старые альбомы

общества Леонид Лысенко, сотрудник Приморской краевой публичной библиотеки имени М. Горького Елена Гулуева и я, журналист, – помогаем им в поисках.

Нагасакские краеведы из Общества японо-русской дружбы повели нас в фотосалон Ямагучи Тэцунори, в городской район Дэйкидайкучё. Японские друзья знали: его прадед Ямагучи Дэндзабуро в те же годы работал фотографом во Владивостоке, а с 1920-х – в Нагасаки. Знали, что Ямагучи-правнук хранит фотоархив прадеда, что есть у него нужные справочники, воспоминания, статьи современных исследователей. Госпожа Кимура Хироко, член Общества, встречалась с Ямагучи Тэцунори прежде. Знакома она с японоведами Зоей Моргун и Амиром Хисамутдиновым, профессорами Дальневосточного федерального университета, знатоками пребывания русских в Японии, японцев в России. Моргун написала книгу «Японская мозаика Владивостока (1860–1937)». Кимура-сан была на презентации японского издания этой книги в Нагасаки. Хисамутдинов в одной из своих книг – «Русский Нагасаки, или Последний причал в Инесе» – также упоминает Ямагучи Дэндзабуро.

На необычном для нас – «руль» спереди, «руль» сзади – городском трамвае, редком для современной Японии транспорте, мы добрались до улицы Дэйкидайкумачи. Фотоателье Ямагучи Тэцунори на первом этаже жилого дома под номером 38.

Свидетельства праэпохи

Ямагучи-сан встретил дружески.

Господин Канаема Сакаэ, председатель Нагасакского отделения Общества японо-русской дружбы, изложил цель нашего посещения. Не прошло пяти минут – перед нами открытая книга.

– Вот, – указывает Ямагучи-сан на небольшой овальный, в ряду других, портрет. Чуть приподнятое лицо, полуопущенный задумчивый взгляд, коротко подстриженные усы. – Это Тамемаса Торадзо. Его снимки. Семейный фотосалон в 1894 году открыл, в Японии это в порядке вещей. Но салона давно уже нет.

Узнав, что капитан нашей яхты Леонид Лысенко и библиотекарь Елена Гулуева живут во Владивостоке, Ямагучи-сан тут же принес несколько картонных коробок. Мы обомлели, приоткрыв выцветшие, потертые альбомы и папки с фотографиями вековой давности.

– Смотрите! Смотрите! – взволнованно призывает, склонившись к пожелтевшим снимкам, Елена. – Это же старый Владивосток!

Наш город – молодой, кипучий, в смуглых и светлых лицах, с парусниками, крейсерами и китайскими джонками «юли-юли», с пушками, пулеметами, броневиками и танками, с колоннами войск интервентов под японскими и американскими флагами, с береговой артиллерийской батареей, с отрядами красноармейцев и демонстрантов – наш «старый» Владивосток обрушивается на нас грандиозной лавиной бурной молодости!

Но разве не известно его молодое лицо по «вечным свидетельствам» искусных фотомастеров рубежа XIX–XX веков Владимира Ланина, Карла Шульца, Федора Подзорова, японцев Наито Тасио, Ясуда Сикити?.. Их

снимки – в музеях, альбомах, книгах: общество, культура, война, природа... Да только и эти притаившиеся за морем военно-революционные мгновения другими объективами не схвачены!

Что там гостям, Елене да мне? Самому Леониду Лысенко, редкому знатоку русского зарубежья, Владивосток Ямагучи Дэндзабуро – приятный сюрприз.

Глаза разбежались...

Альбомов – с ходу не пересмотреть.

Часть фотографий наклеена. Вряд ли, чтоб на обратной стороне были надписи, но заглянуть туда тянет.

Минут час, другой – не оторваться. Мария поглядывает в свой ноутбук, сверяет лица. Бориса Оржиха в альбомах нет. В мемуарной книге народника Николая Русселя, тоже эмигранта, есть. У Зои Моргун вскользь. У Амира Хисамутдинова полстранички текста. Но зато в его книге рисунок японского художника: Николай Резанов, дипломат, посланник Александра I, во время пребывания в Нагасаки в 1804–1805 годах. «Тем временем мне принесли портрет Николая Резанова, наклеенный на тончайшую рисовую бумагу. Свернутый в рулон, он хранится в деревянном пенале. Меня поразило, насколько скрупулезно, с мельчайшими деталями, японский художник нарисовал парадную форму камергера», – пишет автор, посетив Нагасакскую префектуральную библиотеку.

Руссель поместил в книгу портрет Бориса Оржиха и краткий рассказ о нем – вместе издавали «Волю», занимались революционной пропагандой среди военнопленных соотечественников. Помогал им известный японский писатель Фтабатэй Симэй, тоже бывавший во Владивостоке.

В руках Ямагучи Тэцунори снимок: три человека – взрослые и подросток.

– Кто они?

– Мой прадедушка, его младший сын Тэрунори и его сын, имени не помню. Во Владивостоке снято. А вот на этой фотографии – дедушка Ямагучи Дэнсио, старший сын прадедушки, с женой. Также во Владивостоке.

– А когда Ямагучи Дэндзабуро во Владивостоке начал работать?

– Фотографом – в 1905 году. Но приехал раньше. Я составил список: пять поколений фотографов в роду. Вот он. Прадедушка – первый, основатель нашего дела. В 1923-м в Нагасаки вернулся.

На одном из снимков здание фотоателье: Владивосток, Северный проспект, 27 (ныне проспект Острякова), отделение головной конторы. Сама она находилась, по-видимому, на 1-й Портовой, 12 (Светланская, 119), «в доме Жарикова», как указано в Промысловом свидетельстве на промышленное предприятие восьмого разряда, выданном японскому подданному Ямагучи Дэндзабуро Владивостокской городской управой. На улице Миссионерской, 5 (Лазо), за углом городской управы, теперешнего Ростелекома, было открыто еще отделение. Этот адрес на визитной карточке. Рекламу Ямагучи размещала и газета «Урадзио ниппо», издаваемая в 1917–1922 годах Обществом японцев, проживающих во Владивостоке, и ее русскоязычный вариант «Владиво-ниппо».

Здание фотографии на Северном проспекте, 27

У дома Унтербергера указатель – «Фотография Ямагучи» через дорогу

Ямагучи Дэнсиро во Владивостоке.
Камера сохранилась

Страницы альбома

Ямагучи Дэндзабуро, его младший сын
Тэрунори и его сын

Но это не все. Нашлась фотография с домом военного генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера. В нем в мае 1891 года после посещения Японии – через Нагасаки – останавливался цесаревич Николай Александрович. Перед домом щит на высоком штоке: «Фотография Ямагучи», стрелка направляет через дорогу, на Миссионерскую, 5. Старые справочники указывают, что были еще отделения в Безымянном переулке на станции Океанской и на улице Китайской, 19 (Океанский проспект).

Василий Жариков – купец второй гильдии, общественный деятель. На 1-й Портовой, 12 построил доходный дом. В 1912 году его купил город для школы. Власти разместили в нем и городскую библиотеку, переселив ее из Общественного кабинета-читальни, из здания управы. В фонде уже находились тома и периодические издания, всего около тысячи, подаренные Борисом Оржихом горожанам в 1900 году. Долгое время этот дом занимала краевая библиотека. Теперь он брошен.

Название ателье – «Ямагучи» – только на портретных снимках, тех, что делались по индивидуальным заказам. Казак с солдатом. Чье-то семейство. Портрет молодой женщины в потускневшей рамке большого формата. «Она из нашего рода, – поясняет правнук, – но я не знаю, кто: ни фамилии, ни имени». Благополучно морскую дорогу из Владивостока портрет не перенес: угол стекла отколот. На исторических фотографиях маркировки нет. Кое-какие стали японскими открытками.

Кроме ежегодных промысловых свидетельств сохранился окладной лист на уплату дополнительного промыслового налога, выданный в 1922 году плательщику Ямагучи Дэнсиро. Он родился в 1893 году, еще в Японии, и в 1922-м уже помогал отцу. Двое младших сыновей, Дэнкичи (1902, Хабаровск) и Тэрунори (1908), а также сын Дэнсиро Кётэру (1914) родились в России. На окладном листе номер дома по Северному проспекту указан неверно – 26. Видимо, по этому поводу адресный стол 4-го Миллицейского отделения сделал на листе отметку о том, что Ямагучи Дэнсиро по этому адресу не значится. За полгода до этого Ямагучи-младший обратился с заявлением во Владивостокское казначейство по поводу уплаты дополнительного промыслового налога в сумме 16 рублей золотом за 1920 год. В связи с окончательной победой революционных сил дело шло к отъезду из СССР, хвосты зачищались, документы приводились в надлежащий порядок.

Член Общества изучения Амурского края Борис Оржих и фотограф Ямагучи Дэндзабуро друг друга не знали, но дом на Светланской, 119 хранит устремления обоих. Один заботился о просветительстве простого народа, даря книги, о городском облике: «...Я желал бы устроить в окрестностях Владивостока образцовый садовый питомник для Уссурийского края...», смотрел в будущее, другой в будущее переносил людей и время. И вот – память...

Годы творят музей

Фотоателье «Ямагучи» оставалось в доме Жарикова и после его продажи. Доказательством тому служат промысловые свидетельства, хранящиеся у правнука.

Потомки Ямагучи Дэндзабуро бережно хранят не только его внушительный фотоархив, но и «рабочие ин-

струменты» – несколько старых фотокамер. Мобильная профессия изрядно поизносила их, но птичка готова вылететь хоть сейчас. Камеры я не снял, но они есть на снимке, сделанном во время посещения Зоей Моргун Нагасаки, и на фото с Дэнсиро, с недавней пометкой: «Камера сохранилась».

Работает Ямагучи Тэцунори не один. Так же как его прадед, дед и отец, передает секреты фотомастерства своему сыну Кадзуя. Пока мои спутники пересматривали альбомы, я попросил Кадзуя рассказать о старом нагасакском фотоателье.

– Это недалеко.

– Вот бы глянуть...

– Сейчас нет времени идти, но могу показать... – открыл компьютерную папку, полистал. – Вот.

Серый фасад двухэтажного домика с плоской кровлей рельефно выделяется из ряда сцепленных между собой таких же низеньких зданий – обычное явление в скученных восточных кварталах. Верхний этаж – жилье, внизу фотоателье. В двух его обрамленных пилястрами окнах – рекламные портреты. У входа мотоцикл. Только вот барельефное название салона над окнами читается справа налево, будто в пику левостороннему движению транспорта. Во время атомной бомбардировки 9 августа 1945 года здание уцелело, но в 1972-м его снесли и на этом месте построили новое.

Фотографии – портреты военных и гражданских японских подданных: мужчин, женщин, детей. В те годы во Владивостоке их проживало до пяти тысяч. Трудно теперь узнать, кто они, скорее всего, невозможно. Но я все же связался, уже из России, с переводчицей Лилией Балабановой, россиянкой, проживающей в Нагасаки, попросил помочь. Она встретилась с Ямагучи Тэцунори, кое-что прояснилось.

Помог мне и Исихара Кимимичи, литератор, приехавший из Японии в гости на Новый год. Он прояснил писание «справа налево»: «Тоже можно, особенно раньше». Но на Дэйкидайкумачи, 38 – по-новому, слева направо: «Ямагучи сясин кан». В пяти иероглифах кроется более глубокий смысл, нежели просто «Фотография Ямагучи»: фотографический дом, магазин, музей.

Прямых сведений о Борисе Оржихе в салоне Ямагучи мы не получили, но предстала частичка Отечества, бурлящего, разноликого, то белого, то красного – наша прошлая жизнь, бережно – для нас сказочно – хранимая «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве», порой незнакомая нам самим.

Прощаясь, Ямагучи-сан угостил зеленым чаем. Окончив «церемонию», мы поспешили в 300-летний торговый, а теперь и сувенирный дом «Эдзаки и Ко», оболюбанный прошлым русским людом. Уже знали, что в нем фотопортрет наследника русского престола с автографом: подарок цесаревича Николая Александровича, сделанный во время визита в Японию в 1891 году хозяину Эдзаки Эйдзо.

Неисчерпаема история...

*Фото автора
и из архива Ямагучи Тэцунори*

Степан Макаров –
город в Сахалинской области;

Иван Бутаков –
остров и мыс в Японском море;

Андрей Попов –
остров в Приморском крае

Город Макаров

Не скажут ни камень, ни крест

Дмитрий БАЛЬБУРОВ

Адмирал Степан Осипович Макаров

В истории человечества гибель флотоводцев случалась реже, чем сухопутных полководцев, потому что сражений на морях меньше. Стихии накладывают свой отпечаток и на характер войн. Полевые командиры со времен Чингисхана не участвуют непосредственно в бою, у них есть в тылу наблюдательные пункты и ставки, откуда они могут отступить при неблагоприятном стечении обстоятельств. Морской начальник рискует своей жизнью одинаково с кочегаром или заряжающим, разве что его боевой мостик защищен чуть лучше. Более того, первым делом противник всегда стремится

Адмирал Макаров начал свой путь моряка в дальневосточных водах и там же его с честью закончил.

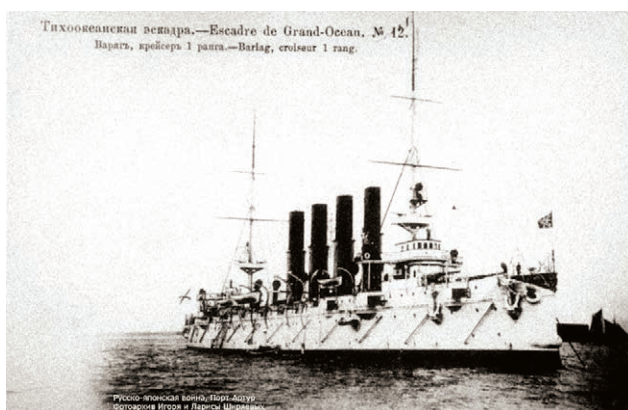
Погибнуть в битве, защищая родину и идеалы – смерть, достойная солдата. А если при этом не оставить могилы в земле и найти вечное упокоение на дне моря – это смерть, достойная настоящего моряка. Земная жизнь адмирала Степана Осиповича Макарова закончилась именно в бою, в сумрачной купели Желтого моря 31 марта 1904 года, в начале Русско-японской войны. Флагман порт-артурской эскадры броненосец «Петропавловск» в двух милях от маяка на Тигровом полуострове подорвался на mine и мгновенно затонул, унеся с собой командующего и известного русского живописца Василия Верещагина.

уничтожить флагманский корабль, который еще – чтоб наверняка все знали – несет личный вымпел командующего. Спрятаться на незаметном суденышке и оттуда руководить сражением нельзя: непродуктивно, да и не принято.

Павшие в бою флотоводцы известны наперечет: кореец Ли Сун Син, голландец Михаэль де Рюйтер, англичанин Горацио Нельсон, русский Павел Нахимов, японец Исороку Ямамото. Несколько десятков знаменитых имен. Еще меньше адмиралов, погибших вместе со своими кораблями. Чтобы, как поется в старой песне про

Порт-Артур. Группа броненосцев и крейсеров под парами, готовых к бою

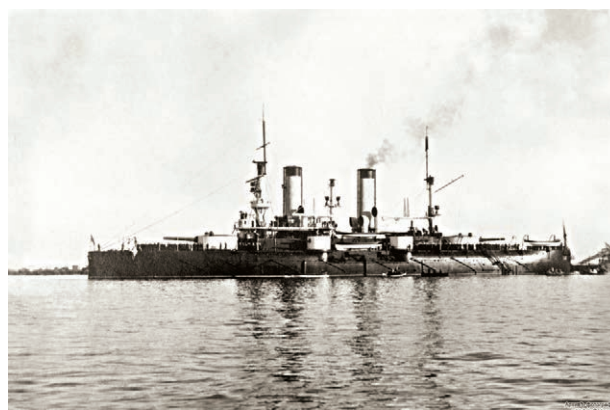
Крейсер «Варяг»

крейсер «Варяг», «лишь волны морские прославят вовек». Англичане Кристофер Крэддок (бой у чилийского мыса Коронель, ноябрь 1914-го) и Том Филипс (побережье Малайи, декабрь 1941-го), немцы Максимилиан фон Шпее (Фолкленды, декабрь 1914-го) и Гюнтер Лютенс (Северная Атлантика, май 1941-го).

Люди из разных миров

И Макаров. Вероятно, он был последним отечественным флотоводцем столь же крутого посла, как Фрэнсис Дрейк, Абраам Дюкен и Федор Ушаков. После войны с Японией русский флот уже не участвовал в значительных кампаниях, затем страна погрузилась в большевистскую тьму, появилась генерация красных флагманов – Октябрьский (Иванов), Кузнецов, Головко, Трибуц, Горшков. Выходцы из другого мира. Их объединяло отсутствие серьезного образования, привязанность к берегу, осторожность, а также высокое искусство придворного выживания, а не вождения эскадр и кораблей. В советской и современной российской историографии этих военморов принято включать в списки величайших флотоводцев, однако при внимательном рассмотрении биографий любому непредвзятому наблюдателю ясно: произошла отрицательная селекция, сталинские флагманы не стоят даже волоска из окладистой бороды царского адмирала.

В 30 с небольшим лет Макаров был пионером в использовании принципиально нового корабельного оружия – шестовых, буксирных и самодвижущихся мин

Броненосец «Петропавловск»

(т. е. торпед), с помощью которых буквально затерроризировал огромный, по сравнению с русским черноморским, турецкий флот в войне 1877–1878 гг. Горшков, будучи ненамного моложе, в мирное время умудрился утопить эсминец «Решительный» при переходе из Комсомольска-на-Амуре во Владивосток и не понес никакой ответственности только благодаря стечению обстоятельств: дело происходило тогда, когда Сталин обдумывал устранение Ежова и его подручного Фриновского, занимавшего в тот момент пост наркома ВМФ СССР. Не будь вождь занят этим делом, Горшкова от расстрела за саботаж не спасло бы красноречие Николая Кузнецова, сумевшего оправдаться на коллегии ВМФ. Впрочем, командующий Тихоокеанским флотом спасал себя, а не горе-командира эсминца.

Возглавив порт-артурскую эскадру, Макаров организовал постоянные разведывательные рейды легких сил. Он хотел знать, где и в каком составе находится противник, что намеревается предпринять. А вот командующий Северным флотом Головко в августе 1942-го, наоборот, ничего не желал слышать об активности германского флота в Баренцевом и Карском морях. Британская военно-морская миссия в Архангельске четко информировала Головко и главкома ВМФ Кузнецова, что карманный линкор «Адмирал Шеер» покинул стоянку в Норвегии и ушел неизвестно куда, но только не в Северную Атлантику, которую англичане скрупулезно мониторили. Даже троечник по географии поймет: если не в Атлантический, то в Северный Ледовитый океан, в

советский сектор Арктики. В отличие от порт-артурской эскадры Северный флот имел не только миноносцы и легкие крейсера, но еще подводные лодки и морскую авиацию – два полка торпедоносцев и полк летающих лодок МБР-2, не считая отдельные подразделения дальних разведчиков, транспортных самолетов и др. Однако оба советских адмирала предпочитали позицию «ничего не знаю, ничего не слышу» до тех пор, пока немцы в рамках операции «Страна чудес» безнаказанно не разрушили порт Диксон и метеостанции на Новой Земле, не потопили ледокол «Сибиряков» и безоружный конвой из четырех судов.

Степан Макаров всегда был готов рискнуть собственной жизнью. Знал, что выпел командующего в открытом море воодушевляет личный состав. Случай представился уже через сутки после его прибытия в Порт-Артур. Миноносцы «Решительный» и «Стерегущий» (командир – лейтенант Сергеев) возвращались из ночного дозора и на рассвете натолкнулись на четыре японских миноносца, каждый из которых был выше классом и лучше вооружен. «Стерегущему» не удалось прорваться сквозь вражескую линию, усилившуюся еще и двумя крейсерами, он отказался спускать Андреевский флаг и принял неравный бой. Узнав об этом, адмирал Макаров лично на самом быстроходном крейсере «Новик» в сопровождении крейсера «Баян» на всех парах бросился на выручку отчаянному миноносцу. Японская эскадра отступила, завидев выпел русского командующего. Из 52 человек экипажа «Стерегущего» выжило только четверо.

Командующий Черноморским флотом Октябрьский в 1941-м тоже поднимал адмиральский флаг на море, но по другой причине. Едва в конце октября 11-я армия вермахта прорвала оборону Перекопа и только-только начала движение к Севастополю, как он на эсминце «Бойкий» сломя голову помчался в глубокий тыл, на кавказское побережье. Официальное объяснение: осмотр тамошних портов с целью подготовки к приему кораблей на базирование. То есть Октябрьский не мог поручить эту миссию штабным офицерам и вообще выбрать другое время для поиска путей позорного бегства флота. Эскадры, не потерявшей к тому времени ни единого корабля, не имевшей противника на море (немецкие легкие суда появились здесь только в 1942-м году, а румынский флот бездействовал), не выпустившего по врагу ни одного снаряда главного калибра, но уже готовой улепетывать. Что и сделала той же осенью.

Аналогичным образом вел себя командующий Балтийским флотом Трибуц, чьи крупные надводные корабли за все годы войны так и не удосужились сняться с якорей на базах, ограничившись огневой поддержкой наземных войск. Официальная причина – немцы заминировали выходы из Финского залива. Логика железная: действия врага на войне являются серьезным поводом не исполнять прямые боевые функции.

Конечно, рыба гниет с головы, это сам верховный главнокомандующий Сталин очень дорожил устарев-

шими, в большинстве своем дореволюционной постройки линкорами и крейсерами. Сберегал неизвестно для чего. На Балтике и в Черном море крупные надводные корабли так и простояли на приколе всю войну, защищая самих себя. Но и адмиралы были рады стараться в деле «сохранения флота и его командования», что привело к особо постыдному драпу Октябрьского со штабными чинами из гибнущего Севастополя в июле 1942 года. Начальники сбежали, причем командующий даже переоделся в гражданскую одежду, а 130 тысяч деморализованных их трусостью солдат и матросов погибли, попали в страшный нацистский плен, и только немногим повезло пробиться в горы к партизанам.

Хорошо, что Степан Осипович не видел, во что выродился отечественный флот и куда подевались ушаковско-нахимовские традиции.

Пророк в своем отечестве

У Макарова есть одна биографическая особенность, в глазах читателей «Словесницы Искусств» неоспоримое достоинство: он практически коренной дальневосточник. Становление его как моряка, изобретателя и воина произошло в Николаевске-на-Амуре и на эскадре Тихого океана, а свою славную смерть адмирал встретил у твердынь Порт-Артура.

Тихий океан – это не тесная мелководная Балтика и не ручное Черное море. Это настоящая стихия, бесконечное пространство воды и неба, зияющие глубины, ужасающие природные катастрофы и абсолютные штилы, только подчеркивающие величие океана. Тем, кто повидал Течение смерти (Курисио) или зарождение цунами в самом центре «огненного кольца» (цепь подводных вулканов), европейские моря покажутся обыкновенным прудом. Здесь косатки и горбатые киты, неисчислимы косяки жирного вкусного палтуса, самые большие архипелаги, линия перемены дат, так что запросто можно оказаться во вчерашнем или в завтрашнем дне. Сюда стремилась Россия со времен Ивана Грозного, и здесь она встала твердой ногой, дав поле деятельности своим лучшим людям.

Наверное, основной чертой Макарова была любознательность (понятие чести офицера настолько естественно для тогдашних моряков, что подразумевается само собой). В чине мичмана и возрасте 21 год, имея за плечами тысячи миль суровых тихоокеанских вод, он начал службу на Балтике на броненосной лодке «Русалка». В шхерах Финского залива ее подстерегла типично балтийская опасность – подводная каменная гряда. Корабль удалось спасти, только посадив носом на мель. Мичман-дальневосточник заинтересовался: почему двухтысячетонный корабль с четырьмя 229-миллиметровыми пушками, способный дать отпор сильному противнику, почти беспомощен против пробоин и течей?

Это сейчас любые суда проектируют с множеством непроницаемых переборок и отсеков, чтобы вода не

могла наполнить весь корпус. А в середине XIX века такие вещи не были очевидными даже для «владычицы морей» Англии. И метод экстренной заделки пробоины наведением извне пластыря тоже не являлся сам собой разумеющимся. Постфактум любое великое изобретение кажется обыденным и естественным, а поди же, сам придумай! Итогом инженерно-конструкторских изысканий недавнего выпускника Николаевского морского училища стала статья «Броненосная лодка «Русалка». Исследование плавучести лодки и средства, предлагаемые для устранения этого качества», опубликованная в альманахе «Морской сборник» в 1870 году.

Морское министерство неохотно рассматривало его идеи. «Низкопоклонство перед Западом» – не только советская черта, а родовое свойство всей отечественной бюрократии. Чинуши в эполетах ждали, когда подобные новшества введут у себя англичане. Корифей судостроения академик Алексей Крылов писал: «Часть предложений Макарова (по проектированию водонепроницаемых отсеков и наведению пластыря из парусиновых матов. – *Примеч. авт.*) была принята и осуществлена, но самое важное из них – выравнивание корабля затоплением неповрежденных отделений – показалось Морскому техническому комитету столь великой ересью, что понадобилось 35 лет, гибель Макарова, Цусима..., чтобы убедить в справедливости, практической важности и осуществимости идей 22-летнего мичмана».

К счастью, непосредственные начальники любознательного офицера были людьми иной закваски. Командующий эскадрой, куда входила «Русалка», Григорий Бутаков (родной брат адмирала Ивана Бутакова) всячески поддерживал и лоббировал его новшества, а адмирал Андрей Попов привлек к работе в кораблестроении. Британские снобы тоже живо заинтересовались ноу-хау Макарова, а следом и остальные великие державы. На короткое время Россия стала мировым технологическим лидером.

Адмирал Андрей Александрович Попов

Пароход «Великий князь Константин»

Адмирал Иван Иванович Бутаков

Особенно это проявилось во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Макаров активно модернизировал и разработал тактику применения самодвижущихся мин англичанина Роберта Уайтхеда, тогдашнего чудо-оружия. Как им сражаться, толком не знали сами создатели, попробовав их один раз (и неудачно) в стычке с повстанцами у далекого перуанского берега, а русский лейтенант объяснил и показал. Он добился высочайшего позволения перевестись на Черноморский флот. Турция имела здесь 15 броненосцев, 5 винтовых фрегатов, 13 винтовых корветов, 8 мониторов, 7 бронированных канонерских лодок, а униженная Крымской войной Россия

лишь несколько деревянных корветов, шхун и плавучих батарей. Но она имела собственное чудо-оружие – небронированный пароход «Великий князь Константин» под командованием Степана Макарова.

Поначалу малый, да удачный пароход применял шестовые и буксирные мины системы адмирала Попова. Тактика состояла в том, чтобы подкрасться под покровом темноты к эскадре противника и спустить паровые катера, которые наведут мины куда следует. Так лейтенант взорвал сторожевик «Иджалие» в устье Дуная и огромный броненосец «Ассари Шевкет» на сухумском рейде, а кроме того, постоянно крейсировал у анатолийского и кавказского побережий, потопил множество небольших судов и фактически парализовал вражеские морские коммуникации – делал то, о чем спустя 60 лет и думать боялись советские адмиралы.

На второй год войны любознательный Макаров уже в чине капитана 2-го ранга эффективно применил самодвижущиеся мины в батумском рейде. Жертвой первой в истории результативной торпедной атаки стал пароход «Интибах». Важно, что свежеепеченный кап-два осмыслил свою успешную практику, написав наставления по боевому применению грозного оружия. Это ускорило появление новых классов – торпедных катеров, миноносцев, эсминцев

лишь несколько деревянных корветов, шхун и плавучих батарей. Но она имела собственное чудо-оружие – небронированный пароход «Великий князь Константин» под командованием Степана Макарова.

Поначалу малый, да удачный пароход применял шестовые и буксирные мины системы адмирала Попова. Тактика состояла в том, чтобы подкрасться под покровом темноты к эскадре противника и спустить паровые катера, которые наведут мины куда следует. Так лейтенант взорвал сторожевик «Иджалие» в устье Дуная и огромный броненосец «Ассари Шевкет» на сухумском рейде, а кроме того, постоянно крейсировал у анатолийского и кавказского побережий, потопил множество небольших судов и фактически парализовал вражеские морские коммуникации – делал то, о чем спустя 60 лет и думать боялись советские адмиралы.

На второй год войны любознательный Макаров уже в чине капитана 2-го ранга эффективно применил самодвижущиеся мины в батумском рейде. Жертвой первой в истории результативной торпедной атаки стал пароход «Интибах». Важно, что свежеепеченный кап-два осмыслил свою успешную практику, написав наставления по боевому применению грозного оружия. Это ускорило появление новых классов – торпедных катеров, миноносцев, эсминцев

и подводных лодок, да и вся современная теория «мо-скитного» флота (корабли малого водоизмещения, но с мощным ракетно-торпедным вооружением) родом из трудов Макарова.

На родных берегах

Формат журнальной статьи не позволяет детально описать все военные, технические и научные достижения флотоводца и мореплавателя. Вся сфера деятельности отечественного военно-морского флота до сих пор базируется и произрастает из его наследия. Это принципы непотопляемости корабля и «макаровские пластыри»; четкая и понятная нумерация орудий, узлов, шпангоутов и любой части судна; последовательность приготовления и тактика боя; правила перевозки и десантирования морской пехоты; «макаровские колпаки» для усиления бронепробиваемости (то, что сейчас называется подкалиберными снарядами); русская семафорная азбука и свод флаговых сигналов; подготовка личного состава. В области науки – открытие обратного течения из Эгейского в Черное море (ранее считалось, что вода из черноморского бассейна только вытекает); гидрологические изыскания в Мировом океане во время кругосветного плавания; создание знаменитого ле-докола «Ермак» и полярные экспедиции.

Но нас интересует Дальний Восток в биографии Степана Макарова. На свою вторую родину он вернулся 8 июня 1887 года, когда корвет «Витязь» под его командованием ошвартовался у пирса в бухте Золотой Рог, совершая кругосветку. Вокруг снова билось родное холодное море и виднелись знакомые с кадетского детства пологие сопки и горы, украшенные багульником и саранками. Как будто сама природа вывесила флаговый сигнал: «Добро пожаловать домой!». Владивосток, этот новый опорный край державы, безудержно рос и хорошел, наполнялся шумом, деловитой суетой, людьми всех занятий, сословий, национальностей и рас. Воздух родины воодушевлял, придавал сил и вдохновения для написания очередных капитальных трудов, которые с огромным интересом ждали в Санкт-Петербурге, Лондоне, Вашингтоне и Токио. В книге «Замечания командира корвета флигель-адъютанта Макарова по всем частям, по окончании кругосветного плавания 1886–1889 гг.» он полностью систематизировал свои представления обо всех сторонах судовой жизни, а за работу «Витязь» и Тихий океан» был удостоен премии Академии наук и золотой медали Русского географического общества.

Второй раз Макаров оказался в тихоокеанских водах в чине контр-адмирала и должности командующего средиземноморской эскадрой в 1894-м. Теперь в воздухе родины витал не мирный запах багульника, а предгрозовое напряжение. Тремя годами ранее возник кризис в русско-японских отношениях из-за нелепого покушения в городе Оцу на цесаревича Николая Александровича, будущего царя. Тогда император Мэйдзи лично примчался к русскому наследнику престола на крей-

сер «Память Азова» с извинениями, в Токио закрылась биржа, театры и школы, вся страна замерла в страхе перед гневом Александра III. Кризис удалось преодолеть, но следующая эскалация напряженности не заставила себя ждать: Япония начала войну против цинского Китая за контроль над Кореей. Сильный и агрессивный сосед на восточной окраине был не нужен России, и для оказания давления на Токио туда срочно направили средиземноморскую эскадру Макарова. Соединившись с тихоокеанским флотом Павла Тыртова, корабли вошли в гавань Нагасаки. Наблюдая за японцами, Макаров укрепился в предчувствии, что это будущий враг, растущий на глазах, умный, энергичный и вероломный, а русский флот все еще не изжил рудименты парусной эпохи. Поэтому итогом этого похода на край света, закончившегося в 1896 году, стали «Рассуждения по вопросам морской тактики».

В третий и последний раз Степан Осипович вернулся на Дальний Восток зимой 1904 года, ведь Порт-Артур тоже относится к этому региону. За один месяц командования эскадрой он успел главное – вдохнуть в гарнизон и флот осажденной твердыни боевой дух и решимость сражаться.

Макаров погиб дважды: когда броненосец «Петропавловск» наскочил на мощную японскую мину и когда захватившие страну большевики решали, кто достоин увековечивания. Благодаря Ленину они так не любили и без того непопулярную, по сути империалистическую войну 1904–1905 гг., игнорируя весь огромный массив причин и ее героев.

При введении в СССР наградной системы появились ордена Ушакова и Нахимова, но не Макарова. Военно-учебные заведения флота назывались в честь Ленина, Дзержинского, Сталина, Кирова, Фрунзе, Жданова, Ленинского комсомола, и только небольшое, по сравнению с ленинградским и севастьяпольским, училище во Владивостоке стало именоваться макаровским. Да и сейчас единственный авианосец России носит имя «Адмирал флота Николай Кузнецов» (корабль опозорился на весь мир в походе к берегам Сирии четыре года назад), а «Адмирал Степан Макаров» – лишь маленький сторожевик Черноморского флота.

По совокупности заслуг перед Отечеством, при всем уважении к героям Корфу и Синопа, он остается самым выдающимся военно-морским деятелем России. Рискну даже предположить, что, не случись трагического подрыва на mine, Русско-японская война пошла бы в ином русле: корабли, которыми командовал Макаров, а не безразличный ко всему Вильгельм Виттефт, нанесли серьезные потери врагу в сражении в Желтом море 10 августа 1904 года, дождалась бы эскадры Рожественского, затем в генеральном сражении одолели японский флот. А значит, морские коммуникации были бы прерваны, экспедиционная японская армия лишилась снабжения и неизбежно потерпела поражение на сопках Маньчжурии. Тогда – как знать? – и вся история России начала XX века выглядела бы по-другому.

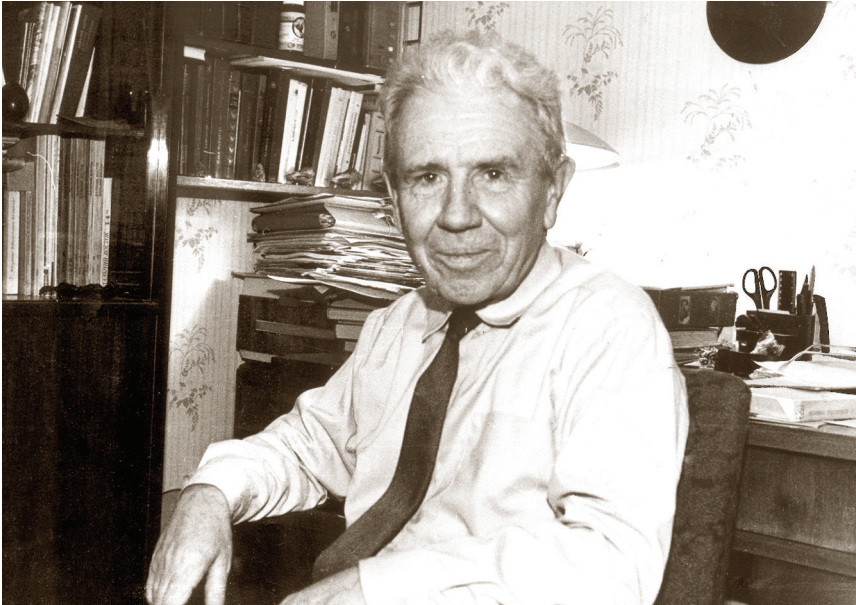
Георгий Цивилев. Перед экзаменами. Фрагмент. 1954. Холст, масло. ДВХМ, Хабаровск

ЛИТЕРАТУРА

«Что людям отдано – твое...»

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Хабаровск с давних времен был центром литературной жизни Дальнего Востока, в послевоенные годы тоже. Здесь существовала одна из старейших в крае писательских организаций, работало свое книжное издательство, выходил журнал «Дальний Восток». В этом издании, а также в газете «Молодой дальневосточник» и были впервые опубликованы стихотворения Олега Маслова, тогда студента Хабаровского медицинского института.

Много позже Олег Константинович вспоминал: «Первая встреча с настоящими писателями случилась на похоронах Петра Комарова. Навсегда запомнились слова Александра Твардовского, приехавшего с большой группой столичных писателей: «Ставьте перед собой самые высокие цели. Равняйтесь на Шекспира, тогда, может быть, Твардовский из вас получится. А если будете держать равнение на Твардовского – ничего не будет».

Вот начало стихотворения Олега Маслова «Волочаевская сопка», опубликованного в те годы в журнале «Дальний Восток»:

*Ночь промчалась в колесном лязге,
В окна сонные брезжит рань.
После долгой вагонной тряски*

*Вновь я вижу Июнь-Корань.
Вот она – в седине тумана,
В частых порослях дубняка,
Светом подвига осиянна
И прославлена на века.
Через радости и тревоги,
Словно в исповеди, всегда
Неизбежно пути-дороги
Приводили меня сюда.*

Да, еще в начале пути поэт определил основную тему своего творчества – воспевать родной край. У него немало патриотических строк:

*Еще с времен Албазина,
Маньчжуров натиск отражая,
Моя родная сторона
Была исконно русским краем.
В названиях сел и городов,
Проливов, гор и рек сибирских*

*Запечатлен ее сынов
И труд, и подвиг богатырский.*

И такое признание:

*Сколько я земель ни перевидел,
Где я только ни перебивал,
Но, кружась из странствия по свету,
Познавая новые места,
Сердцем неизменно был по эту
Сторону Уральского хребта.*

Подобные строки есть в каждом сборнике Олега Маслова, а вышло их более десяти, и все в Хабаровском книжном издательстве или его Амурском отделении, то есть в Благовещенске.

Если бы мне довелось составлять антологию лирической поэзии, я бы непременно включил в нее эти строки:

*Уснула дальняя слободка,
А голос девичий поет:
«Плыви, плыви по морю, лодка,
Плыви туда, где мил живет».*

*В той песне – горе и не горе,
Девичья светлая печаль...
И пусть ни лодки нет, ни моря –
Плывет напев в ночную даль.*

*И бередит, и греет душу,
И в охватившем полусне
Как будто сам, покинув сушу,
Плывешь, качаясь на волне.*

И эти:

*Нет, холода еще не сдали –
И крепок лед, и снег глубок,
Но вдруг из невозможной дали
Подует свежий ветерок.*

*Лица коснется, взбудоражит
И унесется налегке –
Как будто ненароком скажет,
Что март уже невдалеке.*

*Напомнит давнее свиданье
И, ничего не взяв взамен,
Наполнит сердце ожиданьем
Больших и светлых перемен.*

Автор обоих стихотворений тоже Олег Маслов, Олег Константинович – иначе как по имени-отчеству я его не называл. Во-первых, он был старше на целых пятнадцать лет, а значит, его детство и отрочество пришлось на войну. Во-вторых, намного раньше стал печататься, лауреат Амурской премии по литературе и искусству. В-третьих, был известным врачом, кандидатом медицинских наук, основывал анестезиологическую службу в области, удостоен звания «Почетный гражданин Благовещенска».

Кстати, как рассказал мне друг молодости писатель Алексей Воронков, текст «Уснула дальняя слободка...» в свое время положил на музыку вокально-инструментальный ансамбль Благовещенского медицинского института, включил песню в программу и исполнял ее, в том числе и перед строителями БАМа. Когда Воронков рассказал об этом Маслову, тот улыбнулся: «Ну вот, и я внес свой маленький вклад в стройку века». Он был награжден медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

...Мы познакомились в 1969 году. Тогда готовился к изданию возрожденный литературно-художественный альманах «Приамурье мое» («Приамурье»), а отделение издательства временно квартировало в Благовещенске, в здании по улице Калинина, 10. Здесь находилась редакция газеты «Амурский комсомолец», в которой я работал. Я часто заходил к Марку Либеровичу Гофману (старшему редактору издательства), так как в будущем издании готовилась к публикации и моя подборка стихов. Однажды увидел в его кабинете невысокого, в темном костюме, белой рубашке, при галстукке мужчину, внешне ничуть не соответствующего моему представлению о поэтической личности. Но Марк Либерович сказал: «Знакомься, Валера, это поэт Олег Маслов». Мы пожали руки.

Презентация «Приамурье мое – 69», насколько помню, проходила в Доме политпросвещения по улице Ленина. Была даже отпечатана афиша, на которой мое имя начинающего поэта стояло рядом с именами Олега Маслова, Бориса Машу-

Олег Маслов и Валерий Черкесов на торпедном катере «Амурский комсомолец». Владивосток. Июль, 1981

ка, Николая Фотьева – к тому времени уже известных в Приамурье литераторов.

Впоследствии мы пересекались не раз в различных изданиях: в нескольких выпусках «Приамурье мое», в книге «Стоят на Амуре русские села» (1978), в которой были напечатаны стихотворение Маслова «Еще с времен Албазина...» и мой очерк о том самом Албазине, в сборнике «Стыковка» («Молодая гвардия», 1984), в антологии «Дальний Восток в поэзии современников» (Владивосток, 1990) и других изданиях, а значит, читали друг друга.

Встречались мы и на совместных выступлениях. Вспоминаются три. Однажды я и Олег Константинович поехали в поселок Астрахановка, выступали перед рабочими птицефабрики. Маслов, предворяя выступление, в шутку сказал: «Стихи о любви, написанные после шестидесяти лет, можно отнести к мемуарному жанру. Но я к этому возрасту только приближаюсь». И стал читать лирику. В будущем я порой использовал эту присказку. Право, остроумно сказано!

На другой встрече в Доме молодежи я открыл свое выступление стихотворением «Память детства»,

которое начинается так: «Одноногий дяденька, что рыдаешь ты?». Потом Борис Машук съязвил: «Это ты что, на Маслова намекал?» А я и не подумал: Олег Константинович прихрамывал – подростком попал под поезд, лишился ноги и ходил на протезе.

А в конце июля 1981 года в День Военно-Морского флота мы выступали перед экипажем торпедного катера «Амурский комсомолец» во Владивостоке. Три дня были вместе, общались, тогда я понял, насколько Олег Константинович интересный собеседник, и главное – он умел слушать других. У меня осталось несколько фотографий, сделанных в той поездке. Я их порой пересматриваю как дорогие реликвии моей жизни...

Как-то я готовил к публикации подборку стихотворений местных поэтов в газете «Амурский комсомолец». В ней было и стихотворение Маслова «Почтовый ящик, старый друг...». В его сборнике «Еще не спето столько песен...» (1995) оно напечатано в такой редакции:

*Почтовый ящик, старый друг,
Свидетель всех моих мучений,
Тебе понятен мой недуг,
Так где ж оно, твое лечение?*

*Хоть словом, взглядом ублажи...
Но ты молчишь и смотришь хмуро –
Ведь правды горькая микстура
Целебней самой сладкой лжи.*

Но я помню, что текст, который тогда оказался у меня на столе, заканчивался так: «Ну, а того, что жду я, нету». Мне показалось, эта строчка не прописана, и я ее отредактировал на «Ну, а письма, что жду я, нету».

В редакцию зашел Олег Константинович. Спросил: «Ты строку поправил?» – «Я». «А может быть, я перевод ждал, гонорар?» – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Маслов. Но в последующих публикациях, как видим, он сделал свою правку, переписал последнюю строфу.

Поэт считался мастером стиха, авторитетом, мэтром, но к замечаниям прислушивался. В его стихотворении, начинающемся строкой «Еще немало лет пройдет...», было такое четверостишие:

*Когда ты свой закончишь путь
И повернешь к обочине,
Тебе захочется взглянуть,
Что сзади наворочено.*

Прочитав, я заметил, мол, последняя строка пародийна. Олег Константинович выслушал мое замечание, улыбнулся. В его втором сборнике «Страда земная» (1975) эта строфа выглядит так:

*Зато, когда, закончив путь,
Ты повернешь к обочине,
Тебе захочется взглянуть
На век свой озабоченно.*

На эту книгу я написал небольшую рецензию, которая была напечатана в газете «Амурская правда». Называлась она «Что людям отдано – твое...» по строке, взятой из его четверостишия:

*Как ни суди житье-бытье,
Одно в веках проверено:
Что людям отдано – твое,
Что спрятано – потеряно.*

В автобиографии Маслов писал, что ему «близко творчество» Александра Твардовского (патриотизм и гражданственность), Николая Заболоцкого (философичность), а также дальневосточного классика Петра Комарова (любовь к родному краю). Он также считал своими учителями хабаровского поэта Михаила Асламова, научившего его смотреть на свои творения глазами редактора, и Леонида Завальнюка, редактировавшего его первый сборник «Моя профессия». И все-таки у него был свой голос.

Но, признаюсь, некоторые его стихотворения мне в ту пору казались слишком уж традиционными, что ли. Все в них было понятно и просто: мысли выражены ясно, эмоции сдержанны, ни эффектных сравнений, ни сногшибательных метафор. Стихи зачастую сюжетны – этикие мини-рассказы, написанные в рифму, причем рифмовка тоже не блещет новизной и оригинальностью. И все-таки сквозь эту традиционность пробиваются побегии современности, появляются есенинские интонации. Пример тому – стихотворения, процитиро-

ванные в начале статьи, и ряд других: именно они, я считаю, определяют вершины творчества поэта. И совсем не случайно его стихи обсуждались на пленуме Союза писателей России, были опубликованы в московском альманахе «День поэзии» и газете «Литературная Россия» – это признание его таланта.

Лучшие стихи Маслова и сегодня с интересом читаются, волнуют, вызывают добрые эмоции. Например, «Плюшевые жакетки»:

*Нагрят май в село, и снова
Нет-нет да вынесут на свет
Жакетки – девичьи обновы
Послевоенных первых лет.*

*Они давно не по размерам
Хозяюшкам – узки, тесны,
А плюш неплох – по шифоньерам
Висят с весны и до весны.*

*Одежки есть и поновее,
Но тем жакетка хороша,
Что неизменно молодеет
Под нею женская душа.*

*И тем, что выглядела модно,
И тем, что куплена в нужду...
Да что менять – ведь так немного
У женщин праздников в году.*

Я нередко задумываюсь: а была ли необходимость у автора написать то или иное стихотворение? В данном случае, конечно же, была. Человек, мальчишкой испытывавший на себе военное лихолетье вместе с теми, кто носил эти самые плюшевые жакетки, не мог не рассказать о многострадальных русских женщинах самыми проникновенными словами, идущими не от рассудка, а от души и сердца – одно из главных отличий истинной русской поэзии.

Олег Константинович был интеллигентом в самом лучшем смысле этого слова. Приветливый, внимательный, доброжелательный. Я никогда не слышал от него ни о ком худого слова. О Маслове тоже слышал только доброе, хотя в литературной среде бывает всякое. Как-то Борис Машук сказал о нем: «У нашей писательской организации есть свой Айболит». И это совсем не шутка, не преувеличение.

Писатели обращались к Маслову со своими болячками, и он всегда помогал. Тому же Машуку, Игорю Еремину, Леониду Андрееву и другим. Станислав Федотов, сменивший Бориса на посту руководителя писательской организации, за такую отзывчивость называл его, несмотря на солидный возраст и высокий социальный статус, трогательно – Олежка, и теперь, вспоминая, так называет.

Незадолго до моего отъезда в Белгород он помог и мне. Я пришел к Олегу Константиновичу, поведал о своих проблемах. Он тут же позвонил кому и куда надо, сказав при этом примерно такие слова: «Валера, пора заниматься делом. У тебя есть поэтический дар, и будет несправедливо, если ты его не реализуешь».

Осенью 1993 года я приехал в Благовещенск, и одним из первых, с кем встретился, был Маслов. Хотелось рассказать, что я не пропал на Белгородчине, что помню его доброе напутствие, сказанное десять лет назад. Меня приняли в Союз писателей СССР; я выпустил сборник стихов «Заповедь» в Воронеже, который ему подарил, а также «Антологию современной литературы Белгородчины», составленную мною; работал обозревателем в областной молодежной газете «Ленинская смена», а на малую родину приехал по командировке ЦК ВЛКСМ. Олег Константинович внимательно слушал и одобчительно кивал.

Мы обменялись адресами, и когда в 1995 году в Москве в «Рекламной библиотеке поэзии» вышел мой сборничек «Летописец», послал его Маслову. Вскоре пришел пакет, в него была вложена книга лирики «Еще не спето столько песен...» с дарственной надписью Олега Константиновича и довольно пространное письмо. Он сообщил, в частности, что получил Амурскую премию в области литературы и искусства за сборник «Мой век» (1994), рассказывал о том, чем живет писательская организация. Интересна такая выдержка из письма: «Ловлю себя и тебя на том, что мы дружно отпеваем свой проходящий век и не го-

товимся к рождению и крестинам нового. Может быть, еще рано? А, может, все-таки последовать примеру твоего дедушки и заблаговременно приготовить для внуков хотя бы лопату?».

Речь идет о моем стихотворении «Дедушка», опубликованном в «Летописце»:

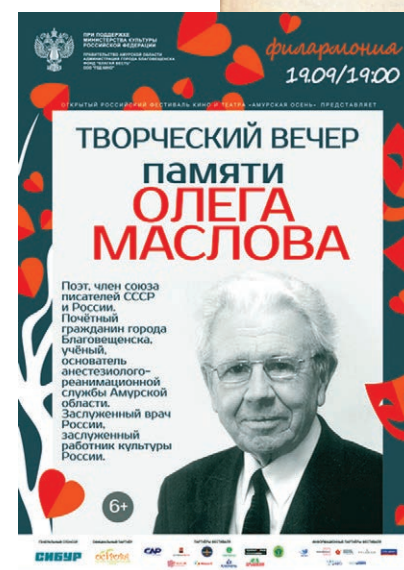
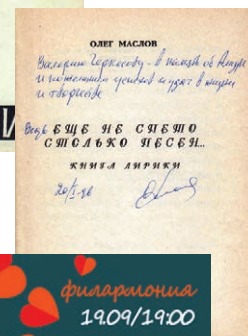
*У дома грушу посадил
И яблоню, малину,
От ветра осенью укрыл,
Закутав в мешковину,
Зимою привалил снежком,
Но все ж душа болела,
Как будто бы о ком родном...
А солнышко пригрело –
Он деревца распеленал,
Как маленьких дитятей,
И внука из сеней позвал.
На свет с прищуром глядя,
Сказал:*

*– Наверное, уйду,
Сынок, я скоро – к ляду...
Так что хозяйничай в саду –
Бери мою лопату.*

Сегодня, уже в другом столетии, понимаешь, как прав был поэт, говоря об «отпевании» XX века, ибо к новому мы оказались действительно не готовы, а он принес не менее тяжелые испытания и потрясения. А что еще будет впереди?..

Об отъезде Олега Константиновича я узнал из статьи благовещенского журналиста Александра Бобошко, опубликованной в «Амурской правде», которую тот мне прислал. Называлась она «В Израиль Маслов улетел, но душой остался с нами». Причины отъезда житейские, бытовые: он остался один, дочери уже жили в Израиле. И все-таки, все-таки непросто было понять и принять, как он, русский человек, коренной амурчанин, истинный певец Приамурья, вдруг в старости оказался в другой, в общем-то, чужой стране.

Много позже прочитал в альманахе «Амур», который выпускает Благовещенский государственный педагогический университет, подборку стихов Маслова, написанных уже в Земле обетованной. От многих строк веяло ностальгией. Но особенно ударила строка в одном стихотворении. Точно ее не помню,

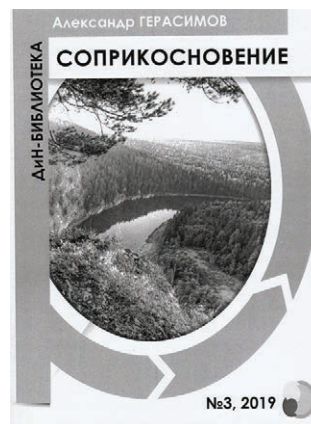
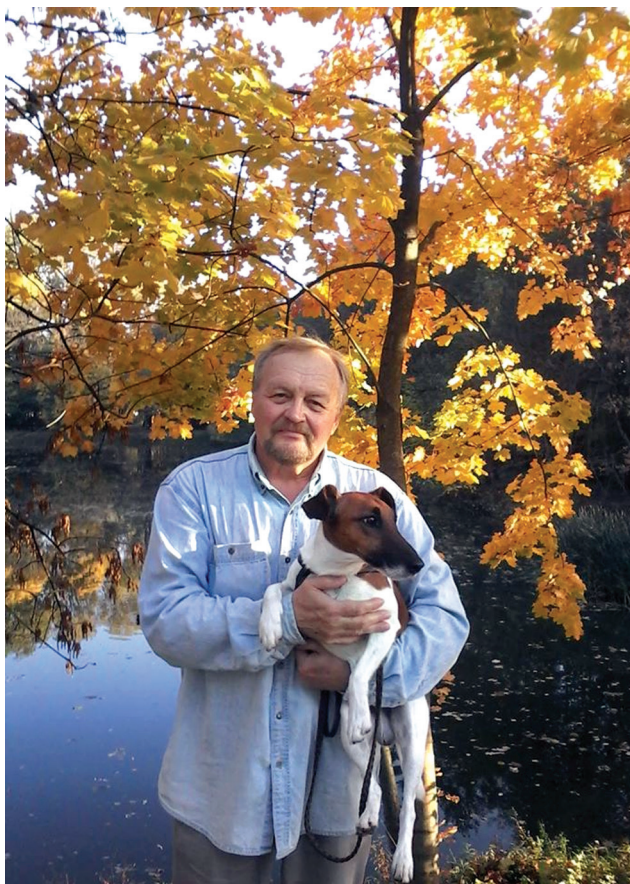
но смысл такой: теперь наши ракеты нацелены и на меня. Имеется в виду, что палестинцы используют для обстрела Израиля ракеты советского производства.

В сентябре 2012 года я вновь оказался в Благовещенске. Друзья-писатели рассказали, что в городе гостил Олег Константинович, встречался с читателями в областной библиотеке: в год своего 80-летия он просто не мог не приехать на родину. Мы разминулись буквально на несколько дней, и уже, увы, не встретимся на этой земле – в мае 2015-го поэта не стало.

Олег Константинович Маслов ушел, честно выполнив свой завет: отдал людям все свои духовные богатства, в том числе и поэтический талант. В будущем году в Благовещенске ему должны установить памятник – поэту и врачу. Кстати, на средства, которые собрали граждане Приамурья.

Из дальневосточных родников

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Для того чтобы у Александра Герасимова – уроженца Приамурья, живущего сейчас в Калининграде, в Красноярске вышла книга прозы «Соприкосновение», было нужно... Нет, не угадали, вовсе не заплатить деньги, а предоставить талантливую рукопись в благотворительную издательскую программу «Попутный ветер» – проект сибирского литературного журнала «День и ночь», помогающий авторам издать первую книгу.

Александр Герасимов – новое имя в нашей литературе. Выпускник Благовещенского пединститута (сейчас университет), он учительствовал в сельской школе, работал в редакциях районной и областной газет. Около тридцати лет отдал тележурналистике. Начинал корреспондентом, был председателем ГТРК «Амур». Первые рассказы опубликовал в 2010 году, и тогда же прошли театральные премьеры пьес-сказок. Его пьесы ставили в театрах Абакана, Владивостока, Челябинска, Сизтла и в других городах. Спектакль «Рыжая компания» смотрели ребята Луганска как раз в то время, когда город обстреливали. Проза печаталась в отечественных и зарубежных журналах – в Австралии, Германии, Канаде. Но читать рассказы в периодике – это одно впечатление, а в отдельной

книге – совсем иное: более полно и емко представляется масштаб и значимость творчества этого автора.

Издательство анонсировало книгу как «рассказы о дальневосточной тайге». Да и писатель в рассказе «Медовые края» обозначает территорию, о которой пишет: «От Байкала до срединного Амура – самые безоблачные и погожие земли России. Нигде более по огромной нашей стране не найти столько солнечных дней в году. Солнца так много, даже, кажется, преизбыточно... Сказочно красивые места! Заметил, как многие мои земляки, покинувшие Амур, готовы рассказывать об очаровании и благодати нашей тайги, наших степей вплоть до второго пришествия, бесконечно. Оказалось, что, правда – издали виднее».

И все-таки проза Герасимова не просто повествование о флоре и фауне, а именно соприкосновение и больше – единение с природой родного края. Автор разговаривает с лесным мышонком, ведет беседы с деревьями, травами, цветами, вслушивается в таежную тишину и посвисты степного ветра. То есть он не сторонний наблюдатель и созерцатель, а полноправный со-творец того, что является жизнью этой самой природы, – внимательный, заботливый, сострадательный, добрый. Такое ощущение складывается после прочтения остросюжетного рассказа «Леший», лирического «Хочу успеть тебе сказать», цикла миниатюр «Соприкосновение» – эти тексты без всякого преувеличения можно назвать стихотворениями в прозе. В предисловии к сборнику красноярский писатель А. Астраханцев невольно сопоставляет рассказы Александра Герасимова с «Затесями» своего земляка сибиряка Виктора Астафьева, отмечая, что в отечественной литературе о великолепии дальневосточной природы пока еще никто так мастерски не писал.

Замечу от себя. В свое время я прочитал многое из того, что написал знаменитый исследователь Дальнего Востока Владимир Арсеньев, и авторов, более близких к нашему времени, которые свои произведения, так сказать, посвятили природе, – хабаровчан Всеволода Сысоева и Владимира Клипеля, сахалинца Евгения Лепкова, амурчанина Николая Фотьева. Но проза Александра Герасимова все-таки другая, более личностная, что ли. Кстати, он сам признается: «... иногда сочиняю наивные рассказы, будто с кем-то беседую». Вот характерная для его письма цитата: «В детстве я слышал, как просыпаются воробьи. Их гнездо было за верхним наличником окна. Воробушки чувствовали приближение рассвета: копошились, сонно чивкали. На восходе, даже раньше, боясь пропустить первые лучи, выпархивали из тесного укрытия на край наличника и, шумно встрепенувшись, чистили перышки. А как только из горизонтов чуточку пробивалось солнце, начинали скакать, громко чирикать. Вот всем бы просыпаться с воробьиным восторгом!»

Язык рассказов – литературный, образный, метафоричный, чистый, как вода дальневосточных родников, до которых еще не добрались неразумные преобразования индустриализации и «блага» неудержимого потребления. Приведу последний абзац рассказа «Воробушки»: «Давайте найдем часок, присядем на лавочку, покрошим перед собою из батона. Неважно в какое время года. Солнечно будет или хмарно, затишно или ветрено, – прилетят воробушки. Впорхнут, подскочат бочком, в глаза глянут: с добрым ли намереньем? Ухватят кусочек, отпрыгнут, отлетят в сторонку. Потом вновь вернуться, уже и поближе к нашим ногам. Они недоверчивы, жизнью тертые, но хорошего человека распознают, могут и с ладони поклевать. Рискнем, проверим себя. Только, если не случится, на воробушков не будем обижаться, лучше задумаемся – что в нас не так».

«Соприкосновение» уже читают. Земляки писателя заказали в издательстве дополнительный тираж, книги теперь есть в библиотеках Архаринского, других райо-

Александр Герасимов

нов и городов Амурской области. Отозвались на нее и профессионалы.

«Настоящая живопись словами, пейзажи, оставленные выверенным классическим русским языком. Слова ложатся то легко, с тающей невесомостью пробужденных весной цветов и утреннего неба, то с грохочущей силой ледохода вздымаются и бьют в зенит воображения. И вроде никаких событий не происходит – весна, цветы, ледоход на Амуре, воспоминание о друзьях – и вдруг понимаешь, что это о внутренней жизни человека написано. Прекрасная пейзажная литература, написанная мастером», – пишет Сергей Катук, обозреватель Международного литературного клуба Astra Nova (Германия).

«Такие потоки любви к родному краю, облеченные в кружева русского языка, – это праздник души. Такие тексты надо преподавать в школах начиная с первого класса, чтобы дети познавали и гордились, что живут в такой прекрасной стране, что могут выражать свои мысли и чувства на столь великолепном языке» (писатель Станислав Федотов, г. Реутов Московской области).

«Редко кому удается так точно увидеть все, вплоть до комариных ножек, до соринки в гуще мха. Но те, кто в состоянии так описать все словами, встречаются еще реже. Щедрый дар божий: дан вам за короткую жизнь увидеть вокруг в десятки раз больше, чем другие. И для всех других ваш талант – дар божий: увидеть все вашими глазами. Я подумал: если слепым от рождения читать такое – может, и они, как зрячие, смогут ощутить этот мир?» (тележурналист Александр Тихомиров, Москва).

Что же, давайте и мы прочитаем эту искреннюю, облагодающую наши души прозу.

Медовые края

Александр ГЕРАСИМОВ

Мед с одной ложечки не опробуешь. Вот когда, отведав черпачком, засомневаешься вначале, снова наберешь, потом, хмыкнув, – еще... Да захочется отчаянно загребать из мисочки, чувствуя, что остановиться невозможно, – тогда точно мед распробован. Такой медочек можно есть по утрам большой ложкой, как кашу. Он настоящий, – энергии, здоровья и отличного настроения на весь день наберешься.

По мне, так лучшие меды – таежные приамурские. Не стану умалять алтайские, башкирские, кубанские, но наши – превосходнее.

От Байкала до срединного Амура – самые безоблачные и погожие земли России. Нигде более по огромной нашей стране не найти столько солнечных дней в году. Солнца так много, даже, кажется, избыточно. Оттого и цветы чуть иные, их запахи... А цветы все – медоносы. От них и солнечных лучей берут пчелки нектар, ароматы и бог знает что еще для оттенков вкуса и полезности несравненных медов.

Но и в обширнейшем солнечном крае, что я описал, есть заповедный уголок, где и цветы лучшие из лучших и – меды.

Хинганский горный хребет сдержал здесь натиск Великого оледенения, защитил от сокрушения уголок лесов, сопков, степей, озер и болот. На болотах гнездятся

японские и даурские журавли. На реликтовых озерах можно встретить тропическую кожистую черепаху, цветут огромные лотосы. Буйству растительного мира тайги позавидуют ботанические сады.

Моя родина. Явился на свет в доме на высоком берегу Амура, где впадает в него таежная река Архара.

А у моей мамы, Натальи Васильевны Валяевой, в паспорте было записано – «место рождения: Долгое озеро». Не село, не селенье какое, просто озеро, словно она русалка.

В мамин паспорт не метрическая ошибка – топоним. На крайнем юго-востоке Амурской области, о котором сейчас и рассказываю, есть знаменитое у орнитологов и биоэкологов Долгое озеро. Сейчас это центр Хинганского государственного природного заповедника. В тридцатые годы дом, где родилась мама, был единственным на берегу озера, других не было.

Сказочно красивые места. Заметил, как многие мои земляки, покинувшие Амур, готовы рассказывать об очаровании и благодати нашей тайги, наших степей вплоть до второго пришествия, бесконечно. Оказалось, что правда – издали виднее.

Вот представьте ту же степь... Любили когда-то русские классики повествовать о переливах печальных ковылей: тоска, неизбывная любовь к родным просторам. Но ведь вовсе не такая моя приамурская степь. Она яркая, радостная, изменчивая. Удивительнейшие метаморфозы: то залита пламенем цветов купальницы, то до самых горизонтов – светится желтым золотом лилий-са-

ранок, сверкает островками белых маков, снежных пионов – марьиных кореньев, заплетается лиловой викой – мышинным горошком, то внезапно взрывается таким феерическим разноцветьем и радужным многоголосьем, что даже художники Левитан и Пластов задумались бы, узрев: а хватит ли их талантов передать это на холстах!

А сейчас о главном. О главном из наших медов, который превыше всех. Не просто номер один, а по убеждению моих амурчан – лучший в мире. Называют его – «серпуховый».

Переписываюсь со старым товарищем Виктором, в Орле сейчас живет. Проверая себя, попросил вспомнить этот мед. Отвечает: «Цвет назвал бы – болотно-зеленый. Даже не дегустатор выделит основной вкус сладостно-горьковатым. Сердцевинный медонос – серпуха, но всегда казалось, что в аромате участвует тысяча трав. Воображению представлялось, что пчелы собирали в недоступных человеку местах, в борьбе со шмелями и паутиной таежных пауков размером с ладонь. Все это называется – в отрогах Малого Хингана». Красиво ответил.

Свежесть и первозданность девственного края в нашем меде «серпуховый».

Крупные плотные корзинки с короной – изящно распушенным фиалковым либо лилово-пунцовым венцом, так выглядят цветы серпухи венценосной. Она и в иных местах растет, но у нас какая-то особенная. По таежным опушкам, березовым околкам, лесостепью серпуха расцветает ближе к августу. Собранный с нее мед качают к поздней осени, когда уже запечатан будет пчелами в сотах, вызреет. Мед чистый, не перегретый знойными летними погодками, он и храниться может очень долго.

Совершенным, исключительным в колорите вкуса назову и наш мед липовый. В Приамурье липы пахнут не так, как в Европейской России, – много ярче, божественным ароматом завораживают. Липа Таке, липа амурская, липа маньчжурская родом из моих краев. Оттого липовый мед свой, особый, как нигде. В семидесятые прошлого века в пору июльского цветения лип пасечников с ульями пчелиных семей вертолетами забрасывали в глубины бездорожной тайги, настоящая охота шла за драгоценным медом.

Настоящий мед можно купить только у пасечников. А чтобы быть уверенным, что не разбавлен падевым, сладкой водичкой, крахмалом и еще невесть чем, отправляться надо в места, где заготавливают, хорошо бы на пасеку, да подгадать время, когда на медогонках откачивают пчелиные соты. И главное правило: хороший мед – у хороших людей.

В деревнях и таежных поселках моей родины до сих пор живут общины староверов. Сам я из казачьей Иннокентьевки, а мой приятель Олег (учились на историческом отделении) – из старообрядческой Грибовки, это километрах в шестидесяти. Как-то, лет двадцать тому, уже по морозам ездили в гости к его родителям. Помню, въехали в Грибовку: над заснеженной деревней – зимняя радуга. Улицы широкие, перед каждым домом высокие сосны. Надо же, подумал, в тайге живут и таежные сосны под окнами высадили!

Дед Иван, отец Олега, по старости уже слепым был, но крепкий, в доме его слушались безропотно. Хлебо-

сольный стол, еда простая: отварная картошка, квашеная капуста, пилюски, грузди с рыжиками, бочковые помидоры с огурчиками, малосольные ленки из реченьки Архары, что сразу за огородами (ленков этих – бочки в сенах). И стояли на столе отборные меду: янтарные, белые, темные, прозрачные...

В Грибовке почти все – пасечники. Омшаники с ульями в тайге, – у одних поближе к дому, у других на дальних заимках.

Родитель товарища сам медом не занимался. Отправились мы по деревне выискивать, чтобы я домой отвез. Немало лет прошло, как уехал однокашник из Грибовки, а все про всех знал. Вышагиваем вдоль размашистых дворов, про хозяев рассказывает. У этих, мол, пасека не вдалеке от гречишных полей, не таежный мед. А у тех – на лугах, на разнотравье, хороший мед – цветочный, но брать не будем. Здесь липовый, но та еще липа – смешали с падевым. И этот двор стороной пройдем, к рапсам улочки свозили, не нужен нам рапсовый. Короче, идем-идем, а он все бракует да бракует. Я уже надежду потерял, что сыщем что-то, такой проводник привередливый.

Подходим к очередному подворью. Дом – хоромы из свежетесанных бревен, с проблесками смолы, прощелины паклей и мхами аккуратно проконопачены, видно, что недавно выстроили. На светлой веранде хозяйин с хозяйкой бадьи с медом перекачивают, а сорокалитровых фляг тех, бог ты мой, – не пересчитать! Сами – люди молодые, розовощекие. С ходу стали нам на бидоны указывать и свои меду, разных сборов, нахваливать. Олег все внимательно выслушал, потом говорит: «Брать не будем». Хозяева не обиделись, спустились в глубины подполья, вытянули на свет тяжеленную флягу. Половничком аккуратно, боясь капельку пролить, наполнили нам банки. И среди хороших настоящих медов у хороших хозяев есть, как оказалось, заветные баклаги с самым хорошим медом.

Столица приамурского Эдема – поселок Архара, – по имени реки. Районный центр. Узловая станция Транссиба. Все пассажирские – пригородные, скорые, экспрессы – останавливаются перевести дух. Помощники машинистов, исполненные достоинства, – в галунах, шевронах и форменных фуражках, проходят вдоль составов, постукивают молоточками на длинных ручках, вслушиваются. А железнодорожные философы – проводники и пробужденные-ожившие многоцветные толпы странников, сойдя из вагонов, улыбаются, жмурятся от нестерпимо яркого солнца, спешат к столам-прилавкам рыночка, окошкам ларьков и киосков. Покупают лапотных размеров пирожки, шерошистые кедровые шишки, протекающие соками кулечки лесных ягод и – знаменитый мед. Многие, не удерживаясь, тут же, на перроне, через щелочки ртов втягивают в себя приторные солнечные нектары, смакуют, восторгаются, обливают липкие пальцы и губы.

А еще берут местное пиво. Когда-то знатоки считали лучшим в мире, по крайней мере, по всей Сибири и нашему Дальнему Востоку – терпкое темное пиво «Таежное». Давно сгорела старая пивоварня, и рецепт прежнего напитка утерян, но осталась людская молва.

Я сам там был, мед и пиво пил.

Танец для прабабушки

Виктор КВАШИН
Художник Юрий ДУНСКИЙ

К озеру я вышел уже в сумерках. Добирался от станции на попутке – невозможно заляпанном грязью «крузаке» с не закрывающим рот водилой, взахлеб рассказывающим о своих охотничьих подвигах на этом самом озере. Охотников – вот таких, которые ради удовольствия «бабахнуть» и для бахвальства перед себе подобными настреливают на пролете горы пернатой дичи – таких не люблю. Но тут было безвыходное положение, приходилось поддакивать. Тащиться сорок километров по такой грязище пешком совершенно не хотелось. Последние три километра от «трассы», как называл ее мой добровольный «извозчик», пришлось все-таки идти по разъезжающейся глинистой колее. Но это уже мелочи.

Озеро открылось блестящим зеркалом в черной оправе зубчатого леса с плавающими малиновыми послезакатными облачками. Дух перехватило! Пара чирков перечеркнула гладь своим глиссированием, мелкая рябь разбежалась по водной ртути... Но времени любоваться не было, надо было срочно устраиваться на ночлег. Отыскал более-менее сухую площадку, быстро поставил палатку, забросил в нее вещи, пожевал сушку с водой из фляжки и уже в темноте забрался в уютный спальник. Какое удовольствие!

Все-таки я устал. Засыпая, представлял, как завтра пойду искать те самые «писаницы», увидеть которые мечтал с прошлой осени, когда о них узнал. Нашли их недавно какие-то туристы, и никому не говорили, чтобы не затоптали те, кто водит группы за деньги – тем все равно, лишь бы народу побольше. Но слухи между «своими» просочились, и до меня таким же образом это известие добралось. Мне даже фотографии на телефоне показали – на валуне какие-то черточки, линии, бороздки, но вроде бы в некотором порядке, похоже, не природного, человеческого происхождения. Очень любопытные петроглифы. С трудом дождался, когда снег

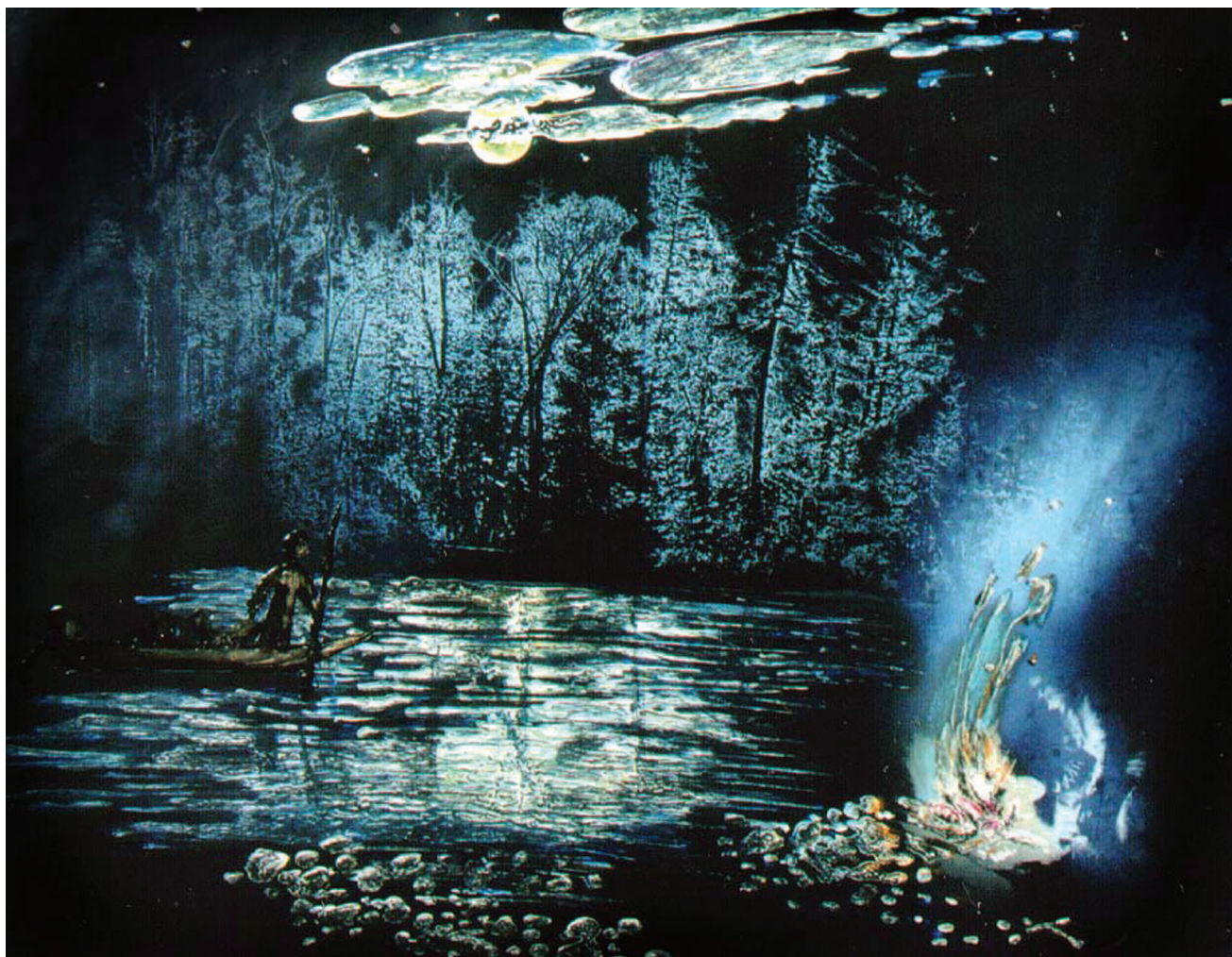
сойдет, хорошо, в этом году его почти и не было, ранняя весна... Эх, скорее бы утро!

Проснулся от грохота! Низкие звуки тяжелой музыки сотрясали перепонки: бум-бум – бум-бум – бум-бу-бум! Вот же уроды, даже сюда заехали!.. Ну как же обидно! Явно машина где-то неподалеку, водочку, наверно, попивают, на рассвете палить начнут. Попытался укутаться с головой, натянул шапочку на уши – куда там... такие звуки любые заглушки пробивают – бум-бум! Не уснуть теперь. Злые мысли полезли в голову, вроде того что взять бы гранатомет, да как... Нет, не уснуть.

Выбрался из палатки – темень, на небе ни звездочки, ветерок, зябко. Как бы дождь не пошел, а то и снег может. Ритмичные звуки ударника доносились из-за берегового изгиба, похоже, далеко, высоких тонов не слышно. А отблески света заметны. Большой костер, видать, распалили. Поплелся от нечего делать с фонариком вдоль уреза воды, где кустов поменьше, просто посмотреть, что за компания там развеселая, а может, и выматерить, чтобы если не людей, так хоть природу уважали. Хотя, что им эта природа...

Костер открылся неожиданно близко, в нескольких десятках шагов. Пламя в рост человека, это было понятно по фигуркам, движущимся вокруг костра. Они кривлялись, подпрыгивали, короче, дурачились подвыпившие переростки. Музыка оказалась не столь мощная, как казалось издали, и по-прежнему долетали только удары барабана, или как там называется этот ударный инструмент в современных музыкальных группах. И не было звуков высоких. Я подсознательно ожидал самого худшего – дебильной скороговорки рэпа, но бил только барабан.

Я постоял и двинулся дальше. Не знаю зачем, может, из-за необычности ситуации. Фигурки все прыгали, потом разом побежали к берегу, зачерпнули воды, кажет-

ся, просто в ладони и с воплями плеснули в костер. Пар с шипением облачком взлетел от огня, но костер не затух, конечно. Такая процедура повторилась трижды. Я приближался, лишь иногда подсвечивая себе под ноги. Наверное, за тучами была луна, и, привыкнув, глаза уже неплохо различали предметы.

Неожиданно прямо передо мной возник человек в мохнатой шубе и с палкой. Я вздрогнул. Немного приподнял фонарик. Странное смуглое и чумазое лицо неизвестно какой национальности, волосы длинные, перевязаны шнурком. И запах, как... псиной. Не мылся, что ли...

– Туда не ходи, – необычный говор с незнакомым акцентом.

– Почему это? – возмутился я.

– Тут наш берег!

А-а, понятно, кавказцы скупчили, базу отдыха ставить будут. Местечко хорошее. Меня подорвало, я вообще заводной, если несправедливость, бывает, контроль теряю

– Чего-о?! Да это мое озеро! Я на него больше прав имею, чем все вы вместе!

Он замер передо мной, выставив палку, и я вдруг увидел на конце каменный наконечник, неумелый такой здоровенный наконечник, кривой, сколы несимметричные. Да и палка неровная. Тю, как же я не догадался – ряженые. Это же «ролевые игры», играют недоросли «в индейцев», модно теперь.

Я почувствовал неуверенность в противнике и решил дожать.

– Чего вы тут пляски устроили? Еще и костер разожгли! Кто разрешил? Мне туда нужно пройти!

– Проходи. Я не знал, что озеро теперь твое. Только позволь нам тут еще немного побыть, это важно для нас.

– Ладно, я добрый, развлекайтесь. Только не шумите сильно, спать мешаете. А какой народ вы имитируете? Вы бы хоть посоветовались, литературу проштудировали, а то и одежда, какой даже у троглодитов не было, и копье у тебя несуразное. Посмотрел бы в интернете, какие наконечники. Я немного в этом смысле – неправильно у вас все.

Он шел рядом, не возражал. Пусть, надо молодежи иногда мозги прочищать. А то фэнтези начитаются и бросаются играть в иные миры. При нашем приближении плясуны остановились, музыка смолкла. Стали слышны потрескивание дров в костре и шум мелких волн о песок. Мой сопровождающий что-то быстро сказал на своем языке – точно не кавказском, я служил в Закавказье, их наречия на слуху. Но говорил он не стоящим у костра, а в сторону берега. Только теперь я обратил внимание на маленькую фигурку, закутанную в меха. Она сидела на невысоком валуне под нависающими ивняками. Что-то ответила, коротко.

– Что ты им сказал? – спросил я.

– Я сказал Матери, что ты – Хозяин!

Он сказал «Хозяин» не так, как обозначают хозяина шести соток и даже хозяина завода. С такой интонацией говорят на Востоке, например, о хане или эмире, в значении «Властелин». А «Мать» он произнес как «Царица».

– Она просит твоего разрешения быть на этом месте до заката солнца.

– Да мне не жалко. А можно мне посмотреть на ваше представление? Я в этом разбираюсь немного, ну, в первобытке, в этнографии, может, подскажу чего дельное.

Провожатый снова обратился к женщине, теперь я разглядел, что на самом деле она была старухой. Ничего себе, бабуля тоже в ролевые игры включилась! Она ответила скороговоркой. Он перевел:

– Смотри, только мешать не надо. Это серьезное дело, не игра.

Я остановился в сторонке и принялся с усмешкой наблюдать за «серьезным» представлением. Снова забубнил барабан, и тут наконец я заметил в темноте барабанщика. Человек в такой же, как у всех, шубе бил короткой палкой в пустотелый обрубок бревна, подвешенный к ветке ивы. Это оказался весь «оркестр». Гулко: бум-бум! бум-бум! бум-бум-бум! Плясуны пришли в движение. Костюмы сделать они, похоже, поленились, «шкуры», наверное, синтетические, какие-то свалявшиеся, засаленные. Босиком – закалялись специально, поди. Ну вот, снова воду в огонь плескают! Любой, кто знаком с этнографией, скажет, что язычники сразу при-

бьют того, кто хоть каплю воды в огонь обронит: Огонь и Вода враги! Смешно...

Бабулька по-прежнему сидела укутанная и будто не имела отношения к действию, даже не смотрела на танцоров. Только руки ее мерно двигались, и, присмотревшись, я понял, что она, похоже, растирает что-то продолговатой галькой в каменной ступке. «Ступа» – условное с натяжкой обозначение обыкновенного булыжника с небольшим углублением, лежащего на коленях старушки. Ее движения были настолько монотонно-отрешенными, что подумалось: вот заснет бабушка и уронит тяжелый «камушек» на ногу.

Но бабуля не уснула. Она взяла щепотку растертого порошка, потерла между пальцами, взяла на язык, пожевала губами и обратилась к моему провожатому. Тот дал сигнал, все прекратили пляску и подошли к бабушке. Оставил свой бубен и «человек-оркестр». Они столпились около бабушки, один держал над головами горящее полено. Мне стало любопытно, я подкрался и заглянул через плечи мужчин, благо они все были хоть и коренастые, но невысоки ростом. Они... резали себе руки! Вспарывали корявым каменным острием ладони и направляли струйки крови в углубление ступы. Во дают! Но этот невыносимый запах! Где они достали такие шкуры? Я невольно фыркнул. Тот, который со мной разговаривал, обернулся, заметил меня, но прежде закончил сцезивать кровь, а после выбрался ко мне.

Подумалось: еще не хватало, чтобы тут кому-то голову отпилили в качестве жертвоприношения.

– Теперь тебе нужно нас оставить, – сказал переводчик. Сказал твердо. После того, что я видел, возражать не хотелось. Я повернулся и пошел. Он шел рядом.

– Мы скоро закончим, – сказал он. – Солнце почти над головой.

Я поднял голову в черноту неба, но ответить не нашелся. Вместо этого спросил:

– На каком языке вы разговариваете?

– На нашем.

– Ну, я хотел узнать вашу национальность, видно же, что не русские.

Он смотрел на меня и не отвечал, кажется, вопрос до него не дошел.

– То есть, я спрашиваю, какого вы роду-племени?

– Мы из рода Серой Цапли.

Вот напридумывали! Как только люди с ума не сходят!

– А чего это вы пляски затеяли в такую погоду? Холодно ведь.

– Солнце сегодня такое.

– Какое?

– День и ночь одинаковые.

Скоро снег пойдет.

– Разве по прогнозу снег? Я смотрел – не ожидается.

– Зима без снега не бывает.

Что-то он непонятное городит. Март на дворе, и действительно, двадцать второе, где-то в этих числах равноденствие. Но ведь впереди лето!

– Цветы скоро расцветут, какой снег?

– Верно, у вас цветы, а у нас снег.

– Почему? – я спросил автоматически, так как совершенно не мог увязать в голове его ответы.

– Поймешь, когда умрешь.

Тут я испугался не на шутку. Так это секта какая-то? Разделают меня сейчас на шашлык... Но проводящий шел рядом спокойно и признаков душевного неравновесия не проявлял. Я собрался и все-таки спросил:

– Что я пойму, когда умру?

– Многое поймешь, чего сейчас не понимаешь. И многое узнаешь. Когда у тебя живого в лесу всходит трава, у мертвых опадает листва, когда у живых ночь, у мертвых день. Сегодня день и ночь одинаковы, мертвые могут прийти в мир живых. В это время мы приходим на место, где начался наш род. Тут наша Мать родила первых сыновей, отсюда мы произошли – род Серой Цапли.

– Так вы – м е р т в ы е?!

– Для тебя – да.

Он помолчал. Я тоже не знал, что думать и говорить...

– Ты не бойся. Ты с нами не ел, не пил, к нам не прикасался, нечего бояться. Умрешь, тоже будешь приходить в то место, где твоя Праматерь твой род зачала.

– Когда день равен ночи? – невпопад спросил я.

– Может быть. У нас так принято.

За спиной снова забубнило пустое бревно.

– Мне пора возвращаться, – сказал мой проводящий, повернулся и пошел.

– Эй, погоди, – крикнул я, – а откуда ты знаешь русский язык?

– Не знаю, само получается. Мы давно сюда приходим. Раньше другие жили, с ними тоже говорили. Так задумано.

И он ушел.

Я провалялся в палатке до рассвета, пока бубен не утих. Впервые за годы пожалел, что бросил курить! Голова распухла от вопросов! Ну почему я не спросил... ну, хотя бы попытался выяснить, из какого они тысячелетия. А вдруг они еще тут? Накинул куртку, сунул ноги в ботинки и побежал. Солнце еще не встало – у них не село, конечно, они должны быть на берегу.

Нет, людей в шубах не было. Не было и костра. Не было даже кострища. Прихваченная утренним морозцем хрустела песчаная корочка под ногами. Приснилось? Бред? Да с чего бы это?

Я осмотрелся: вот ветка, на которой висел «бубен», вон

камень, на котором сидела бабушка-Мать, вот тут где-то был костер. Но нет, ровный песочек, даже слишком гладко. Я присел, погладил песок ладонью... и ощутил тепло! Разрыл, раскопал пальцами под песком черные угольки – они были теплыми! А вот и след босой ступни. Один, но – след! Значит, не сон. Значит, не бред!

Растер виски. В ногах обнаружилась слабость. Поискал глазами, куда сесть. Самое удобное – бабушкин «трон». Подошел и обмер: на том месте, где сидела Мать, были те самые значки и борозды, которые мне показывали на фотоснимке. И среди них ярко выделялась цепочка выбитых в камне следов крупной птицы. Выделялись они тем, что их углубления были заполнены красной краской – кровью рода Серой Цапли из незапамятной старины прошедших веков...

На том берегу я провел три дня в скитаниях и размышлениях. Попытки разумно объяснить случившееся не увенчались успехом, сами понимаете почему. Конечно, я фотографировал, но в Сети не выложил и ни с кем не поделился, вы тоже понимаете почему. По многим причинам. Теперь я уже редко вспоминаю то происшествие на озере. Со временем острота ощущений спала, мысли улеглись. И сплю я спокойно.

Тревожит меня лишь один вопрос: на каком берегу тот камень, который я буду навещать после смерти в дни весеннего равноденствия?

Авторы

АПОЛЛОНОВА
Ольга Юрьевна –
режиссер телевидения и радио, лауреат
всероссийских и международных фестивалей
документального кино, главный редактор
дальневосточной части федерального изда-
ния «Аргументы недели»

КВАШИН
Виктор Георгиевич –
сотрудник музея Национального научного
центра морской биологии ДВО РАН. Автор книг,
посвященных истории Дальнего Востока, эколо-
гическим проблемам (Владивосток)

БАЛАШОВА
Марина Леонидовна –
заведующая Центром информационно-библио-
графического обслуживания,
библиографии и краеведения ДВГНБ

КОЛЮН
Лина Олеговна –
главный специалист администрации Николае-
вского муниципального района – уполномо-
ченный по делам коренных малочисленных народов
Севера, председатель правления Николаевского
районного отделения региональной общест-
венной организации АКМНС Хабаровского края.
Преподаватель нивхского языка в Николаев-
ском-на-Амуре промышленно-гуманитарном
техникуме

БАЛЬБУРОВ
Дмитрий Леонидович –
журналист (Москва)

МАЛИНОВСКИЙ
Валерий Мечиславович –
Публицист, журналист, победитель междуна-
родных литературных конкурсов к 125-летию
М. Булгакова, 110-летию А. Барто, Всемирного
форума духовной культуры «Созвездие духовно-
сти», лауреат Национальной литературной
премии «Золотое перо Руси»
(Находка)

БЕЛЫХ Анна Станиславовна –
хранитель фондов Хабаровского краевого му-
зея им Н.И. Гродекова

ТРИШКИНА
Татьяна Аркадьевна –
коллекционер, автор проекта «Индонезия – лю-
бовь моя» (совместно с галереей современного
искусства «Метаморфоза»
(Комсомольск-на-Амуре)

ДУБИНИНА
Нина Ивановна –
доктор исторических наук, профессор, заслу-
женный деятель науки РФ (Москва)

ФУРСОВА
Светлана Ивановна –
журналист

ДУБИНИНА
Марина Ильинична –
преподаватель
Хабаровского колледжа искусств

ЧЕРКЕСОВ
Валерий Николаевич –
член Союза писателей России, автор 23 книг
поэзии, прозы, публицистики, произведений для
детей, изданных в Москве, Белгороде, Благове-
щенске, Воронеже, Хабаровске (Белгород)

КОЗЛОВА
Людмила Григорьевна –
заместитель генерального директора
Дальневосточного художественного музея
по научной работе, арт-критик, член СХ РФ и
Международного Совета музеев (ИСОМ)

ШИШКИНА
Виктория Авенировна –
доктор педагогических
наук, профессор кафедры изобразительного
искусства Тихоокеанского государственного
университета, член Союза художников России,
искусствовед

Фото Евгения БАЛАНОВА

Тема следующего номера – СКВОЗЬ ТАЙГУ

Ансамбль национального танца «Аньяха хавжи» краеведческого музея им. Н.К. Бошняка Совгаванского района Хабаровского края. Фото Сергея ЕРЕМИНА

ГУСАК Григорий Виссарионович (1900–1981?), живописец

Родился в п. Казакевичево Хабаровского края. В 1917 г. окончил Хабаровское реальное училище. Его наставником был С.Г. Ращенко, воспитанник Императорской академии художеств (Санкт-Петербург). С 1921 по 1924 г. учился в Хабаровском педагогическом институте на историко-филологическом факультете, до 1931 г. преподавал черчение и рисование в школах Хабаровска. Профессионального художественного образования Г.В. Гусак не имел, поскольку занимался в вольных студиях рисунка.

С 1931 г. в качестве научного сотрудника Дальневосточного художественного музея выезжал в этнографические экспедиции в районы Хабаровского края, собирал этнографические коллекции. Наряду с директором художественного музея Петром Михайловичем Покровским Г.В. Гусак называют первым миссионером музейного дела: они читали лекции, готовили доклады по изобразительному искусству, формировали уникальное этнографическое собрание предметов искусства коренных народов Приамурья.

В 1934 г. Г.В. Гусак был допущен к испытанию на третий курс Института живописи, скульптуры и архитектуры (ИнЖСА) Всероссийской академии художеств в Ленинграде (в настоящее время Санкт-Петербургский институт живописи, архитектуры и архитектуры им. И.Е. Репина), но не прошел экзамен по рисунку. С 1936 г. жил в Москве, участвовал в различных художественных выставках. Участвовал в Великой Отечественной войне. В 1950-е гг. был главным художником павильона «Сибирь» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ, в настоящее время – ВВЦ, Всероссийский выставочный центр).

Участник выставок, организованных Ассоциацией хабаровских художников (1930, 1938), дальневосточных краевых художественных выставок, проходивших в 1932–1935 гг. в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке, выставки произведений московских художников (1936), Всесоюзной выставки молодых художников к 20-летию ВЛКСМ (Москва, 1939).

Произведения Г.В. Гусака находятся в собраниях ДВХМ и бывшего Центрального музея народов СССР в Москве (в 1948 г. фонды переданы Государственному историческому музею, Музею революции и Российскому музею этнографии в Санкт-Петербурге).

Автопортрет. 1966. Холст, масло
ДВХМ (Хабаровск)

Нанайский мальчик с собакой. 1937
Холст, масло. ДВХМ (Хабаровск)

Нюра Килендзюга – художница. 1935
Холст, масло. ДВХМ (Хабаровск)

На озере Болонь. (Нанайец с острогой). 1930-е (?) – 1966
Картон, масло. ДВХМ (Хабаровск)